

ДЖЕННИ
ХАН

P.S.
я все еще
люблю
тебя

Продолжение бестселлера

«ВСЕМ ПАРНЯМ, КОТОРЫХ Я ЛЮБИЛА»

Annotation

Когда тайные любовные письма Лары Джин попали в руки адресатам, ее жизнь превратилась в кошмар. Девушка вынуждена притворяться подругой самого красивого парня школы. Но она не планировала влюбляться в него. До этого самого момента. И когда Лара Джин понимает, что ее чувства самые что ни на есть настоящие, возвращается друг ее детства, к которому она тоже начинает испытывать симпатию. Может ли девушка любить двух парней одновременно? Как ей справиться со своими чувствами и понять, что ей в действительности нужно?

- [Дженни Хан](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Об авторе](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Дженни Хан

Р. S. Я все еще люблю тебя

Логану.

Мы только познакомились, но я уже люблю тебя.

«Она была рада, что уютный дом, и мама с папой, и камин, и музыка были сейчас. Их нельзя забыть, думала она, потому что они сейчас.

Они не могут быть давно».

Лора Инглз-Уайлдер, «Маленький домик в больших лесах»

«Время – самое длинное расстояние между двумя местами».

Теннесси Уильямс, «Стеклянный зверинец»

Jenny Han

P. S. I STILL LOVE YOU

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Text copyright © 2015 by Jenny Han

Jacket photograph copyright © 2015 by Douglas Lyle Thompson

© Д. Селивестрова, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дорогой Питер,

Я скучаю. Прошло всего пять дней, но я скучаю так, будто прошло пять лет. Может, я просто боюсь, что это конец и что мы никогда больше не будем разговаривать. Да, мы будем здороваться на уроке химии и в коридорах школы, но будет ли все так, как раньше? Мне от этого очень грустно. Я чувствую, что могла бы сказать тебе что угодно. Думаю, ты тоже это чувствуешь. Я на это надеюсь.

В общем, я прямо сейчас скажу тебе это «что угодно», пока не растеряла всю храбрость. Меня напугало то, что случилось между нами в джакузи. Для тебя это был лишь еще один день из жизни Питера, но для меня это значило гораздо большее, и именно это меня напугало. Даже не то, что все говорили о нас и обо мне, а то, что это вообще случилось. Что все было так просто, и что мне понравилось. Я испугалась и сорвалась на тебя, за что мне очень стыдно.

И прости, что я не защитила тебя перед Джошем на концерте. Я должна была. Я многое тебе должна. Я должна тебе гораздо больше, чем это. До сих пор не могу поверить, что ты пришел и принес печенье с изюмом. Кстати, ты был такой милый в этом свитере. И я не подлизываюсь. Я серьезно.

Иногда ты мне так нравишься, что просто сил нет. Это чувство переполняет меня с головы до ног и вот-вот польется через край. Ты мне так нравишься, что я не знаю, что с этим делать. От мысли о том, что я снова тебя увижу, мое сердце бьется как сумасшедшее. А потом, когда ты смотришь на меня так, как ты это делаешь, я чувствую себя самой счастливой девушкой на свете.

То, что Джош говорил о тебе, неправда. Ты не тащишь меня на дно. Наоборот. Ты создаешь меня заново. Ты подарил мне первую любовную историю, Питер. Пожалуйста, не дай ей закончиться так скоро.

С любовью, Лара Джин

Китти все утро капризничает, а папа и Марго, похоже, мучаются постновогодним похмельем. Ну а я что? У меня перед глазами летают сердечки, а письмо в кармане пальто грозит прожечь дыру.

Пока мы обуваемся, Китти все еще пытается увильнуть от необходимости надевать ханбок^[1] к тете Кэрри и дяде Виктору.

– Посмотрите на рукава! Они мне едва до локтей достают!

– Так и должно быть, – отвечает папа неубедительно.

Китти показывает на нас с Марго.

– Тогда почему у них длина нормальная? – спрашивает она.

Ханбоки нам привезла бабушка из ее последней поездки в Корею. Марго достались желтая блузка и салатовая юбка. Моя блузка была розово-бежевой, с ярко-розовым бантом. Объемная, похожая на колокол юбка струилась до пола, тогда как юбка Китти едва прикрывала ей лодыжки.

– Мы не виноваты, что ты растешь, как сорняк! – говорю я, сражаясь с бантом.

Правильно повязать бант сложнее всего. Чтобы разобраться, что к чему, мне пришлось несколько раз пересмотреть видео в Интернете, но он все равно получился кривым и жалким.

– И юбка у меня короткая! – ворчит сестренка, приподнимая подол.

На самом деле Китти терпеть не может надевать ханбок только потому, что ходить в нем нужно очень аккуратно, одной рукой придерживая юбку, чтобы вся конструкция не развалилась.

– Ваши кухни тоже будут в ханбоках, и это очень порадует бабушку, – говорит папа, потирая виски. – Разговор окончен.

В машине Китти без перерыва бормочет: «Ненавижу Новый год», и у всех, кроме меня, портится настроение. Марго и так уже была не в лучшем расположении духа, потому что ей пришлось встать на рассвете, чтобы вовремя вернуться домой от друзей. Похмелье, вероятно, тоже сделало свое дело. А вот мое настроение ничто не может испортить: меня даже нет с ними в машине. Я нахожусь в другом мире, думая о своем письме Питеру. Достаточно ли оно искреннее? Как и когда я его передам? Что он ответит? Что это будет значить? Бросить его в почтовый ящик или подсунуть в шкафчик? Когда мы снова увидимся, улыбнется ли он, пытаясь обратить все в шутку и смягчить напряжение? Или сделает вид, что ничего не получал, чтобы не говорить об этом? Такой вариант был бы самым

ужасным. Но я напоминаю себе, что, несмотря на все, Питер добрый и милый, и он не поступит так жестоко ни за что на свете. В этом я точно уверена.

– О чем ты задумалась? – спрашивает Китти.

Я ее едва слышу.

– Эй!

Я закрываю глаза и притворяюсь спящей. Все, что я вижу, – это лицо Питера. Я точно не знаю, чего от него хочу и к чему готова. Будет ли это «ты-мой-парень-я-твоя-девушка-все-очень-серьезно» любовь? Или просто случайные поцелуи, как раньше? Или что-то среднее? В одном я уверена наверняка: я не могу выбросить из головы его лицо. Как он улыбается, называя меня по имени, и как рядом с ним я порой забываю дышать.

Разумеется, приехав к тете Кэрри и дяде Питеру, мы обнаруживаем, что никто, кроме нас, не надел ханбоки. Китти так старается не накричать на папу, что вся багровеет, а мы с Марго испепеляем его взглядом. Знал бы он, какое это мучение, целый день ходить в этой тряпке! Но потом бабушка награждает меня одобрительной улыбкой, и я успокаиваюсь.

Пока мы разуваемся и снимаем пальто в прихожей, я шепчу Китти:

– Может, нам дадут больше денег за то, что мы так оделись?

– Девочки, вы прелестно выглядите! – восклицает тетя Кэрри, обнимая нас. – А вот Хэйвен отказалась надевать ханбок.

Хэйвен закатывает глаза.

– Мне нравится твоя прическа! – говорит она Марго.

Хэйвен всего на пару месяцев старше меня, но считает себя гораздо более взрослой и постоянно пытается подружиться с Марго.

Мы начинаем с поклонов. В корейской культуре в первый день нового года нужно кланяться старшим, желая им удачи в будущем году, а в ответ они дают тебе деньги. Очередь идет от старшего к младшему, поэтому бабушка садится на диван первой. Сначала ей кланяются тетя Кэрри и дядя Виктор, потом папа и так далее. Китти, как самая младшая, идет последней. Когда папа садится на диван и получает свои поклоны, рядом с ним остается одинокая диванная подушка, которая лежит там каждый Новый год, с тех пор как умерла мама. У меня защемляет в груди от того, как папа сидит там один, бодро улыбается и раздает десятидолларовые купюры. Бабушка многозначительно перехватывает мой взгляд, и я знаю, что она думает о том же. Когда приходит моя очередь кланяться, я встаю на колени, складываю ладони перед лицом и клянусь, что в следующем году папа не будет сидеть на диване один.

Мы получаем десять долларов от тети Кэрри и дяди Виктора, десять от папы, десять от тети Мин и дяди Сэма, которые на самом деле нам не дядя с тетей, а троюродные брат и сестра. Или супердвоюродные? В общем, они мамины кузены. Бабушка дает нам по двадцатке. Никто не заплатил нам больше за то, что мы были в ханбоках, но в целом выручка получилась неплохая. В прошлом году все родственники ограничились пятерками.

Далее в программе у нас суп из рисовых лепешек, который приносит удачу. Еще тетя Кэрри испекла гороховые пирожки и настояла на том, чтобы каждый их попробовал, хоть никто из нас не горел желанием. Ее близнецы, Гарри и Леон, наши четвероюродные братья (или двоюродные братья в квадрате?), отказались от супа с пирогами и уплетают куриные наггетсы, сидя перед телевизором. За обеденным столом не всем хватило места, поэтому мы с Китти сидим в кухне на табуретах и лишь слушаем доносящийся из столовой смех.

Сделав первый глоток супа, я загадываю желание. *Пожалуйста, пожалуйста, пусть у нас с Питером все получится.*

– Почему моя миска с супом меньше, чем у остальных? – шепчет мне Китти.

– Потому что ты самая младшая.

– А почему нам не дали кимчи?

– Потому что тетя Кэрри считает, что мы его не любим, ведь мы только наполовину корейцы.

– Попроси кимчи, – шепчет Китти.

И я иду просить, скорее для себя, чем для нее.

Когда взрослые садятся пить кофе, мы с Хэйвен и Марго идем в комнату Хэйвен, а Китти увязывается за нами. Обычно моя младшая сестра играет с близнецами, но в этот раз она хватает Смитти, йоркширского терьера тети Кэрри, и идет с нами наверх, как все девочки.

У Хэйвен по всей комнате развешаны плакаты инди-музыкантов, о большинстве которых я даже не слышала. Она их постоянно меняет. Я вижу один новый, группы «Бель и Себастьян», напечатанный на бумаге в виде джинсовой ткани.

– Классный! – замечаю я.

– Я как раз собиралась его поменять, – говорит Хэйвен. – Можешь взять себе, если хочешь.

Я вежливо отказываюсь. Я же знаю, что она предлагает лишь для того, чтобы почувствовать свое превосходство.

– Я возьму! – восклицает Китти, и Хэйвен тут же хмурится, но

сестренка уже отрывает плакат от стены. – Спасибо, Хэйвен!

Мы с Марго переглядываемся, стараясь не улыбнуться. Хэйвен всегда недолюбливала Китти, и это чувство у них взаимное.

– Марго, ты в Шотландии ходила на какие-нибудь концерты? – спрашивает Хэйвен, плюхаясь на кровать и открывая ноутбук.

– Ни разу, – отвечает Марго. – Я была занята учебой.

К тому же моя сестра вообще не любит ходить на концерты. Она смотрит в телефон, а юбка-ханбок струится вокруг нее. Марго – единственная из девочек Сонг, кто до сих пор при полном параде. Я сняла блузку, оставшись в майке и юбке, а Китти избавилась от всего ханбока и теперь щеголяет в топе и подштанниках.

Я сажусь на кровать рядом с Хэйвен, чтобы она могла показать мне фотки с ее каникул на Бермудах. Она начинает прокручивать ленту Инстаграма, и я замечаю снимки из нашей школьной поездки. Хэйвен играет в молодежном оркестре Шарлотсвилля, и у нее в друзьях много ребят из разных школ, включая мою.

Я не могу сдержать вздоха, когда вижу ее: нашу общую фотографию, сделанную в автобусе в утро отъезда. Питер обнимает меня за плечи и что-то шепчет мне на ухо. Хотела бы я вспомнить, что именно!

Хэйвен поднимает на меня удивленный взгляд и спрашивает:

– Ой, смотри, это ты, Лара Джин. Где это?

– Ездили со школой кататься на лыжах.

– Это твой парень? – спрашивает Хэйвен, и я вижу, что она поражена, но усердно старается этого не показывать.

Хотела бы я сказать «да», но...

Прибегает Китти и заглядывает мне через плечо.

– Да, и он самый красивый парень, которого ты когда-либо видела, Хэйвен! – говорит она с вызовом.

Марго, которая до этого сидела, уткнувшись в телефон, поднимает взгляд и хихикает.

– Это не совсем так, – говорю я, защищаясь.

То есть да, он самый красивый парень, которого я когда-либо видела, но кто знает, какие ребята учатся в школе с Хэйвен.

– Нет, Китти права, он шикарен, – признает Хэйвен. – Как ты его заполучила? Без обид. Я просто думала, ты не из тех, кто встречается с парнями.

Я хмурюсь. Не из тех, кто встречается с парнями? Что это значит? Что я мухомор, который сидит в полумраке своей комнаты и обрастает плесенью?

– Лара Джин постоянно ходит на свидания! – поддерживает меня Марго.

Я краснею. Я ни разу не была на свидании, если не считать Питера, но я благодарна сестре за ложь.

– Как его зовут? – спрашивает Хэйвен.

– Питер. Питер Кавински.

Одно его имя доставляет мне удовольствие, и я смакую его, как тающую на языке дольку шоколада.

– Хм, – говорит Хэйвен. – Я думала, он встречается с той красивой блондинкой. Как там ее? Дженна? Вы с ней в детстве были лучшими подругами.

Я чувствую укол в сердце.

– Ее зовут Женевьева. Мы раньше дружили, но теперь нет. И они с Питером уже давно расстались.

– И долго вы с Питером вместе? – спрашивает Хэйвен.

В ее глазах сомнение, будто она верит мне на девяносто процентов, но остальные десять не дают ей покоя.

– Мы начали общаться в сентябре, – это, по крайней мере, правда. – Сейчас мы не вместе. У нас как бы перерыв. Но я... не теряю оптимизма.

Китти тычет меня в щеку мизинцем, делая ямку.

– Ты улыбаешься! – говорит она и тоже расплывается в улыбке, пристраиваясь ко мне поближе. – Помиритесь сегодня, ладно? Я хочу Питера обратно!

– Все не так просто, – отвечаю я, хотя почему бы и нет?

– Еще как просто! Ты ему очень нравишься! Только скажи, что он тебе тоже нравится, и бум! Вы снова вместе, как будто ты никогда его не прогоняла.

Глаза Хэйвен становятся еще шире.

– Лара Джин, это *ты* с ним рассталась?

– В это что, так сложно поверить? – Я смотрю на нее, прищурившись, и Хэйвен было открывает рот, но принимает мудрое решение промолчать.

Она еще раз смотрит на фотографию Питера, а потом встает, чтобы пойти в туалет, и, закрывая дверь, говорит:

– Я лишь одно могу сказать: будь он моим парнем, я бы никогда его не отпускала.

От ее слов меня бросает в дрожь.

Когда-то я так же думала о Джоше, и чем все закончилось? Такое чувство, будто прошло сто лет, и он стал лишь воспоминанием. Я не хочу, чтобы с Питером было так же, когда прежние чувства остаются так далеко,

что, как бы ты ни старалась, закрывая глаза, ты едва можешь вспомнить его лицо. Что бы ни случилось, лицо Питера я хочу помнить всегда.

Перед отъездом я надеваю пальто, и письмо вылетает из кармана. Марго подбирает его.

– Еще одно письмо?

Я краснею и торопливо говорю:

– Я пока не решила, когда мне его отдать. Самой бросить в ящик или отправить по почте? Или вручить лично? Марго, ты как думаешь?

– Просто поговори с ним, – отвечает Марго. – Прямо сейчас. Папа тебя подбросит. Езжай к нему домой, отдай письмо и посмотришь, что он скажет.

От этой мысли мое сердце начинает бешено стучать. Прямо сейчас? Взять и прийти, не позвонив, не составив план?

– Не знаю, – говорю я уклончиво. – По-моему, мне еще нужно подумать.

Марго открывает рот, чтобы ответить, но появляется Китти и заявляет:

– Хватит уже писем! Просто иди и верни его!

– Пока еще не поздно, – добавляет Марго, и я знаю, что она имеет в виду не только нас с Питером.

Я аккуратно обходила тему Джоша из-за всего, что между нами произошло. Конечно, Марго меня простила, но зачем раскачивать лодку? Последние дни я лишь молча ее поддерживала и надеялась, что этого достаточно. Но меньше чем через неделю Марго возвращается в Шотландию. Разве можно уезжать, даже не поговорив с Джошем? Мы все так долго дружили. У нас с ним все наладится, потому что мы соседи, и так бывает с теми, кто часто видится. Все сглаживается, будто само по себе. Но с Марго это не сработает, ведь она так далеко. Если они не поговорят сейчас, шрам будет становиться все тверже, пока не окаменеет, и они превратятся в незнакомцев, которые никогда не любили друг друга. Что может быть печальнее?

Пока Китти обувается, я шепчу Марго:

– Если я поговорю с Питером, ты поговоришь с Джошем. Не уезжай в Шотландию, оставив все так, как есть.

– Посмотрим, – говорит она, но я вижу промелькнувшую в ее глазах надежду, которая дает надежду и мне.

Марго и Китти уснули на заднем сиденье. Китти положила голову сестре на колени, а голова Марго с широко раскрытым ртом откинулась назад. Папа с блаженной улыбкой слушает Национальное радио. Все такие умиротворенные, а мое сердце бьется со скоростью миллион ударов в минуту в предвкушении того, что я задумала.

Я сделаю это сегодня же вечером. До того как начнутся уроки. Прежде чем все вернется на круги своя и мы с Питером станем одним лишь воспоминанием. Это как снежный шар: если его потрясти, на мгновение все переворачивается вверх дном, блестки повсюду... Настоящее волшебство! Но потом все успокаивается и возвращается на свои места. В жизни всегда все возвращается на места. А я не хочу возвращаться.

Когда мы проезжаем неподалеку от дома Питера, я прошу папу подбросить меня. Должно быть, он слышит в моем голосе отчаяние и *нужду*, потому что соглашается, не задавая вопросов.

Мы приближаемся к дому Питера, и я вижу, что везде горит свет. Его машина стоит на подъездной дорожке, рядом с минивэном его мамы. Солнце уже начинает садиться: зимой темнеет рано. У соседей через дорогу до сих пор горят рождественские огни. Возможно, это их последний день, ведь уже наступил новый год. Новый год – новая жизнь.

Я чувствую, как на запястьях пульсируют вены. Я нервничаю, ужасно нервничаю. Выбегаю из машины и звоню в звонок. Услышав шаги за дверью, я машу папе, и он отъезжает. Китти проснулась и широко улыбается, прижавшись лицом к заднему стеклу. Она показывает большой палец, и я машу ей в ответ.

Питер открывает дверь. Мое сердце скачет в груди, как мексиканские прыгающие бобы. На нем клетчатая рубашка, которой я раньше не видела. Должно быть, рождественский подарок. Волосы на макушке растрепаны, как будто он лежал. Увидев меня, он не выглядит удивленным.

– Привет! – Питер бросает взгляд на мою юбку, которая торчит из-под пальто, как бальное платье. – Ты чего так разоделась?

– В честь Нового года.

Может, стоило заехать домой и переодеться? Так я бы хоть чувствовала себя собой, заявившись к нему на порог с протянутой рукой, в ожидании милостыни.

– Ну, как провел Рождество?

– Хорошо. – Он делает паузу на целые четыре секунды, прежде чем спросить: – А ты?

– Отлично! У нас теперь есть щенок! Его зовут Джейми Фокс-Пикл.

На лице Питера ни тени улыбки. Он холоден. Я не ожидала, что он будет так холоден. Даже хуже... на его лице полное безразличие.

– Мы можем поговорить?

Питер пожимает плечами, что похоже на «да», но войти не приглашает. Меня охватывает тошнотворное подозрение, что у него Женестьева, но страх быстро рассеивается: будь она здесь, он бы ко мне не вышел. Питер оставляет дверь нараспашку, пока надевает кроссовки и пальто, после чего выходит на крыльцо. Он закрывает за собой дверь и садится на ступени. Я сажусь рядом с ним, разглаживая юбку.

– Ну, в чем дело? – спрашивает он так, будто я отнимаю его драгоценное время.

Это неправильно. Я ожидала совсем другого.

Но чего именно я ожидала от Питера? Что отдам ему письмо, он его прочитает и снова полюбит меня? Заключит меня в свои объятия, и мы страстно поцелуемся, но просто поцелуемся, невинно? И что потом? Мы будем встречаться? Сколько пройдет времени, прежде чем ему станет со мной скучно и будет недоставать Женестьевы? Прежде чем он захочет большего, нежели я готова ему дать, как в спальне, так и просто в жизни? Таким, как он, мало сидеть дома и смотреть фильм на диване. Как-никак, мы говорим о Питере Кавински.

Я так задумываюсь, увлекшись мысленным путешествием в будущее, что он спрашивает еще раз, на этот раз чуть теплее:

– Ну так что, Лара Джин?

Он смотрит на меня с таким видом, будто чего-то ждет, и мне становится страшно отдавать письмо.

Я сжимаю его в кулаке и запикиваю подальше в карман пальто. Руки леденеют. У меня нет ни перчаток, ни шапки. Наверное, мне лучше пойти домой.

– Я просто зашла сказать... что сожалею о том, как все обернулось. И... надеюсь, мы сможем остаться друзьями. И с Новым годом!

Питер щурится.

– С Новым годом? – переспрашивает он. – Ты это пришла сказать? Сожалею и с *Новым годом*?

– И что я надеюсь, что мы останемся друзьями! – добавляю я, закусив губу.

– Ты надеешься, что мы останемся друзьями? – повторяет он, и в его

голосе слышатся нотки сарказма, которых я не понимаю, и мне это не нравится.

– Именно так.

Я начинаю вставать. Я надеялась, что он отвезет меня домой, но теперь не хочу даже спрашивать. А на улице так холодно! Может, если намекнуть... Дыша на руки, я говорю:

– Ну, мне пора домой.

– погоди! Давай вернемся к извинениям. За что именно ты просишь прощения? За то, что выгнала меня из своего дома, или за то, что считала меня козлом, который всем вокруг рассказывает о том, как переспал с тобой, хотя этого не было?

У меня комок подступает к горлу. Когда он так говорит, это звучит действительно ужасно.

– И за то и за другое. Я за все хочу извиниться.

Питер склоняет голову набок, приподняв брови.

– А еще за что?

Я начинаю сердиться. *Еще за что?*

– Больше ни за что. Это все.

Слава богу, я не отдала ему письмо, раз он так себя ведет. Как будто мне одной есть за что извиняться.

– Слушай, ты сама пришла просить прощения и предлагать остаться друзьями. Но ты не можешь заставить меня принять твоё недоделанное извинение.

– В любом случае желаю тебе счастливого Нового года! – Теперь я тоже говорю с сарказмом, и мне это нравится. – Всего тебе хорошего. Живи долго и счастливо, и все такое.

– Ладно. Пока!

Я разворачиваюсь. Утром я была полна надежд. У меня в глазах загорались звезды, когда я представляла, как все пройдет. Боже, какой же Питер придурок! Скатертью ему дорога!

– погоди!

Надежда запрыгивает мне в сердце, прямо как Джейми Фокс-Пикл, когда он забирается ко мне на кровать: быстро и без приглашения. Я оборачиваюсь, но всем своим видом говорю: «Ой, ну что еще тебе нужно?», чтобы Питер ничего не заметил.

– Что у тебя в кармане?

Я залезаю в карман рукой.

– Это? Да так, ничего. Рекламная листовка. Она лежала рядом с твоим почтовым ящиком. Не волнуйся, я по пути ее выброшу.

– Давай мне, я сам выброшу, – говорит он, протягивая руку.

– Нет. Говорю же, мне не сложно. – Я стараюсь затолкать конверт поглубже в карман, а Питер пытается выхватить его у меня из рук. Мне удается увернуться, и я сжимаю письмо изо всех сил. Он пожимает плечами, и я расслабляюсь, облегченно вздохнув. Тогда-то он и бросается вперед, вырвав у меня добычу.

– Питер, отдай! – кричу я, запыхавшись.

– Вскрытие чужой корреспонденции является федеральным преступлением! – говорит он беспечно, а потом смотрит на конверт. – Это же мне! От тебя!

В отчаянии я снова пытаюсь выхватить письмо, чего Питер не ожидает. Какое-то время мы боремся, и мне даже удается схватиться за уголок, но он не отпускает.

– Прекрати, ты его порвешь! – кричит он, освобождая конверт от моей хватки. Я пытаюсь тянуть сильнее, но слишком поздно. Он победил.

Питер держит письмо у меня над головой, открывает его и начинает читать. Какая же это пытка, стоять перед ним, смотреть и ждать. Чего ждать? Сама не знаю. Как будто мало мне унижений! Может, лучше просто уйти? Как же медленно он читает!

Наконец-то закончив, Питер спрашивает:

– Почему ты не стала мне его отдавать? Почему собиралась просто уйти?

– Не знаю. Потому что ты был не слишком рад меня видеть, – говорю я, и мой голос предательски дрожит.

– Да брось, я набивал себе цену! Глупышка, я все ждал, что ты мне позвонишь. Шесть дней прошло!

– О! – Я только и могу, что выдохнуть.

– О! – повторяет он, притягивая меня к себе за воротник пальто. Достаточно близко, чтобы поцеловать.

Он так близко, что я вижу пар, идущий у него изо рта. Так близко, что я могла бы сосчитать его ресницы, если бы захотела.

– Значит... я все еще тебе нравлюсь? – спрашивает он тихим голосом.

– Да, – шепчу я. – Вроде того.

Мое сердце бьется быстро-быстро. У меня кружится голова. Это сон? Если так, я не хочу просыпаться.

Питер смотрит на меня с выражением *«Признай уже, что я тебе нравлюсь»*. Да, нравишься. Потом он мягко говорит:

– Ты же веришь, что я никому не говорил, будто мы занимались сексом в школьной поездке?

– Да.

– Хорошо. – Он делает вдох. – И еще... после того как я ушел в тот вечер, между тобой и Сандерсом что-нибудь было?

Он ревнует! Одна мысль об этом согревает меня, как горячий бульон. Я собираюсь сказать ему, что нет, конечно, но он быстро добавляет:

– Стой, не отвечай мне. Я не хочу знать.

– Нет! – говорю я твердо, чтобы он понял, насколько я серьезна.

Он кивает, но молчит.

Потом он наклоняется, и я закрываю глаза. Сердце трепещет в груди, будто крылья колибри. По сути, мы целовались всего четыре раза, и только один раз по-настоящему. Я хочу уже перейти к делу, чтобы больше не волноваться. Но Питер меня не целует. Не так, как я ожидала. Он чмокает меня в левую щеку, потом в правую. У него теплое дыхание. А потом – ничего. Мои глаза широко открываются. Что это за поцелуй такой? Почему он не может поцеловать меня как следует?

– Что ты делаешь? – шепчу я.

– Растягиваю предвкушение.

– Просто поцелуй меня уже! – говорю я нетерпеливо.

Он наклоняет голову, наши щеки соприкасаются, но вдруг открывается входная дверь, и на пороге появляется Оуэн, младший брат Питера. Он стоит, скрестив руки. Я отскакиваю от Питера, как будто только что узнала, что у него смертельная заразная болезнь.

– Мама хочет, чтобы вы зашли и угостились сидром, – заявляет Оуэн, ухмыляясь.

– Через минуту, – говорит Питер, притягивая меня обратно.

– Она сказала, сейчас! – настаивает Оуэн.

Господи! Я в панике смотрю на Питера.

– Я лучше пойду, пока папа не начал волноваться...

Он подталкивает меня к двери подбородком.

– Загляни на минутку, потом я отвезу тебя домой.

Когда я захожу в дом, парень снимает с меня пальто и тихо спрашивает:

– Неужели ты собиралась идти домой в этом платье? Пешком, по такому холоду?

– Нет, я планировала давить на жалость, чтобы ты меня подвез, – шепчу я в ответ.

– Что на тебе надето? – интересуется Оуэн.

– Так корейцы наряжаются на Новый год, – отвечаю я ему.

Мама Питера выходит из кухни с двумя дымящимися чашками. На ней

длинный кашемировый кардиган, свободно подпоясанный на талии, и вязаные тапочки кремового цвета.

– Какая красота! – восхищается она. – Ты шикарно выглядишь! Очень ярко!

– Спасибо, – отвечаю я, смущенная вниманием.

Оуэн убегает на кухню, а мы втроем усаживаемся в гостиной. Кажется, я все еще красная из-за чуть не случившегося поцелуя и мысли о том, что мама Питера догадывается, чем мы занимались. Мне интересно, много ли ей известно о наших отношениях? Что именно Питер рассказывал ей, и говорил ли о нас вообще?

– Как ты провела Рождество, Лара Джин? – спрашивает меня его мама. Я дую на горячую жидкость.

– Очень хорошо. Папа подарил моей сестренке щенка, и мы дрались из-за того, кто будет его держать. Еще из колледжа приехала моя старшая сестра, это просто замечательно. А как ваши праздники, миссис Кавински?

– О, чудесно! Очень спокойно, – она показывает на свои тапочки. – Смотри, что подарил мне Оуэн. А как праздничная вечеринка? Твоим сестрам понравилось печенье с изюмом, которое испек Питер? Я, если честно, его терпеть не могу.

Я удивленно смотрю на Питера, который вдруг начинает сосредоточенно изучать что-то в телефоне.

– Ты же говорил, их испекла твоя мама.

Миссис Кавински улыбается гордой улыбкой.

– О нет! Питер все сам сделал. Он был настроен очень решительно.

– А на вкус получились отбросы! – кричит Оуэн из кухни.

Его мама снова смеется, и потом наступает тишина. Я отчаянно перебираю в голове возможные темы для разговора. Может, планы на новый год? Или снежная буря, которую обещали на следующей неделе? От Питера никакой помощи: он снова уткнулся в телефон.

Миссис Кавински встает.

– Рада была тебя повидать, Лара Джин. Питер, не засиживайтесь допоздна.

– Не будем, – обещает он и поворачивается ко мне. – Я сейчас, только ключи возьму.

Когда Питер уходит, я говорю:

– Простите, что вот так заявила в праздничный день. Надеюсь, я вам не помешала.

– Мы рады тебе в любое время.

Она наклоняется, кладет руку мне на колено и, одарив меня

многозначительным взглядом, говорит:

– Просто будь осторожней с его сердцем. Это все, о чем я прошу.

У меня внутри все сжимается. Неужели Питер рассказал ей о том, что между нами случилось?

Похлопав меня по колену, женщина встает.

– Доброй ночи, Лара Джин.

– Доброй ночи, – отзываются я эхом.

Несмотря на ее теплую улыбку, я чувствую, что сделала что-то не так. В ее голосе я отчетливо услышала нотку упрека. *«Не тронь моего сына»*, вот что она говорила. Неужели Питер был так расстроен из-за того, что между нами случилось? С виду не скажешь. Может, раздражен или слегка обижен, но не настолько, чтобы обсуждать это с мамой. Хотя, возможно, они очень близки. Только этого мне не хватало! Произвести плохое впечатление на маму Питера, еще даже не начав с ним встречаться.

На улице крошечная тьма, звезд на небе почти не видно. Похоже, скоро снова пойдет снег. Дома на всем первом этаже горит свет, а наверху – только в спальне Марго. Через дорогу, в окне дома мисс Ротшильд, светится маленькая рождественская елка.

Нам с Питером тепло и уютно в его машине. Из кондиционера дует теплый воздух.

– Ты рассказывал маме о том, как мы расстались? – спрашиваю я его.

– Нет. Ведь мы не расставались, – говорит он, выключая печку.

– Нет?

Он смеется.

– Нет, потому что мы даже не были вместе, так ведь?

«А теперь мы вместе?» – думаю я, но не задаю этого вопроса, потому что он обнимает меня за плечи и наклоняет мою голову к своей. Я снова нервничаю.

– Не волнуйся, – улыбается Питер.

Я быстро целую его, чтобы доказать, что совсем не волнуюсь.

– Поцелуй меня так, будто скучала по мне, – говорит он, и его голос слегка хрипит.

– Я скучала, – отвечаю я. – Я же написала в письме.

– Да, но...

Я целую его прежде, чем он успевает закончить. Как следует. Всерьез. Он уверенно отвечает на поцелуй. Такое чувство, что мы не виделись четыреста лет. И я больше ни о чем не думаю, а просто растворяюсь в его поцелуях.

После того как Питер меня высаживает, я бегу в дом, чтобы все рассказать Марго и Китти. Я чувствую себя кошельком, который вот-вот лопнет от золотых монет, и мне уже не терпится все выложить.

Китти смотрит телевизор, развалившись на диване, Джейми Фокс-Пикл устроился у нее на коленях. Когда я захожу в дом, она приподнимается и шепотом говорит:

– Гоу-Гоу плачет.

Мой энтузиазм мгновенно затухает.

– Что? Почему?

– Кажется, она ходила к Джошу, они поговорили, и все прошло не очень хорошо. Тебе лучше к ней заглянуть.

О нет! Все должно было закончиться совсем не так. Они должны были помириться, как мы с Питером.

Китти откидывается на диване с пультом в руках и чувством выполненного сестринского долга.

– А как у тебя прошло с Питером?

– Отлично, – признаюсь я. – Действительно отлично.

Я невольно расплываюсь в улыбке, но из солидарности с Марго тут же стираю ее с лица.

Я иду на кухню и завариваю ей чашку «Засыпай-чая» с двумя столовыми ложками меда. Мама часто поила нас им перед сном. Секунду я размышляю, не добавить ли туда немного виски: я видела это в каком-то сериале о викторианской эпохе. Чтобы успокоить нервы хозяйки поместья, горничная разбавляла ее чай алкоголем. Я знаю, Марго, как и все студенты, выпивает в колледже, но у нее и без того уже похмелье. Да и папа вряд ли одобрит такое чаепитие, так что я просто наливаю чай, без виски, в мою любимую кружку и велю Китти отнести его наверх. Я прошу ее быть очень милой, вручить Марго чай, а потом полежать с ней в обнимку как минимум пять минут. Китти упрямится, потому что на такие нежности она способна лишь тогда, когда ей что-то нужно. Или, скорее, она просто боится видеть Марго расстроенной.

– Я принесу ей Джейми, пусть с ним обнимается, – тут же находится Китти.

Вот эгоистка!

Когда я захожу к Марго в комнату, приготовив ей тосты с маслом и

корицей, ни Китти, ни Джейми нигде не видно. Марго плачет, свернувшись на кровати.

– Все кончено, Лара Джин, – шепчет она. – Все и так было кончено, но теперь я знаю, что это навсегда. Я... я думала, что, если захочу к нему вернуться, он тоже захочет, но он... он не хочет.

Я ложусь рядом, мой лоб упирается ей в спину. Я чувствую каждый ее вдох. Она плачет в подушку, а я поглаживаю ее лопатки так, как она любит. Марго вообще-то никогда не плачет, поэтому при виде ее слез весь мой мир, весь наш дом переворачивается. Земля сходит с орбиты.

– Он говорит, что отношения на расстоянии – это слишком... сложно. Что я была права, когда порвала с ним. Но я так по нему скучала! А он, похоже, вообще обо мне не думал.

Я виновато закусываю губу. Это я подбила ее на разговор с Джошем. Это отчасти моя вина.

– Марго, он скучал по тебе. Скучал как сумасшедший. Я иногда выглядывала в окно во время французского, а он сидел на трибунах и ел свой ланч в полном одиночестве. Печальное было зрелище.

– Правда? – всхлипывает Марго.

– Да.

Я не понимаю, почему Джош так поступил. Он вел себя так, будто был влюблен в нее до беспамятства, чуть ли не в депрессию впал, когда она уехала. А теперь что?

– Я думаю, – говорит Марго со вздохом, – думаю, я до сих пор его люблю.

– Правда?

«Люблю». Марго сказала «люблю». Кажется, я еще ни разу не слышала, чтобы она говорила, что любит Джоша. Может, она говорила «влюблена», но точно не «люблю».

Марго вытирает глаза простыней.

– Я порвала с ним только затем, чтобы не быть одной из тех девчонок, которые рыдают из-за парня, а теперь именно это и делаю. Это глупо!

– Уж кого-кого, а тебя невозможно назвать глупой, – говорю я ей.

Марго перестает всхлипывать и переворачивается, теперь мы лежим лицом к лицу. Хмурясь, она произносит:

– Я и не говорю, что я глупая. Я говорю, что плакать из-за парня – глупо.

– Аа... – отвечаю я. – Что ж, я не думаю, что плакать из-за кого-то – глупо. Это лишь значит, что человек тебе не безразличен и что тебе грустно.

– Я так много плакала, что мои глаза сейчас, наверное, похожи на... на сморщенные изюминки. Это так? – щурится Марго.

– Они опухли, – признаю я. – Просто твои глаза не привыкли плакать. У меня есть идея!

Я вскакиваю с кровати и бегу вниз, на кухню. Насыпаю в миску лед, хватаю две серебряные ложки и быстро возвращаюсь.

– Ложись на спину! – команду я, и Марго подчиняется. – Закрой глаза.

Я прикладываю ложку к каждому глазу.

– Думаешь, это поможет? – спрашивает сестра.

– Да, если верить журналу.

Когда ложки нагреваются от ее кожи, я кладу их обратно в лед, а потом возвращаю на лицо, и так снова и снова. Марго просит меня рассказать, что случилось с Питером, и я рассказываю. Я опускаю эпизод с поцелуем, потому что некрасиво хвастаться перед человеком с разбитым сердцем. Марго садится и говорит:

– Только не притворяйся, что тебе нравится Питер, чтобы пощадить мои чувства. – Марго сглатывает, поморщившись, будто у нее болит горло. – Если в глубине души тебе все еще нравится Джош... если ты ему нравишься...

Я прихожу в ужас. Я открываю рот, чтобы все отрицать, чтобы сказать, что все эти чувства далеко в прошлом, но сестра жестом говорит мне молчать.

– Было бы тяжело, но я не хочу стоять у вас на пути, понимаешь? Я серьезно, Лара Джин. Можешь сказать мне.

Я очень рада и благодарна за то, что она подняла эту тему, и поспешно говорю:

– О боже, Гоу-Гоу, мне не нравится Джош! Не как парень. Совершенно. И я ему тоже как девушка не нравлюсь. Просто... думаю, просто мы оба очень по тебе скучали. Мне нравится Питер. – Под одеялом я нащупываю руку Марго и сцепляю наши мизинцы. – Даю слово сестры!

Она тяжело сглатывает.

– Значит, у него нет скрытой причины не возвращаться ко мне. Значит, он просто не хочет быть вместе.

– Нет, это значит, что ты в Шотландии, а он в Вирджинии, и что все очень сложно. Ты поступила мудро, порвав с ним перед отъездом. Мудро, смело и правильно.

На ее лице темной тенью проскальзывает сомнение, но она трясет головой, и ее взгляд проясняется.

– Хватит о нас с Джошем. Это уже в прошлом. Расскажи о Питере. Пожалуйста, так мне станет лучше.

Она снова ложится, и я возвращаю ложки ей на глаза.

– Ну, сегодня он был со мной очень холоден поначалу, такой безразличный...

– Нет, расскажи все с самого начала.

И я рассказываю. О наших притворных отношениях, о джакузи, обо всем. Время от времени Марго снимает ложки с глаз, чтобы многозначительно посмотреть на меня, пока я говорю. Вскоре ее глаза уже не выглядят такими опухшими, да и я чувствую себя легче, в голове проясняется. Я полгода скрывала от нее это, а теперь она знает обо всем, что случилось с момента ее отъезда, и я снова чувствую, как мы близки. Пока между нами были секреты, мы не могли быть близки по-настоящему.

Марго откашливается. Она колеблется, а потом спрашивает:

– Ну а как он целуется?

Я краснею и прикасаюсь пальцами к губам прежде, чем ответить:

– Целуется он... так, что ему должны за это платить.

Марго хихикает и поднимает ложки с глаз.

– Как парень-проститутка?

Я беру одну из ложек и бью ее по лбу, как в гонг.

– Ай! – она тянется за другой ложкой, но я оказываюсь быстрее и завладеваю обеими. Мы смеемся как сумасшедшие, пока я пытаюсь еще раз ударить ее по лбу.

– Марго... было больно, когда ты занималась сексом?

Я специально не упоминаю имя Джоша. Мне неловко, потому что мы с Марго никогда раньше не обсуждали секс, ведь никто из нас этим не занимался. Но теперь у нее есть опыт, а у меня нет, и я хочу знать все, что знает она.

– Хм. Ну, первые пару раз немного. – Теперь настает ее черед краснеть. – Лара Джин, я не могу с тобой об этом говорить. Это слишком странно. Может, спросишь Крис?

– Нет, я хочу послушать тебя. Пожалуйста, Гоу-Гоу. Расскажи мне все, чтобы я была готова. Я не хочу выглядеть дурой, когда это случится в первый раз.

– Как будто мы с Джошем только и делали, что занимались сексом! Я не эксперт. Он единственный, с кем это было. Но если ты собираешься заняться сексом с Питером, будь осторожна, не забудь о презервативе и все такое.

Я быстро киваю. Наконец-то она говорит что-то полезное.

– И будь в нем уверена. Настолько, насколько это возможно. Убедись, что он будет с тобой очень нежен и внимателен, чтобы первый раз был особенным и о нем остались бы только хорошие воспоминания.

– Ясно. А как долго это длится? От начала и до конца.

– Не так уж и долго. Не забывай, у Джоша это тоже был первый раз.

Марго задумывается, и я тоже не могу избавиться от мыслей. Питер столько раз делал это с Женевьевой, что, наверное, уже стал профессионалом. Возможно, я даже испытаю оргазм с первого раза. Это, конечно, замечательно, но было бы лучше, если бы мы оба не знали, что делаем, а не я одна.

– Ты ведь не жалеешь об этом?

– Нет. Думаю, нет. Я всегда буду рада, что сделала это с Джошем. Несмотря на то что все так закончилось.

И мне становится легче от того, что даже сейчас, с красными от слез глазами, Марго все равно не жалеет, что любила Джоша.

* * *

Я засыпаю в ее комнате, как в старые добрые времена, свернувшись рядом с ней под одеялом. У Марго самая холодная комната в доме, потому что находится прямо над гаражом. Я слушаю, как включается и выключается обогреватель.

Рядом со мной, в темноте, она говорит:

– Когда вернусь в колледж, буду встречаться с кучей шотландцев. Когда еще представится такая возможность?

– Нет, стой, – смеюсь я, поворачиваясь к ней лицом. – Зачем столько шотландцев? Пусть будет один англичанин, один ирландец и один шотландец. И один валлиец! Настоящий тур по Британской империи!

– Что ж, на то я и будущий антрополог, – соглашается Марго, и мы снова смеемся. – Знаешь, что меня больше всего расстраивает? Что мы с Джошем никогда уже не будем дружить, как раньше. Не после такого. Его уже не вернешь. А он был моим лучшим другом.

Я делаю широкие обиженные глаза, стараясь поднять ей настроение, чтобы она снова не расплакалась.

– Эй! Разве не я твой лучший друг?

– Ты мне не лучший друг. Ты моя сестра, а это гораздо большее.

Да, это *гораздо* большее.

– У нас с Джошем все начиналось так просто, так весело. А теперь мы

с ним как чужие. Я лишилась человека, которого знала лучше кого-либо, и который так хорошо знал меня.

Сердце начинает покалывать. Когда она так говорит, звучит действительно печально.

– Вы еще можете стать друзьями. Через какое-то время.

Но я знаю, что отныне все будет по-другому. Ты всегда будешь тосковать по прошлому. Тебе всегда будет чего-то не хватать.

– Все будет не так, как раньше.

– Да, – соглашаюсь я, – все будет уже не так.

Как ни странно, я думаю о Женевьеве, о том, кто мы теперь друг для друга. Мы так хорошо дружили в детстве, но все изменилось, когда мы выросли. Видимо, нельзя держаться за прошлое только ради того, чтобы удержать его.

Похоже, это конец эпохи. Больше не будет «Марго и Джоша». Теперь уже навсегда. Я это знаю, потому что Марго плачет, и я слышу в ее голосе, что все кончено. В этот раз мы обе это понимаем. Все изменилось.

– Не позволяй этому случиться и с тобой, Лара Джин. Не окажись в таком положении, когда уже ничего не вернуть. Люби Питера, если хочешь, но будь осторожна со своим сердцем. Нам кажется, что любовь вечна, но это не так. Любовь может уйти, как и человек, даже не желая этого. Ничто не гарантировано.

Я сглатываю.

– Я буду осторожна, обещаю.

Но я даже не знаю, что это значит. Как можно быть осторожной, когда он мне так сильно нравится?

Марго со своей подругой Кейси уехала покупать новые ботинки, папа на работе, а мы с Китти лениво смотрим телевизор, когда у меня вибрирует телефон. Это сообщение от Питера. «Сходим вечером в кино?» Я пишу «Да!», затем удаляю восклицательный знак, чтобы не показаться слишком обрадованной. Но теперь сухое «да» выглядит лишенным энтузиазма. Я останавливаюсь на смайлике и нажимаю «отправить» прежде, чем успеваю окончательно заикнуться.

– С кем ты переписываешься? – спрашивает Китти, растянувшись на полу гостиной и уплетая пудинг. Джейми пытается облизнуть лакомство, но та качает головой и ругает его: – Ты же знаешь, тебе нельзя шоколад!

– Я переписываюсь с Питером. И, кстати, вместо шоколада там наверняка одна химия. Почитай этикетку.

Из всех нас Китти ведет себя с Джейми особенно строго. Она не берет его на руки, когда тот скулит, чтобы его подержали, и брызгает ему в мордочку водой, когда тот хулиганит. Этому сестренка научилась у нашей соседки через дорогу, мисс Ротшильд, которая оказалась настоящим дрессировщиком. Раньше у нее было три собаки, но после развода ей достался только золотистый ретривер Симон, а ее бывший муж получил право опеки над остальными двумя.

– Питер снова твой парень? – спрашивает меня Китти.

– Хм. Даже не знаю.

После вчерашних слов Марго о том, чтобы не торопиться, быть осторожной со своим сердцем и не оказаться в точке невозврата, я думаю, что какое-то время, может, даже лучше оставаться в состоянии неопределенности. К тому же как назвать то, у чего изначально не было названия? Мы были теми, кто делает вид, что они нравятся друг другу. Теми, кто притворяется парой. И кто мы теперь? Как бы все обернулось без притворства? Мы бы понравились друг другу? Стали бы встречаться? Этого мы уже никогда не узнаем.

– Что значит «даже не знаю»? – настаивает Китти. – Ты разве не должна быть в курсе, если ты чья-то девушка?

– Мы это еще не обсуждали. Ну, не официально.

– Значит, надо выяснить, – говорит Китти, переключая канал.

Я поворачиваюсь на бок и приподнимаюсь на локте.

– Но разве это что-то меняет? Я хочу сказать, мы же нравимся друг

другу. Зачем навешивать какие-то ярлыки? Что изменится?

Китти не отвечает.

– Эй!

– Прости, давай поговорим после рекламы. Я пытаюсь телевизор смотреть.

Я бросаю в нее подушку.

– Мне проще обсудить это с Джейми, – говорю я, хлопая в ладоши. – Иди сюда, Джейми!

Щенок приподнимает голову, смотрит на меня и ложится обратно, примостившись под боком у Китти. Он наверняка все еще надеется на пудинг.

Вчера вечером, когда мы с Питером сидели в машине, статус наших отношений его совсем не волновал. Он выглядел счастливым и беззаботным, как всегда. А я постоянно беспокоюсь из-за пустяков. Думаю, мне бы в жизни пригодилось немного философии «плывущего по течению» Питера.

– Поможешь выбрать, в чем мне сегодня пойти в кино с Питером? – спрашиваю я Китти.

– А мне можно с вами?

– Нет!

Китти начинает дуться, и я спешу добавить:

– Может, в следующий раз.

– Хорошо. Покажи мне два варианта, и я скажу, какой из них лучше.

Я несусь к себе в комнату и начинаю рыться в шкафу. Это будет наше первое настоящее свидание, и я хочу его удивить. К сожалению, Питер уже видел все мои лучшие наряды, так что единственное спасение – это шкаф Марго. У нее есть вязаное кремовое платье, которое она привезла из Шотландии. Я могу надеть его с коричневыми сапожками. Также мой взгляд падает на ее фиолетово-голубой полосатый свитер, от которого я просто в восторге. Его можно надеть с желтой юбкой, а волосы повязать желтой лентой. И, разумеется, накрутиться, потому что Питер как-то сказал, что ему больше нравятся кудри.

– Китти! – зову я. – Иди сюда, выберешь из двух вариантов!

– Когда будет реклама! – кричит она в ответ.

Тем временем я пишу Марго:

«Можно одолжить твой полосатый свитер или вязаное кремовое платье?»

«Oui».

Китти голосует за свитер, заявив, что в нем я похожа на фигуристку, и

мне нравится, как это звучит.

– Наденешь его, когда мы пойдем кататься на коньках, – говорит сестренка. – Ты, я и Питер.

– Хорошо, – смеюсь я в ответ.

Мы с Питером стоим в очереди за попкорном. Казалось бы, обыденная ситуация, но это лучшая обыденная ситуация из всего, что случилось в моей жизни. Я проверяю карманы, чтобы удостовериться, что мой надорванный билет никуда не делся. Я хочу его сохранить.

Глядя на Питера, я шепчу ему:

– Это мое первое свидание.

Я чувствую себя героиней фильма, где девочке-«ботану» достается самый классный парень в школе, и я совсем не возражаю. Нисколько.

– Какое же это первое свидание, если мы с тобой уже много раз куда-то ходили?

– Это мое первое *настоящее* свидание. Раньше мы притворялись, а теперь все по-настоящему.

– Стой, так это по-настоящему? – хмурится он. – А я и не понял.

Я замахиваюсь, чтобы ударить его в плечо, но он со смехом перехватывает мою руку и переплетает свои пальцы с моими. Я чувствую, как сердце бьется прямо через ладонь. Мы впервые по-настоящему держимся за руки. Это совсем другое чувство, в отличие от тех раз, когда мы притворялись. Это как электрический ток, в хорошем смысле. В наилучшем смысле.

Очередь продвигается, и я понимаю, что волнуюсь. Это странно, ведь со мной просто Питер. Но теперь он другой Питер, а я – другая Лара Джин, потому что у нас свидание, настоящее свидание. Чтобы не молчать, я спрашиваю:

– Когда ты смотришь фильм, ты берешь шоколадные конфеты или жевательные?

– Никакие. Мне нужен только попкорн.

– Значит, мы обречены. Тебе не нравятся никакие конфеты, а я люблю и те и другие.

Мы подходим к кассе, и я начинаю доставать кошелек. Питер смеется.

– Думаешь, я позволю девушке платить на ее первом свидании? – Расправив грудь, он говорит кассиру: – Нам, пожалуйста, один средний попкорн с маслом, только масло положите слоями. А еще кислые тянучки и пачку шоколадных драже. И вишневую колу.

– Как ты узнал, что я хотела?

– Я гораздо внимательнее, чем ты думаешь, Кави.

Питер обнимает меня за плечи с самодовольной улыбкой и случайно задевает мою правую грудь.

– Ай!

Он сконфуженно смеется.

– Упс! Прости. Все нормально?

Я бью его локтем в бок, и он продолжает смеяться, пока мы подходим к залу. Тогда-то мы и замечаем, как из дамской комнаты выходят Женестьева и Эмили. Когда я в последний раз видела Женестьеву, она рассказывала всему автобусу о том, как мы с Питером занимались сексом в джакузи. Меня охватывает паника, из разряда «бей или беги».

Питер на секунду замедляет шаг, и я не знаю, что мы будем делать. Придется подойти и поздороваться? Или мы пройдем мимо? Питер обнимает меня крепче, и я чувствую, что он тоже колеблется. Его разрывает на части.

Женестьева решает за всех и проходит в зал, как будто она нас не заметила. В тот же зал, куда направлялись и мы. Я не смотрю на Питера, и он тоже ничего не говорит. Значит, мы просто будем делать вид, что ее здесь нет? Он проводит меня через те же двери и находит наши места. Крайние слева, в заднем ряду. Женестьева с Эмили сидят по центру. Я вижу ее светлые волосы и спину ее серого пальто, но заставляю себя не смотреть в ту сторону. Если Джен повернется, я не хочу, чтобы она поймала мой взгляд.

Мы садимся и, когда я снимаю пальто и удобно устраиваюсь в кресле, у Питера вибрирует телефон. Он вытаскивает его из кармана и тут же убирает. Я понимаю, что это Женестьева, но не хочу ничего спрашивать. Ее присутствие испачкало весь вечер, как след от укуса вампира уродует нежную шею.

Гаснет свет, и Питер обнимает меня за плечи. Интересно, мы весь фильм будем так сидеть? Я каменею и пытаюсь выровнять дыхание.

– Расслабься, Кави, – шепчет он мне на ухо.

Я пытаюсь, но невозможно расслабиться по команде, еще и при таких обстоятельствах. Питер сжимает мое плечо, наклоняется и утыкается носом мне в шею.

– Ты вкусно пахнешь, – говорит он тихим голосом.

Я смеюсь, не рассчитав громкость, и сидящий перед нами мужчина оборачивается с укоризненным взглядом. Пристыженная, я говорю Питеру:

– Прости, мне было щекотно.

– Ничего, – говорит он, не убирая руки с моих плеч.

Я улыбаюсь и киваю, а сама думаю: неужели он ждет, что во время

фильма мы будем заниматься чем-то «таким»? Поэтому он выбрал места в последнем ряду, хотя еще оставались кресла по центру? Во мне зарождается паника. Здесь Женестьева! И полно народу! Может, мы и целовались в джакузи, но вокруг никого не было. И вообще, я просто хочу посмотреть фильм. Я наклоняюсь вперед, чтобы сделать глоток газировки, но на самом деле лишь для того, чтобы незаметно отодвинуться от Питера.

После фильма мы, не сговариваясь, спешим убраться из зала, чтобы снова не наткнуться на Женестьеву. Мы выбегаем из кинотеатра с такой скоростью, будто за нами гонится дьявол, хотя это отчасти правда. Питер голоден, но я так наелась конфет и попкорна, что не готова к ужину, поэтому предлагаю пойти в закусочную, где он поделится со мной своей картошкой фри. Но Питер говорит:

– Давай лучше сходим в настоящий ресторан, раз это твое первое свидание.

– Не знала, что в тебе сидит такой романтик, – парирую я шутливым тоном, но на полном серьезе.

– Привыкай! – отвечает он гордо. – Я умею обращаться с девушками.

Питер ведет меня в свой любимый ресторан «Бисквитная душа». Я смотрю, как он уплетает жареную курицу, политую горячим медом и «табаско», и думаю о том, сколько раз Женестьева сидела и смотрела, как он делает то же самое. Город у нас небольшой. Здесь нет такого места, где бы он уже ни был с Женестьевой. Отлучившись в туалет, я задаюсь вопросом, воспользуется ли он моим отсутствием, чтобы ответить на ее сообщение, но заставляю себя выкинуть эту мысль из головы как можно скорее. Ну и что, что он ей ответит? Они все еще друзья. Это нормально. Я не позволю Джен испортить мне вечер. Я хочу быть здесь, в этом моменте. Только мы вдвоем и наше первое свидание.

К моему возвращению Питер уже разделался со своей жареной курицей, оставив перед собой лишь гору грязных салфеток. У него есть привычка вытирать руки после каждого отправленного в рот кусочка. К его щеке прилипли мед и несколько хлебных крошек, но я ничего не говорю, потому что он выглядит очень мило.

– Ну, как прошло твое первое свидание? – спрашивает Питер, откидываясь на спинку стула. – Расскажи мне так, будто меня здесь не было.

– Мне понравилось, что ты знал, какие я люблю конфеты.

Он ободряюще кивает.

– И... мне понравился фильм.

– Да, это я понял. Ты постоянно на меня цыкала и показывала пальцем на экран.

– Мужчина перед нами начинал сердиться!

Я колеблюсь. Не знаю, стоит ли говорить то, что я хочу сказать. То, о чем я думала весь вечер.

– Слушай... мне одной кажется, что...

Он наклоняется ко мне с заинтересованным видом.

– Что?

Я делаю глубокий вдох.

– Что все это... немного странно. В смысле, сначала мы притворялись, а потом нет, а потом поссорились, и теперь мы здесь, и ты ешь жареную курицу. Мы как будто сделали все не в том порядке, и это круто, просто... как-то перевернуто.

И еще во время фильма ты пытался засунуть руку мне под свитер.

– Да, это немного странно, – признает Питер.

Я потягиваю сладкий чай, с облегчением отметив, что он не считает меня ненормальной из-за того, что я подняла эту тему.

Улыбнувшись, он говорит:

– Думаю, нам нужен новый контракт.

Я не могу понять, шутит он или говорит серьезно, поэтому решаю подыграть:

– И что будет написано в контракте?

– Первое, что приходит мне в голову... это то, что я буду звонить тебе каждый вечер перед сном. Ты согласишься приходить на все мои матчи по лакроссу. И иногда на тренировки. Я буду приходить к тебе домой на ужин. Ты будешь ходить со мной на вечеринки.

При упоминании вечеринок я корчу гримасу.

– Давай просто делать то, что хотим. Как раньше. – Внезапно у меня в голове раздается голос Марго. – Давай... просто хорошо проводить время.

Он кивает, теперь его очередь смотреть с облегчением.

– Да!

Мне нравится, что он не воспринимает все слишком серьезно. В других это может раздражать, но не в нем. Думаю, это одно из его лучших качеств. Наравне с лицом. На его лицо я могу смотреть целыми днями. Потягивая сладкий чай через соломинку, я поглядываю на Питера. Вообще-то контракт может нам пригодиться. Он оградит нас от возможных проблем и внесет долю ответственности. Марго бы мною гордилась.

Я вытаскиваю из сумочки маленький блокнот с ручкой и пишу вверху страницы: «Новый контракт Лары Джин и Питера».

Первым пунктом я записываю: «*Питер не будет опаздывать*».

Питер вытягивает шею, пытаюсь прочитать вверх ногами.

– погоди, что? «Питер не будет опаздывать?»

– Если ты обещаешь где-то быть, то будь там.

– Я *один раз* не пришел, а ты затаила обиду? – хмурится он.

– Ты всегда опаздываешь!

– Это не то же самое, что вообще не прийти.

– Постоянные опоздания – это проявление неуважения по отношению к тому, кто тебя ждет.

– Я тебя уважаю! Я уважаю тебя больше любой знакомой мне девушки.

– «Девушки»? – Я тычу в него пальцем. – Только девушки? Кого из парней ты уважаешь больше меня?

Питер запрокидывает голову и стонет так громко, что получается рык. Я тянусь через стол, над всей едой, хватаю его за воротник и целую, пока мы снова не поссорились. Хотя, стоит отметить, это была не обидная ссора, а скорее дружеские пререкания, благодаря которым мы впервые за вечер почувствовали себя самими собой.

Вот к чему мы пришли:

Питер не будет опаздывать больше чем на пять минут.

Лара Джин не будет заставлять Питера заниматься рукоделием.

Питер не обязан звонить Ларе Джин перед сном, но может, если захочет.

Лара Джин будет ходить на вечеринки, только когда захочет.

Питер будет подвозить Лару Джин всегда, когда она захочет.

Лара Джин и Питер всегда будут говорить друг другу правду.

Я хочу добавить к контракту еще кое-что, но боюсь поднимать эту тему сейчас, когда все идет так гладко.

Питер может дружить с Женеьевой, но должен быть честен с Ларой Джин по этому поводу.

Или, может, *Питер не будет врать Ларе Джин о Женеьеве*. Но это лишнее, потому что у нас уже есть пункт «всегда говорить друг другу правду». Хотя, если честно, такой пункт меня тоже не устраивает. На самом деле я хочу сказать: «*Питер всегда будет предпочитать Лару Джин Женеьеве*». Но я не могу такое сказать. Конечно же, не могу. Мне мало что известно об отношениях с парнем, но я знаю, что ревность и неуверенность всегда все портят.

Так что я решаю прикусить язык и не говорю того, что думаю. Остался лишь один очень серьезный момент, в котором я должна быть уверена.

– Питер?

– Да?

– Я не хочу... я не хочу, чтобы мы разбили друг другу сердце.

Питер непринужденно смеется, обхватив мое лицо своими ладонями.

– Ты планируешь разбить мне сердце, Кави?

– Нет. И я уверена, что ты не собираешься разбивать мое, но этого никто не планирует.

– Тогда впиши это в контракт. Питер и Лара Джин обещают не разбивать друг другу сердце.

Я улыбаюсь ему, испытывая несказанное облегчение, и записываю:
Лара Джин и Питер не разобьют друг другу сердце.

В последний день каникул мы с Китти лежим на моей кровати и смотрим на компьютере смешные видео с животными. Наш щенок Джейми Фокс-Пикл свернулся комочком у подножия кровати. Китти завернула его в свое старое детское одеяльце так, что оттуда выглядывает только его мордочка. Щенку что-то снится, это видно по тому, как он часто вздрагивает. Но я не могу понять, хороший это сон или плохой.

– Может, нам тоже снимать Джейми на видео? – спрашивает меня Китти. – Он ведь достаточно милый, да?

– Он, конечно, симпатяга, но у него нет никакого особенного таланта или причуд.

Стоит мне произнести слово «причуда», как я сразу вспоминаю Питера и его слова о том, что я «милая в причудливом смысле». Интересно, он до сих пор так обо мне думает? Говорят, чем дольше вам кто-то нравится, тем красивее он вам кажется, даже если раньше вы так не считали.

– У Джейми есть фишка. Например, он иногда скачет по комнате, как маленький олененок, – напоминает мне Китти.

– Хм. Я бы не назвала это его «фишкой». Это не то же самое, что запрыгивать в картонные коробки, играть на пианино или делать ужасно сердитую морду.

– Мисс Ротшильд поможет мне его выдрессировать. Она считает, у него подходящий характер для трюков.

Китти включает следующее видео про собаку, которая воет, когда играет «Триллер» Майкла Джексона. Мы с Китти сгибаемся от смеха и смотрим еще раз.

После видео, на котором кот оборачивается вокруг женщины, как шарф, я говорю:

– Погоди-ка! А ты домашнее задание сделала?

– Мне надо было только прочитать книгу.

– Ты ее прочитала?

– Почти, – пожимает плечами Китти, уstraиваясь ближе ко мне.

– У тебя были целые рождественские каникулы, чтобы ее прочитать, Китти!

Мне бы хотелось, чтобы Китти любила читать так же сильно, как мы с Марго. Но она предпочитает телевизор. Я останавливаю видео и резко захлопываю ноутбук.

– Никаких больше видео про животных! Иди дочитывай книгу.
Я начинаю сталкивать Китти с кровати, но она хватается за мою ногу.
– Ах, матушка, не выгоняйте вон! – говорит она гордо. – Это Шекспир.
«Ромео и Джульетта», если ты вдруг не читала.
– Не выделяйся, будто читала Шекспира. Я видела, как ты смотрела фильм по телевизору.
– Какая разница, читала я или смотрела фильм? Мораль все равно одна.
Китти снова забирается ко мне. Я глажу ее по волосам.
– И какова же мораль?
– Не убивай себя из-за парня.
– Или из-за девушки.
– Или из-за девушки, – соглашается она и открывает мой ноутбук. –
Еще одно видео про кошек, и пойду читать.
Мой телефон гудит. Это сообщение от Крис.

Зайди в Инстаграм Анонимки, СЕЙЧАС ЖЕ!

Анонимка – это безымянный профиль в Инстаграме, на котором выкладывают скандальные фотографии и видео всех, кого застукают на вечеринке пьяными в стельку или занимающимися сексом. Никто не знает, кто ведет страничку, но любой житель нашего городка может прислать туда материал. В прошлом году стала популярной фотография девчонки из другой школы: она показывала грудь полицейской машине. Я слышала, что за это ее исключили.

Мой телефон снова гудит.

СКОРЕЕ!

– Погоди, Китти, дай я кое-что посмотрю, – говорю я, ставя видео на паузу, и вбиваю адрес. – Если хочешь остаться здесь, закрой глаза, пока я не разрешу их открыть.

Китти подчиняется.

В последнем посте от Анонимки – видео, где парень с девушкой обжимаются в джакузи. Анонимка особенно славится своими видео из джакузи и помечает их тэгом #страстибурлят. Изображение немного зернистое, как будто снимали издалека, сильно приблизив. Я включаю видео. Девушка сидит у парня на коленях, накрыв его своим телом, ее ноги оплелись вокруг его талии, руки – вокруг шеи. На ней красная ночная

рубашка, которая вздувается на воде, как парус. Парня за ней совсем не видно. Концы ее длинных волос опускаются в джакузи, будто кисть для каллиграфии – в чернила. Парень водит руками по ее спине, словно играет на виолончели.

Я так заворожена, что сначала не замечаю, что Китти смотрит вместе со мной. Мы обе склонили головы, пытаюсь разобрать, что именно происходит на видео.

– Тебе нельзя это смотреть! – говорю я.

– Они делают это? – спрашивает Китти.

– Из-за ночной рубашки сложно сказать.

Но вполне возможно.

Потом девушка дотрагивается до щеки парня, и в этом движении, в том, как она касается его, будто читает шрифт Брайля, есть что-то знакомое. По затылку пробегает холодок, и меня сбивает с ног *взрыв* осознания, позорное узнавание.

Это же я! Мы с Питером, в джакузи во время школьной поездки.

О боже!

Я кричу.

Прибегает Марго, на ней корейская маска для лица с дырочками для глаз, носа и рта.

– Что? *Что?*

Я пытаюсь прикрыть экран рукой, но она сбрасывает ее, а потом тоже вскрикивает. Ее маска отваливается.

– Боже мой! Это ты?

О боже, о боже, о боже.

– Не давай Китти смотреть! – кричу я.

Китти округляет глаза.

– Лара Джин, я думала, ты приличная девочка!

– Так и есть! – кричу я.

Марго сглатывает.

– Это... вы как будто...

– Да! Не говори этого!

– Не волнуйся, – утешает меня Китти. – Я и не такое видела даже по обычным каналам, не говоря уже о кабельных.

– Китти, иди в свою комнату! – кричит Марго.

Китти хнычет и цепляется за меня.

Я не верю своим глазам. Описание гласит: *Пай-девочка Лара Джин занимается горячим сексом в джакузи с Кавински. Разве презервативы спасают под водой? Что ж, скоро узнаем;*) В комментариях в основном

смайлики с широко раскрытыми глазами и всякие «ржунемогу». Некая Вероника Чен написала: «*Вот шлюха! Она азиатка?*» Я даже не знаю, кто такая Вероника Чен!

– Кто мог так со мной поступить? – взываю я, прижимая ладони к щекам. – Я лица не чувствую! Мое лицо все еще мое лицо?

– Что это за Анонимка? – требовательно спрашивает Марго.

– Никто не знает, – говорю я, и в моих ушах стоит такой рев, что я едва слышу собственный голос. – Все просто репостят ее записи. Или его. Я не слишком громко говорю?

Я в шоке. Я не чувствую ни рук, ни ног. Я сейчас упаду в обморок. Неужели это происходит? Это моя жизнь?

– Видео нужно немедленно удалить! Есть какая-нибудь горячая линия для запрещенного материала? Я заявлю куда следует!

Марго выхватывает у меня компьютер и щелкает на кнопку «пожаловаться на непристойное содержание». Просматривая комментарии на странице, она вскипает:

– Какие же люди ничтожества! Надо связаться с адвокатом. Так быстро видео не уберут.

– Нет! – вскрикиваю я. – Я не хочу, чтобы папа это увидел!

– Лара Джин, дело очень серьезное. Ты же не хочешь, чтобы члены приемных комиссий колледжей, вводя в поисковик твое имя, натыкались на это видео? Или, например, будущие работодатели...

– Гоу-Гоу! Мне от твоих слов сейчас только хуже!

Я хватаю телефон. Питер. Он будет знать, что делать. Сейчас пять часов, а значит, он еще на тренировке. Я даже позвонить ему не могу, поэтому пишу сообщение:

СРОЧНО ПОЗВОНИ!

Затем я слышу папин голос, доносящийся с лестницы:

– Картошка сама собой в пюре не превратится! Кто мне поможет?

О господи! Как я буду сидеть за ужином и смотреть папе в глаза, зная о существовании этого видео? Я не могу поверить, что это моя жизнь.

Марго и Китти переглядываются, а потом смотрят на меня.

– Папе ничего не говорить! – шепчу я им сквозь зубы. – Это тебя касается, Китти!

Она смотрит на меня так, будто я ранила ее чувства.

– Я знаю, когда нужно держать рот на замке.

– Прости, прости, – бормочу я.

Сердце бьется так быстро, что начинает болеть голова. Я больше не могу мыслить здраво.

За ужином мой желудок переворачивается, и я с трудом проглатываю несколько ложек пюре. К счастью, Марго и Китти отвлекают папино внимание и поддерживают беседу, так что мне не приходится говорить. Я только вожу вилкой по тарелке и украдкой скармливаю свой ужин Джейми Фокс-Пиклу. Как только все заканчивают есть, я пулей несусь наверх и проверяю телефон. От Питера до сих пор ничего. Только новые сообщения от Крис и одно от Хэйвен.

ОМГ, это ты?

Я не знаю, кто эта девушка на видео. Я не узнаю в ней себя. Я совсем не так себя вижу. Это совершенно другой человек, не имеющий ко мне никакого отношения. Я не из тех, кто залезает в джакузи с парнями, сидит у них на коленях и страстно целует их в прилипшей к телу мокрой ночнушке. Но это действительно я. Просто видео не говорит всей правды.

Я повторяю себе, что на самом деле мы не занимаемся там сексом. Я не голая. На видео просто *кажется*, что я голая. Я не могу перестать думать о том, что вся школа посмотрела эти кадры; видео, на котором оказался запечатлен самый интимный и романтический момент моей жизни. А ведь кто-то его снимал! Кто-то был там. Эти воспоминания должны были принадлежать только нам с Питером, но оказалось, что с нами был какой-то затаившийся в лесу Подглядывающий Том. Это больше не наше воспоминание. Его опошлили, теперь оно кажется вульгарным. В тот миг я чувствовала себя свободной, безрассудной, даже немного сексуальной. Да, я впервые в жизни чувствовала себя сексуальной. А теперь я просто хочу исчезнуть.

Я лежу на кровати, уставившись в потолок; телефон лежит рядом. Марго и Китти запретили мне пересматривать видео. Они пытались забрать у меня телефон, но я сказала, что буду ждать звонка от Питера. Я бросаю беглый взгляд на страницу с видео: там уже больше ста комментариев. Дело плохо.

Китти играет на полу с Джейми Фокс-Пиклом, а Марго пишет в службу поддержки Инстаграма, когда ко мне в окно стучится Крис. Марго ей открывает, и Крис забирается в комнату: она дрожит, щеки порозовели.

– Как она держится?

– Думаю, она в шоке, – говорит Китти.

– Я не в шоке, – отвечаю я.

Хотя, может, и так. Может, это шок. Такое странное, сюрреалистичное ощущение, как будто я онемела, но при этом все мои чувства обострены.

– Почему ты не могла зайти через входную дверь, как все нормальные люди? – спрашивает Марго Крис.

– Никто не открывал, – Крис стаскивает ботинки, садится на пол рядом с Китти и начинает гладить Джейми. – Итак. Во-первых, там и не разберешь, что это ты. Во-вторых, видео такое горячее, что тут и стыдиться нечего. Я хочу сказать, что ты потрясно выглядишь.

Марго издает звук отвращения.

– Это настолько не в тему, что я даже не знаю, с чего начать.

– Я просто говорю по-честному. Объективно оно, конечно, паршиво, но не менее объективен тот факт, что Лара Джин выглядит на видео просто потрясающе.

– Ты же говорила, там не видно, кто это! – замечаю я, забираясь под одеяло. – Не зря мне так не хотелось в эту поездку! Терпеть не могу джакузи! Как я могла добровольно залезть в джакузи?

– Эй, скажи спасибо, что ты была в ночнушке, – откликается Крис. – Ты могла бы быть голой.

Я высовываю голову из-под одеяла и смотрю на нее.

– Голой – никогда!

– «Голой никогда»! – фыркает Крис. – Ты знаешь, что есть такое движение? Так себя называют те, кто постоянно ходит в одежде. Они даже душ принимают в джинсовых шортах.

Я ложусь на бок, отвернувшись от Крис.

Кровать прогибается, когда ко мне залезает Марго.

– Все будет хорошо, – говорит она, стягивая с меня одеяло. – Мы заставим их удалить видео.

– И что с того? – говорю я. – Его уже все видели. Теперь меня считают шлюхой.

Крис щурится.

– Ты считаешь, что если девушка занималась сексом в джакузи, то она обязательно шлюха?

– Нет, я так не считаю. Так считают другие.

– А как *ты* считаешь? – спрашивает Крис.

Я смотрю на Китти, которая заплетает волосы Крис в маленькие косички. Она сидела так тихо, что мы не заметили, что она здесь, и забыли ее выгнать.

– Я думаю, что, если ты готова и хочешь этого, и предохраняешься, то все хорошо и ты можешь делать все, что хочешь.

– Общество привыкло стыдить женщин за то, что они получают удовольствие от секса, и восхвалять мужчин, – говорит Марго. – Заметьте, в комментариях все только и знают, что обзывают Лару Джин шлюхой, но никто ничего не говорит о Питере. А ведь он тоже здесь, с ней. Такой двойной стандарт просто смешон!

Я об этом не думала.

Крис смотрит в телефон.

– Пока мы здесь сидим, уже три человека переслали мне это видео.

Я всхлипываю, а Марго говорит:

– Крис, это не помогает, совсем! – потом она обращается ко мне. – Если люди будут что-то говорить, не обращай на них внимания. Ты выше этого.

– Или пользуйся ситуацией, – предлагает Крис.

– Никто ничего не скажет Ларе Джин, потому что она девушка Питера, – добавляет из-за ее спины Китти. – Это значит, она под его защитой. Как в «Клане Сопрано».

– Господи, ты смотришь «Клан Сопрано»? – восклицает Марго в ужасе. – Где ты увидела «Клан Сопрано»? Его больше не показывают по телевизору.

– Я смотрю через Интернет. Я уже на третьем сезоне.

– Китти! Не смотри это больше! – Марго закрывает глаза и качает головой. – Неважно. Сейчас у нас другие проблемы, а об этом позже поговорим. Китти, Ларе Джин не нужен парень, чтобы ее защищать.

– Нет, Китти права, – возражает Крис. – И дело не в том, что Питер парень. То есть не только в этом. Дело в том, что он популярен, а она – нет. Здесь его защита имеет значение. Без обид, Эл-Джи.

– Да, ерунда, – говорю я.

Немного обидно, конечно, но это правда. К тому же сейчас не время расстраиваться из-за таких пустяков. Это ничто по сравнению с так называемым секс-видео.

– А что обо всем этом говорит Кавински? – спрашивает меня Крис.

– Пока ничего. Он еще на тренировке.

Мой телефон тут же начинает гудеть, и мы переглядываемся с широко раскрытыми глазами. Марго берет его и смотрит на экран.

– Это Питер! – Сестра бросает мне телефон. – Давайте их оставим, – говорит она, толкая Крис, но та лишь пожимает плечами.

Я игнорирую их обеих и отвечаю на звонок.

– Привет. – Мой голос тонкий, как тростинка.

– Так, я видел запись, и первое, что я тебе скажу, – не психуй.

Он тяжело дышит и говорит так, будто бежит, очень быстро.

– Не психовать? Каким образом? Это ужасно! Ты знаешь, что все пишут обо мне в комментариях? Что я шлюха! Питер, все думают, что на видео мы занимаемся сексом!

– Никогда не читай комментарии, Кави! Это первое правило...

– Если ты скажешь «Бойцовского клуба», я брошу трубку.

– Прости. Ладно, да, ситуация отстой, но...

– Это не отстой! Это настоящий кошмар! Такой личный момент выставили на всеобщее обозрение. Я полностью унижена! И то, что все говорят...

Мой голос срывается. Китти, Марго и Крис смотрят на меня грустными глазами, от чего мне становится еще паршивее.

– Не плачь, Лара Джин! Пожалуйста, не плачь! Обещаю, я все исправлю. Я заставлю того, кто ведет эту страничку, удалить видео.

– Как? Мы даже не знаем, кто это! К тому же, я уверена, его уже видела вся школа. Включая учителей. Я точно знаю, что они тоже просматривают Анонимку. Я как-то была в учительской и слышала, как мистер Филлип и мисс Райан жаловались на то, что эта страничка выставляет нашу школу в дурном свете. А если нас увидят члены приемной комиссии и будущие работодатели?

– Будущие работодатели? – хохочет Питер. – Кави, бывало и похуже. Черт, да там полно *моих* фотографий, куда более ужасных. Помнишь ту, где я лежу без штанов головой в унитазе?

Я вздрагиваю.

– Я никогда не видела этой фотографии. К тому же ты – это одно дело, а я – совсем другое. Я такими вещами не занимаюсь.

– Просто доверься мне, ладно? Обещаю, я обо всем позабочусь.

Я киваю, хоть и знаю, что он меня не видит. У Питера есть влияние. Если кто и может все исправить, то это он.

– Слушай, мне пора. Тренер устроит мне взбучку, если увидит с телефоном. Я перезвоню тебе вечером, ладно? Не засыпай.

Я не хочу вешать трубку. Я бы хотела поговорить подольше.

– Ладно, – шепчу я.

Когда я кладу трубку, на меня смотрят три пары глаз – Марго, Крис и Китти.

– Ну? – спрашивает Крис.

– Он сказал, что обо всем позаботится.

– Я же говорила! – Китти самодовольно улыбается.

– Что значит «он обо всем позаботится»? – интересуется Марго. –

Пока что он проявил себя довольно-таки безответственным.

– Он не виноват, – говорим мы с Китти одновременно.

– О, я точно знаю, кто во всем виноват! – восклицает Крис. – Моя двоюродная сестра из ада.

У меня перехватывает дыхание.

– Что? Почему?

Она одаривает меня скептическим взглядом.

– Потому что ты увела ее парня.

– Женестьева сама изменила Питеру! Поэтому они и расстались. Я тут ни при чем.

– Да какая разница? – Крис встряхивает головой. – Брось, Лара Джин! Помнишь, что она сделала с Джамилой Синх? Рассказывала всем, что ее семья держит раба из Индонезии только потому, что у бедняжки хватило смелости встречаться с Питером сразу после их разрыва. Я просто говорю, что Джен не упустила бы случая выкинуть подобную гадость.

В поездке Женестьева говорила, что знает о поцелуе, а значит, в какой-то момент их отношений Питер ей все рассказал. И он наверняка забыл упомянуть, что поцеловал меня первым, а не наоборот. Тем не менее мне сложно поверить, что она могла так жестоко со мной поступить. Джамила Синх и Женестьева всегда недолюбливали друг друга. Но мы с Джен когда-то были лучшими подругами. Да, мы почти не разговаривали последние несколько лет, но Джен всегда чтит старую дружбу.

Нас наверняка застукал какой-нибудь болван, тусующийся в комнате отдыха, или, может... Не знаю. Это мог быть кто угодно!

– Я никогда ей не доверяла, – говорит Марго. – Без обид, Крис. Хоть она и твоя двоюродная сестра.

– На что тут обижаться? – фыркает Крис. – Я ее терпеть не могу.

– И я уверена, что это она поцарапала бабушкину машину своим велосипедом, – говорит Марго. – Помнишь, Лара Джин?

Вообще-то это сделала Крис, но я молчу. Крис начинает кусать ногти, в панике поглядывая на меня, так что я говорю:

– Не думаю, что видео выложила Женестьева. Это мог быть кто угодно, кто нас случайно увидел.

– Не волнуйся, Лара Джин. – Марго обнимает меня за плечи. – Мы заставим их удалить видео. Ты несовершеннолетняя.

– Включи его еще раз, – прошу я.

Китти ставит видео на начало и нажимает «воспроизвести». У меня щемит сердце каждый раз, когда я на это смотрю. Я закрываю глаза, чтобы не видеть. Слава богу, что слышны только звуки леса и бурление воды в

джакузи.

– Там... там все настолько плохо, как мне кажется? В смысле, все действительно выглядит так, будто мы занимаемся сексом? Только честно.

Я открываю глаза. Марго смотрит в экран, склонив голову.

– Нет, вовсе нет. Это, скорее...

– Очень горячий поцелуй, – добавляет Крис.

– Точно! – соглашается Марго. – Просто очень горячий поцелуй.

– Клянётесь?

– Клянемся! – говорят они в унисон.

– Китти? – спрашиваю я сестренку.

Она закусывает губу.

– На мой взгляд, похоже на секс. Но я здесь единственная, кроме тебя, кто никогда не занимался сексом, так что откуда мне знать?

Марго ахает.

– Прости, я читала твой дневник.

Марго шлепает ее, а Китти быстро уползает, словно краб.

Я делаю глубокий вдох.

– Ладно, с этим я смогу жить. Кому есть дело до горячего поцелуя, да? Это часть жизни, так ведь? И моего лица там даже не видно. Нужно хорошо меня знать, чтобы понять, что это я. Моего полного имени здесь тоже нет, только Лара Джин. В мире, должно быть, полно Лар Джин, так ведь? Да?

Марго восхищенно кивает.

– Я никогда не видела, чтобы кто-то так быстро прошел через все пять стадий горя. У тебя потрясающие способности к адаптации.

– Спасибо, – говорю я, довольная собой.

Но потом, в темноте, когда мои сестры и Крис уходят, мы с Питером желаем друг другу спокойной ночи и он в миллионный раз уверяет меня, что все будет хорошо, я снова захожу в Инстаграм и читаю комментарии. Это конец.

Я спросила Питера, кто, по его мнению, выложил видео. Он сказал, что не знает. Какой-нибудь жалкий озабоченный болван, вот как он выразился. Я не сказала Питеру то, о чем думала. То, что никак не выходит у меня из головы. Неужели это сделала Женестьева? Могла ли она настолько меня ненавидеть, чтобы причинить мне такую боль?

Я вспоминаю тот день, когда мы обменялись браслетами дружбы. «Это значит, что мы лучшие подруги, – сказала она мне. – Мы с тобой самые близкие друг другу люди».

«А как же Элли»? – спросила я. Мы всегда дружили втроем, хотя Женестьева чаще бывала у меня дома, но лишь потому, что мама Элли не

разрешала приводить в гости мальчиков и сидеть в Интернете.

«Мне нравится Элли, но ты мне нравишься больше», – сказала она, и я почувствовала себя виноватой, но при этом – удостоенной особой чести. Я нравилась Женеьеве больше всех! Мы были близки, ближе, чем с кем-либо еще. Браслеты были тому доказательством. Как легко меня было купить каким-то сплетенным из ниток браслетом.

На следующее утро я собираюсь в школу особенно тщательно. Крис посоветовала мне воспользоваться ситуацией, что значит одеться в стиле посмотрите-на-меня. Марго сказала, что я должна быть выше этого, тут уже понадобится что-то взрослое, вроде узкой юбки или моего зеленого вельветового пиджака. Но мой инстинкт кричит: не выделяйся, не выделяйся, не выделяйся. Свободный свитер, больше похожий на покрывало, легинсы и коричневые ботинки Марго. Я бы надела бейсболку, если б могла, но в школе нельзя носить головные уборы.

Я делаю себе миску хлопьев с кусочками банана, но через силу съедаю лишь несколько ложек. Я слишком волнуюсь. Марго замечает это и кладет мне в сумку ореховый батончик, на потом. Мне повезло, что она все еще здесь и так обо мне заботится. Завтра она возвращается в Шотландию.

Папа кладет ладонь мне на лоб.

– Ты не заболела? Ты и за ужином вчера почти ничего не съела.

Я мотаю головой.

– Просто живот болит. У меня скоро месячные.

Мне достаточно произнести волшебное слово «месячные», чтобы папа больше ни о чем не спрашивал.

– А... – говорит он, мудро кивая. – Поешь хоть немного и выпей две таблетки ибупрофена, чтобы они были у тебя в организме.

– Хорошо, – отвечаю я.

Мне неудобно врать, но эта крошечная ложь для его же блага. Он не должен узнать об этом видео, никогда.

В кои-то веки Питер подъезжает к нашему дому вовремя. Он всерьез решил придерживаться контракта. Марго провожает меня до двери и говорит:

– Просто держи голову выше, ладно? Ты не сделала ничего плохого.

Как только я сажусь в машину, Питер наклоняется и целует меня в губы, что до сих пор почему-то кажется неожиданным. Он застает меня врасплох, поэтому я случайно кашляю ему в рот.

– Прости, – говорю я.

– Ничего, – отвечает он, как всегда мягко.

Питер кладет руку на спинку моего сиденья и разворачивает машину. Потом он бросает мне свой телефон.

– Проверь Анонимку.

Я открываю Инстаграм и нахожу страницу Анонимки. Я вижу фотографию, которая была под нашим видео: парень лежит в отключке, а у него на лице перманентным маркером нарисованы пенисы. Теперь это первый пост. Я ахаю. Видео с джакузи больше нет!

– Питер, как ты это сделал?

Питер самодовольно улыбается.

– Я написал вчера Анонимке и велел убрать это дерьмо, пока мы не подали в суд. Я сказал, что мой дядя юрист, а мы с тобой оба несовершеннолетние.

Он сжимает мое колено.

– Твой дядя правда юрист? – спрашиваю я.

– Нет. У него пиццерия в Нью-Джерси.

Мы оба смеемся, и это такое счастье.

– Слушай, ни о чем сегодня не волнуйся. Если кто-нибудь что-нибудь скажет, я каждому морду набью.

– Мне просто интересно, кто это сделал. Я могла бы поклясться, что в тот вечер мы были одни.

Питер качает головой.

– Мы не сделали ничего плохого! И вообще, кому какое дело, что мы целовались в джакузи? Кого касается, был ли у нас секс? – Я хмурюсь, и парень быстро добавляет: – Знаю, знаю. Ты не хочешь, чтобы люди думали, что мы делали что-то, чего мы не делали. Ничего не было, именно так я и сказал Анонимке.

– Для парней все совсем не так, как для девушек, Питер.

– Знаю. Не сердись. Я выясню, кто это сделал.

Он смотрит вперед с таким серьезным видом, что сам на себя не похож. От всех этих добрых намерений у него прямо-таки благородный профиль.

О, Питер! Зачем ты такой красивый? Не будь ты красивым, я бы никогда не оказалась с тобой в джакузи. Ты во всем виноват! Хоть это и не так. Ведь я сама разулась, сняла носки и залезла в воду. Я тоже этого хотела. Но мне приятно, что он относится ко всему так же серьезно, как и я, пишет гневные письма от нашего имени. Я знаю, что Женестьева не стала бы волноваться из-за такой ерунды. У нее никогда не было проблем с демонстрацией чувств на людях, она была бы только рада оказаться в центре внимания. А мне это важно, и я очень переживаю.

Питер поворачивает голову и смотрит на меня, изучая мои глаза, мое лицо.

– Ты ведь об этом не жалеешь, Лара Джин?

Я мотаю головой.

– Нет, не жалею.

Он улыбается мне так нежно, что я не сдерживаюсь и улыбаюсь в ответ.

– Спасибо, что заставил их убрать видео ради меня.

– Ради нас, – поправляет Питер. – Я сделал это ради нас.

Наши пальцы переплетаются.

– Только ты и я, малыш.

Я сжимаю его руку. Если мы оба будем держаться достаточно крепко, то все будет хорошо.

* * *

Когда мы вдвоем идем по коридору, девчонки шепчутся, а парни посмеиваются. Кто-то из команды по лакроссу подбегает и пытается «дать пять» Питеру, но тот недовольно отмахивается.

Когда я остаюсь у шкафчиков одна и достаю учебники, ко мне подходит Лукас.

– Я не стану ходить вокруг да около, – говорит он. – Лучше просто спрошу. Та девушка на видео – действительно ты?

Чтобы успокоиться, я делаю глубокий вдох.

– Это я.

Лукас тихо присвистывает.

– Черт!

– Да.

– Так что... вы с ним... это...

– Нет, вовсе нет! Никаких «это».

– Почему нет?

Меня смущает его вопрос, хоть я и знаю, что стесняться здесь нечего. Просто я никогда не была в таком положении, чтобы обсуждать мою интимную жизнь, потому что кому могло бы прийти в голову что-то у меня спросить?

– Нет, потому что нет. Никаких особых причин, не считая того, что я еще не готова и не знаю, готов ли он. Мы это даже не обсуждали.

– Да, но он вроде как не девственник. Такое даже представить сложно! – Лукас округляет свои небесно-голубые ангельские глаза, чтобы подчеркнуть сказанное. – Я знаю, что ты невинна, Лара Джин, но Кавински – точно нет. Я говорю тебе это как парень.

– Не понимаю, какое это имеет ко мне отношение, – бормочу я, хоть и сама постоянно думала и беспокоилась на этот счет.

У нас с Питером как-то был разговор на эту тему, о том, что парень и девушка, которые долго встречаются, по определению должны заниматься сексом, но я не помню, говорил ли он, что сам думает по этому поводу. Надо было слушать внимательнее.

– В общем, только потому что они с Женевьевой делали это как... как дикие кролики или кто там еще... – Лукас смеется над этим, и я его щиплю. – Только потому, что они это делали, не значит, что мы автоматически тоже, или что мы автоматически этого хотим.

Так ведь?

– Он определенно хочет.

Я сглатываю.

– Что ж, тогда все очень плохо и печально. Но, если честно, я так не думаю.

В этот момент я решаю, что наши с Питером отношения будут похожи на запекающуюся грудинку. Медленные и постепенные. Со временем мы нагреемся и будем готовы друг к другу. С уверенностью я продолжаю:

– У нас с Питером все совершенно не так, как было у него с Женевьевой. Мы не те, кем были они. Короче, я хочу сказать, что нет смысла сравнивать отношения, ясно?

И не важно, что я постоянно делаю это у себя в голове.

На уроке французского я слышу, как Эмили Нассбаум шепчет Женевьеве:

– Интересно, если она окажется беременной, Кавински заплатит за аборт?

– Ни за что, – шепчет в ответ Женевьева. – Он слишком прижимистый. Может, половину.

И все смеются.

Мое лицо горит от унижения. Я хочу крикнуть им: «Мы не занимались сексом! Мы просто обнимались!» Но, выйдя из себя, я доставлю им еще больше удовольствия. По крайней мере, так бы сказала Марго. Поэтому я держу голову выше: так высоко, как только могу; так высоко, что у меня сводит шею.

Может, это действительно сделала Джен. Может, она настолько меня ненавидит.

Мисс Давенпорт перехватывает меня по пути на следующий урок. Она обнимает меня за плечи и говорит:

– Лара Джин, ну как ты держишься?

Я знаю, что ей нет до меня никакого дела. Скорее ей просто хочется посплетничать. Она самая большая сплетница из всех учителей, а может, и среди учеников. Я не хочу, чтобы обо мне шептались в учительской.

– Все отлично, – отвечаю я радостно.

Подбородок выше! Подбородок выше!

– Я посмотрела то видео, – шепчет она, зыря по сторонам, чтобы убедиться, что никто не слушает. – Где вы с Питером в джакузи.

Я так сильно сжимаю челюсть, что зубы начинают болеть.

– Комментарии, должно быть, тебя очень расстроили. Это не удивительно.

Мисс Давенпорт нужно срочно обзавестись собственной жизнью, раз ей больше нечем заняться на рождественских каникулах, кроме как листать Инстаграммы старшеклассников.

– Дети бывают такими жестокими! Поверь, я знаю это из личного опыта. Я немногим старше вас.

– Со мной все хорошо, но спасибо за беспокойство.

Здесь не на что смотреть, народ! Идите куда шли!

Мисс Давенпорт выпячивает нижнюю губу.

– Что ж, если захочешь с кем-нибудь поговорить, то я всегда готова выслушать. Позволь помочь тебе. Приходи ко мне в любое время, я освобожу тебя от урока.

– Спасибо, мисс Давенпорт. – Я выскальзываю из-под ее руки.

Миссис Дюваль, школьный наставник и консультант, останавливает меня по пути на урок английского.

– Лара Джин, – начинает она, а потом запинаясь. – Ты такая умная, талантливая девушка. Ты не из тех, кого ловят за подобными занятиями. Мне больно смотреть, как ты катишься по наклонной.

Я чувствую, что к горлу подступают слезы, пытаюсь пробиться на поверхность. Я уважаю миссис Дюваль. Я хочу, чтобы она хорошо обо мне думала. Но могу только кивать.

Она ласково поднимает мой подбородок. От нее пахнет сухими лепестками роз. Она пожилая женщина и работает в школе уже целую вечность. Миссис Дюваль искренне беспокоится о детях. Она из тех, к кому бывшие ученики заходят поздороваться, когда возвращаются из колледжа на зимние каникулы.

– Тебе пора собраться и серьезно подумать о будущем, а не тратить время на школьные драмы. Не давай колледжам повода тебе отказать, поняла?

Я снова киваю.

– Молодец, – говорит она. – Я знаю, что ты лучше этого.

Ее слова отзываются эхом у меня в голове. Лучше этого. Лучше чего? И кого?

На большой перемене я сбегая в женский туалет, чтобы не пришлось ни с кем разговаривать. Как назло там я встречаю Женевьеву. Она стоит перед зеркалом и наносит блеск для губ. Наши глаза встречаются в зеркале.

– Приветик!

Она всегда так говорит. *Приветик*. Так надменно, так самоуверенно.

– Это все ты? – Мой голос эхом отскакивает от стен.

Рука Женевьевы застывает в воздухе, но она быстро приходит в себя и закручивает блеск для губ.

– *Что я?*

– Это ты отправила видео Анонимке?

– Нет, – усмехается она.

Ее губы, чуть дрогнув, слегка кривятся вправо. Теперь я точно знаю, что она лжет. Я слишком часто видела, как она врала маме, и запомнила это выражение лица. Несмотря на то что в глубине души я ее подозревала, от того, что мои догадки подтвердились, у меня перехватывает дыхание.

– Пусть мы больше не подруги, но ведь были когда-то. Ты знаешь моих сестер, моего отца. Знаешь меня. Ты знала, как сильно меня это ранит. – Я сжимаю кулаки, чтобы не расплакаться. – Как ты могла так со мной поступить?

– Лара Джин, мне очень жаль, что с тобой такое случилось, но, честно, это не я.

Она с псевдосочувствующим видом пожимает плечами, и вот опять уголок ее рта поднимается вверх.

– Это была ты. Я уверена. Когда Питер узнает...

Женевьева приподнимает бровь.

– Что он сделает? Побьет меня?

От злости у меня трясутся руки.

– Нет, потому что ты девушка. Но он тебя не простит. Я рада, что ты так поступила, ведь это докажет ему, какой ты человек на самом деле.

– Он прекрасно знает, какой я человек. И знаешь что? Он все равно меня любит больше, чем когда-либо полюбит тебя. Вот увидишь.

С этими словами она разворачивается и уходит.

Тогда-то меня осеняет. Она ревнует! Ко мне! Джен не может смириться с тем, что Питер со мной, а не с ней. Что ж, она сама себя подставила,

потому что как только Питер узнает, что она нам сделала, то больше никогда не посмотрит на нее так, как прежде.

Когда уроки заканчиваются, я бегу на парковку, где Питер уже ждет меня в своей машине с включенной печкой. Не успев открыть дверцу пассажирского сиденья, я выдыхаю:

– Это Женестьева! – Я залезаю внутрь. – Это она отправила видео Анонимке. Она только что призналась!

– Она призналась, что сняла видео? – спрашивает он спокойно. – Прямо так и сказала?

– Ну, не совсем...

Что именно она сказала? Я ушла в полной уверенности, что Джен призналась, но теперь, прокручивая разговор у себя в голове, я понимаю, что она не говорила ничего конкретного.

– Она не призналась прямым текстом, но все было понятно. К тому же она так скривила губы... – Я поднимаю вверх уголок рта. – Видишь? Она всегда так делает, когда врет.

Он приподнимает бровь.

– Да брось, Кави!

– Питер!

– Ладно, ладно, я с ней поговорю. – Парень заводит машину.

Я уверена, что знаю ответ на этот вопрос, но не могу не спросить.

– Кто-нибудь из учителей что-нибудь говорил тебе по поводу видео? Может, тренер Уайт?

– Нет, а что? С тобой кто-нибудь говорил?

Вот о чем толковала Марго: двойной стандарт. Мальчики есть мальчики, а девочки должны быть осторожны, должны заботиться о своем теле, о своем будущем и обо всем, за что их могут осудить. Внезапно я спрашиваю:

– Когда ты поговоришь с Женестьевой?

– Я зайду к ней сегодня.

– Ты пойдешь к ней домой? – переспрашиваю я.

– Ну да. Я хочу увидеть ее лицо, чтобы понять, врет она или нет. Посмотрю, действительно ли она кривит губы так, как ты говоришь.

Питер голоден, поэтому по пути мы заезжаем за гамбургерами и молочными коктейлями. Когда я возвращаюсь домой, Марго с Китти меня уже ждут.

– Расскажи нам все! – просит Марго, протягивая мне чашку какао. Я

проверяю, не забыла ли она добавить туда маленькие маршмеллоу, и вижу, что не забыла.

– Питер все исправил? – хочет знать Китти.

– Да! Он заставил Анонимку удалить видео. Пригрозил, что у него дядя крутой юрист, хотя на самом деле его дядя владеет пиццерией в Нью-Джерси.

Услышав это, Марго улыбается. Потом ее лицо становится серьезным.

– В школе тебя доставали?

– Нет, все было не так уж и плохо, – беспечно отвечаю я, ощущая прилив гордости за то, что не выдала своих чувств перед сестрами. – И, кажется, я знаю, кто выложил видео.

– Кто? – спрашивают они хором.

– Женестьева, как и говорила Крис. Я столкнулась с ней в туалете. Она стала все отрицать, но потом скривила рот так, как обычно делает, когда врет. – Я показала им на себе. – Гоу-Гоу, ты помнишь?

– Вроде да, – отвечает сестра, хотя я вижу, что не помнит. – Что сказал Питер, узнав, что это была Женестьева? Он ведь тебе поверил?

– Не совсем, – увиливаю я, дуя на какао. – Но он обещал поговорить с ней и докопаться до истины.

– Он должен был в любом случае тебя поддержать, – хмурится Марго.

– И он меня поддержал, Гоу-Гоу! – Я беру ее руку, переплетая наши пальцы. – Так он и сделал. Он сказал «Только ты и я, малыш». Это было так романтично!

– Ты безнадежна! – смеется Марго. – Никогда не меняйся.

– Так жаль, что ты завтра уезжаешь, – вздыхаю я.

Мне уже ее не хватает. Когда Марго рядом, когда она принимает решения и дает мудрые советы, я чувствую себя в безопасности. С ней я сильнее.

– Лара Джин, ты со всем справишься, – говорит она, и я слушаю, глядя на нее очень внимательно, пытаюсь уловить нотку сомнения или фальши, хоть какой-то намек на то, что она говорит так лишь для того, чтобы поддержать меня. Но не вижу ничего, кроме уверенности.

Сегодня Марго в последний раз ужинает с нами перед тем, как вернуться в Шотландию. Папа собственноручно готовит ребрышки по-корейски и жареную картошку с сыром. И даже печет лимонный пирог.

– На улице так серо и холодно, – говорит он. – Я подумал, нам всем не помешает немного солнечного света в виде лимонного пирога.

Затем он обнимает меня за талию и похлопывает по боку, и, хотя он не спрашивает, я знаю, что он чувствует, что со мной происходит что-то посерьезнее месячных.

Мы едва успеваем поднести вилки ко рту, когда папа спрашивает:

– Ну что, кальби-ччим на вкус такое же, как у бабушки?

– Почти, – отвечаю я, но, увидев, как улыбка сходит с папиного лица, быстро добавляю. – В смысле, даже вкуснее!

– Я отбил мясо, как она велела, – сообщает папа. – Но оно совсем не так легко отходит от кости. Помните, как получается у бабушки? Вам даже нож не нужен, чтобы есть ребрышки по-корейски, если они правильно приготовлены.

В этот момент Марго как раз пытается отрезать кусок ножом для стейка и останавливается.

– Впервые я попробовал кальби-ччим с вашей мамой. На наше первое свидание она повела меня в корейский ресторан, сделала заказ на своем языке и рассказала мне о каждом блюде. В тот вечер я был поражен ею. Жаль только, что вы, девочки, перестали ходить в корейскую школу. – Уголки его губ опускаются на мгновение, но потом он снова улыбается. – Ешьте, девочки.

– Пап, в Университете Вирджинии есть программа по изучению корейского языка, – говорю я. – Если я поступлю, то обязательно запишусь на этот курс.

– Маме бы это понравилось, – отвечает он, и в его взгляде снова проскальзывает грусть.

Марго поспешно восклицает:

– Папуль, ребрышки просто объедение! А вот в Шотландии нет вкусной корейской еды.

– Возьми с собой немного морских водорослей, – советует папа. – И чай с женьшенем, который бабушка привезла нам из Кореи. И забери рисоварку.

– В чем же *мы* будем варить рис? – хмурится Китти.

– Мы купим новую! – говорит он и мечтательно добавляет: – Вот бы съездить туда в отпуск всей семьей! Это было бы просто чудесно! Ваша мама всегда хотела свозить вас в Корею. У вас там довольно много родственников.

– А бабушку мы тоже с собой возьмем? – спрашивает Китти. Она продолжает тайком подсовывать кусочки мяса Джейми, который сидит на задних лапах и смотрит на нас полными надежды глазами.

Папа чуть не давится картошкой.

– Отличная идея! – восклицает он. – Из нее бы вышел прекрасный гид!

Мы с Марго обмениваемся улыбками. Бабушка уже через неделю свела бы папу с ума.

Меня же больше всего воодушевляет шопинг.

– Вы только подумайте, сколько там всяких канцелярских принадлежностей! – говорю я. – И одежды! И заколок! И косметики! Надо составить список!

– Пап, ты мог бы сходить на мастер-класс по корейской кухне, – предлагает Марго.

– Да! Давайте запланируем это на лето, – говорит папа. Я вижу, что он в восторге от своей идеи. – Естественно, придется согласовать все наши графики. Марго, ты ведь будешь здесь все каникулы?

Так она говорила на прошлой неделе.

Марго опускает взгляд на свою тарелку.

– Точно не знаю. Я еще ничего не решила.

Папа выглядит озадаченным, и мы с Китти обмениваемся взглядами. Это наверняка связано с Джошем, и я могу ее понять.

– Возможно, меня примут на стажировку в Королевский институт антропологии в Лондоне.

– Я думал, ты хочешь снова работать в Монпелье, – говорит папа, наморщив лоб в замешательстве.

– Я пока еще думаю. Говорю же, я еще ничего не решила.

– Как думаешь, в Королевском институте ты встретишь членов королевской семьи? – вмешивается Китти.

Я закатываю глаза, а Марго бросает на сестренку благодарный взгляд и отвечает:

– Это вряд ли, Котенок, но всякое бывает.

– Ну а ты, Лара Джин? – спрашивает Китти с невинными круглыми глазами. – Ты разве не должна делать что-то полезное этим летом, чтобы произвести впечатление на приемную комиссию?

Я бросаю на нее злобный взгляд.

– У меня еще полно времени, чтобы что-нибудь придумать.

Под столом я сильно пинаю ее, и она вскрикивает.

– Ты должна была искать стажировку на весну, – напоминает мне Марго. – Говорю тебе, Лара Джин, надо действовать быстро, иначе все хорошие места разберут. И ты еще не писала Нони насчет репетиторства для подготовки к экзаменационному тесту? Узнай, будет ли она преподавать в летней школе или уедет домой.

– Хорошо, хорошо, узнаю.

– Я могу устроить тебя в сувенирный магазин при больнице, – предлагает папа. – Мы сможем вместе ездить на работу и вместе обедать. Круто будет целый день тусоваться со своим стариком!

– Пап, у тебя что, нет друзей на работе? – спрашивает Китти. – Ты один сидишь в столовой?

– Ну, не каждый день. Иногда я обедаю один у себя в кабинете, но это потому, что мне бывает некогда поесть. Но если Лара Джин будет работать в сувенирном магазине, я найду для нее время. – Он рассеянно стучит палочками по тарелке. – И ты всегда можешь попробовать устроиться в Макдоналдс, а там посмотрим.

Китти взвизгивает:

– Эй, если ты будешь работать в Макдоналдсе, тебе можно будет есть столько картошки фри, сколько влезет!

Нахмурившись, я представляю ожидающее меня лето, и мне не нравится то, что я вижу.

– Я не хочу работать в Макдоналдсе. И без обид, пап, но в сувенирном магазине я работать тоже не буду. – Я отчаянно соображаю, что бы придумать. – Я думала о чем-то более официальном, например, о Бельвью. Я могу быть стажером директора досугового отдела. Или помощником. Марго, что звучит более презентабельно?

– Заместитель директора досугового отдела, – произносит Марго.

– Звучит профессионально, – соглашаюсь я. – У меня куча идей. Может, мне зайти туда на неделе и поделиться ими с Джанетт?

– Что за идеи? – спрашивает папа.

– Кружок по скрапбукингу. – выдумываю я на ходу. – У пенсионеров столько фотографий, сувениров и всяких памятных бумажек. Было бы интересно собрать их все в один альбом, чтобы ничего не потерялось. – Я увлекаюсь, и меня уже не остановить. – А потом можно устроить выставку получившихся альбомов. Все будут листать их и узнавать истории жизни друг друга. Можно испечь слойки с сыром и подать белое вино...

– Это *потрясающая* идея! – говорит Марго, одобрительно кивая.

– Действительно интересно, – восторгается папа. – Естественно, к белому вину ты не притронешься, но слойки с сыром – обязательно!

– Ой, пап! – восклицаем мы хором, потому что его забавляет, когда мы так делаем. Если он начинает вести себя как чрезмерно заботливый отец, мы в ответ отчаянно стонем и вздыхаем: «Ой, пап!»

Когда мы моем посуду, Марго говорит, что мне определенно стоит попробовать свои силы в Бельвю.

– Там нужен кто-нибудь, кто возьмет на себя дополнительные обязанности, – рассуждает она, намыливая кастрюлю. – Свежая энергия, новые идеи. Работа в доме престарелых многих выматывает. Джанетт будет только рада лишней помощи.

Вообще-то я начала болтать о своих планах в Бельвю, чтобы все от меня отстали, но теперь думаю, что мне действительно стоит поговорить с Джанетт.

Вернувшись к себе в комнату, я обнаруживаю пропущенный звонок от Питера. Я перезваниваю ему и слышу, как вдалеке работает телевизор.

– Ты с ней поговорил? – Я надеюсь-надеюсь-надеюсь, что теперь он мне поверит.

– Поговорил.

Мое сердце стучит.

– И что? Она призналась?

– Нет.

– Нет? – Я выдыхаю.

Ясно. Думаю, этого следовало ожидать. Джен не из тех, кто сразу же ложится лапками кверху. Она боец.

– Что ж, пусть говорит что хочет, но я знаю, что это была она.

– Нельзя обвинять ее лишь из-за того, как она скривила рот, Кави.

– Дело не только в этом. Я ее знаю. Она была моей лучшей подругой. Я знаю, как она думает.

– Я знаю ее лучше, чем ты, и я говорю, что, по-моему, это была не она. Поверь мне.

Он знает ее лучше. Ну, разумеется. Но я знаю ее как девушка – девушку, как бывшая лучшая подруга – бывшую лучшую подругу, и я уверена, что она врет. И не важно, сколько прошло лет. Кое-что девушки чувствуют нутром, всем телом.

– Я верю тебе. Но я не верю ей. Это часть ее плана, Питер.

Воцаряется долгая тишина, и мои последние слова звенят у меня в

ушах. Они прозвучали безумно, даже для меня.

Терпеливым голосом Питер говорит:

– Она сейчас измотана семейными проблемами, у нее нет времени строить тебе козни, Кави.

Семейные проблемы? Правда ли это? Я чувствую укол вины, вспомнив, как Крис однажды сказала, что их бабушка сломала бедро, и родственники спорили о том, нужно ли класть ее в специализированный центр. Они с Женеьевой всегда были очень близки. По словам Джен, она была ее любимой внучкой, потому что выглядела так же, как ее бабушка в молодости. То есть шикарно.

Или дело в родителях? Женеьева волновалась, что они могут развестись.

Хотя, может, все это ложь. Слова вертятся у меня на языке, когда Питер говорит:

– Мама зовет меня вниз. Поговорим об этом завтра?

– Конечно, – отвечаю я.

Что ж, в общем, это может быть что угодно. Возможно, Питер прав. Может, когда-то я хорошо ее знала, но не теперь. Теперь Питер знает ее гораздо лучше. К тому же разве не так теряют парней? Когда дают волю подозрениям, ревности и неуверенности? Я более чем уверена, что такое поведение мне не идет.

Положив трубку, я решаю забыть об этом видео раз и навсегда. Что было, то было. У меня есть и более важные дела: мой парень, перспектива новой работы (за которую мне не будут платить, но все равно) и учеба. Я не позволю себя сломать. К тому же на записи даже не видно моего лица.

На следующее утро перед школой мы укладываем вещи Марго в машину, чтобы папа отвез ее в аэропорт. Я не свожу глаз с окна Джоша и думаю, спустится ли он попрощаться. Это меньшее, что он может сделать. Но свет у него не горит, так что он, видимо, еще спит.

Пока Марго прощается с Джейми Фокс-Пиклом, из дома выходит мисс Ротшильд со своей собакой. Завидев их, щенок спрыгивает с рук Марго и несется через дорогу. Папа гонится за ним. Джейми лает и прыгает вокруг несчастного Симона – старого пса мисс Ротшильд, который не обращает на него никакого внимания. От возбуждения Джейми писает на зеленые резиновые сапоги нашей соседки. Папа извиняется, но та только смеется.

– Их легко отмыть, – говорит она.

Мисс Ротшильд отлично выглядит: ее каштановые волосы собраны в высокий хвост, на ней штаны для йоги и дутая куртка. Такая же была у Женеьевы.

– Скорее, пап! – кричит Марго. – В аэропорт нужно приехать за три часа до вылета!

– Это слишком, – говорю я. – Двух часов более чем достаточно.

Мы смотрим, как папа пытается унести Джейми, а тот вырывается. Мисс Ротшильд ловко хватает щенка одной рукой и целует в лоб.

– На международные рейсы нужно приезжать за три часа до вылета, Лара Джин. Мне еще багаж регистрировать.

Китти ничего не говорит, она наблюдает за развернувшейся через дорогу собачьей драмой.

Папа возвращается с извивающимся в руках Джейми и говорит:

– Нужно убираться отсюда, пока Джейми не выкинул еще что-нибудь.

Мы втроем крепко обнимаемся, Марго шепчет мне «будь сильной», и я киваю, а потом они с папой уезжают в аэропорт.

Еще очень рано. Раньше, чем мы обычно просыпаемся в школу, поэтому я пеку нам с Китти банановые панкейки. Она погружена в свои мысли, и мне дважды приходится спрашивать ее, сколько штук делать на ее долю. Я пеку несколько лишних и заворачиваю их в фольгу, чтобы угостить Питера по пути в школу. Затем я мою посуду и даже отправляю электронное письмо Джанетт из Бельвю, и моментально получаю ответ. Она говорит, что заместительница Марго ушла месяц назад, поэтому я как раз вовремя. «Приходи в субботу, и мы обсудим твои обязанности».

Я чувствую, что наконец-то сделала что-то полезное. Проявила себя. Я все смогу.

Поэтому, когда этим холодным январским утром я захожу в школу, держа Питера за руку, полная банановых блинчиков, с новой работой и в полосатом свитере Марго, который она мне оставила, я чувствую себя хорошо. Даже замечательно.

Питеру нужно зайти в компьютерный класс, чтобы распечатать задание по английскому, так что первым делом мы идем туда. Он вводит пароль, и я громко ахаю, когда вижу обои рабочего стола.

Кто-то сделал скрин-видео в джакузи: я сижу у Питера на коленях в красной фланелевой ночнушке, юбка задралась у меня на бедрах. Сверху подпись: «ГОРЯЧИЙ СЕКС В ГОРЯЧЕМ ДЖАКУЗИ». И внизу: «ВЫ ВСЕ ДЕЛАЕТЕ НЕПРАВИЛЬНО».

– Какого черта? – бормочет Питер, оглядывая компьютерный класс.

Никто не поднимает головы. Он подходит к другому компьютеру – та же картинка, другая надпись. «ОНА НЕ ЗНАЛА, ЧТО В ВОДЕ ОН СЪЕЖИВАЕТСЯ» – наверху. «ОН ДОВОЛЬСТВУЕТСЯ ТЕМ, ЧТО СМОГ ПОЛУЧИТЬ» – внизу.

Мы стали мемом.

На протяжении нескольких дней эти картинки появляются повсюду: в лентах Инстаграма, на стенах в Фейсбуке.

На одной из них мастера фотошопа дорисовали танцующую акулу, на другой к нашим телам приделали кошачьи головы.

А еще на одной просто подписали «БИКИНИ АМИШЕЙ».

Друзья Питера из команды по лакроссу считают, что это утомительно, но клянутся, что не имеют к этим картинкам никакого отношения. В столовой Гейб оправдывается:

– Я даже фотошопом пользоваться не умею!

Питер отправляет в рот сразу половину сэндвича.

– Ладно, но кто тогда это делает? Джефф Бардуго? Картер?

– Чувак, я не знаю, – говорит Деррил. – Это же мем. Любой может внести свою лепту.

– Признайте, что с кошачьими головами вышло смешно, – говорит Гейб.

Потом поворачивается ко мне и добавляет:

– Прости, Лардж.

Я молчу. С кошачьими головами действительно получилось забавно. Но в целом – совсем нет. Сначала Питер пытался отшучиваться, но прошло

уже несколько дней, и я вижу, что его это достало. Парень не привык быть предметом насмешек. Я, правда, тоже, но лишь потому, что раньше на меня вообще никто не обращал внимания. А с тех пор, как я с Питером, меня заметили. И лучше бы не замечали.

Днем в актовом зале проходит собрание старшеклассников. Рина Патель, президент нашего класса, выступает с презентацией по насущным вопросам: сколько денег мы собрали на выпускной и куда можно поехать всем классом после окончания школы. Я пониже сползаю в своем кресле, радуясь передышке, пока никто не смотрит на меня, не шепчется и не осуждает.

Рина кликает на последний слайд, и тогда это случается. Из колонок вырывается песня «Я такой горячий», и мое видео, наше с Питером, транслируется через проектор. Кто-то скачал его из Инстаграма Анонимки и наложил собственный саундтрек. Видео также смонтировали, поэтому я с утроенной скоростью скачу у Питера на коленях в такт музыки.

О нет, нет, нет, нет. Пожалуйста, нет!

Все случается одновременно. Народ визжит, смеется, показывает пальцем и кричит «О-о-о!», мистер Васкес вскакивает, чтобы отсоединить проектор, а Питер бежит на сцену и выхватывает микрофон из рук ошарашенной Риной.

– Тот, кто это сделал, жалкий кусок дерьма! И, хоть никого из вас это не касается, мы с Ларой Джин не занимались сексом в джакузи!

У меня звенит в ушах. Все крутятся на своих местах, чтобы посмотреть на меня, а потом поворачиваются обратно, чтобы посмотреть на Питера.

– Мы просто целовались, так что отвалите уже на хрен!

Мистер Васкес, куратор старших классов, пытается отобрать у Питера микрофон, но тот оказывается проворнее. Он поднимает микрофон выше и кричит:

– Я найду того, кто это сделал, и надеру ему задницу!

В потасовке он бросает микрофон. Все смеются и аплодируют. Питера под руки уводят со сцены, и он бешеными глазами смотрит в зал. Он ищет меня.

Собрание срывается, поток учеников льется из дверей, но я остаюсь сидеть, вжавшись в кресло. Крис замечает меня и подходит со светящимся лицом. Она хватается за плечи.

– Ох, это было нечто! Он дважды выругался!

Кажется, я все еще в шоке. Кадры наших с Питером утех в джакузи только что транслировались на экране. Их видели все. И мистер Васкес, и

семидесятилетний мистер Глиб, который даже не знает, что такое Инстаграм. Единственный страстный поцелуй в моей жизни видела вся школа.

– Лара Джин! – Крис трясет меня за плечи. – Все нормально?

Я безмолвно киваю, и она меня отпускает.

– Интересно, как он собирается «надрать задницу» тому, кто это сделал? Хотела бы я на это посмотреть! – Она фыркает и откидывает голову назад, как дикий жеребец. – Он что, совсем дурак, если думает, что видео выложила не Джен? Да уж, бедняга, похоже, совсем слепой, – Крис резко замолкает и пристально смотрит на меня. – С тобой точно все нормально?

– Нас все видели.

– Да... это отстой. Уверена, здесь тоже Женевьева постаралась. Небось подговорила одну из своих фавориток переделать презентацию Рины. – Крис с отвращением качает головой. – Вот ведь стерва! Но я рада, что Питер так бурно отреагировал. Не хотелось бы его хвалить, но это был благородный поступок. За меня никто еще так не заступался.

Я знаю, что она думает про первый год в старшей школе, когда один парень рассказывал всем, что Крис дала ему в раздевалке. И я думаю о миссис Дюваль, о том, что она говорила. Она, наверное, приравнивает Крис к любительницам вечеринок, которые спят со всеми подряд и в подметки не годятся тем, кто «лучше этого». Но она не права. Мы все одинаковые.

Когда после уроков я выхожу из класса, у меня в сумочке вибрирует телефон. Это Питер.

Меня выпустили под залог. Встретимся в машине!

Я бегу на парковку, где Питер ждет меня в своей машине с включенной печкой. Улыбаясь мне, он говорит:

– Не поцелуешь своего мужчину? Меня только что выпустили из тюрьмы.

– Питер! Это не смешно! Тебя отстранили?

– Не-е, – ухмыляется он. – Я заговорил им зубы. Директор Локлэн любит меня. Хотя могли и выгнать, будь на моем месте кто-то другой...

Ох, Питер!

– Вот только не надо передо мной сейчас хвастаться.

– Когда я вышел из кабинета Локлэна, меня поджидали девчонки из младших классов и приветствовали бурными овациями. Они кричали:

«Кавински, ты такой романтик!» – Питер изображает ликование, а я смотрю укоризненно. Он притягивает меня к себе. – Эй, они знают, что я занят. Есть только одна девушка, которую я хочу видеть в бикини амишей.

Я смеюсь, не в силах противостоять его чарам. Питер любит внимание, и я не хочу быть очередной обожательницей, которая во всем ему потакает, но сопротивляться ему порой бесполезно. К тому же это действительно было романтично.

Он целует меня в щеку, прижимаясь носом к моему лицу.

– Я же говорил, что все улажу, Кави.

– Да, – признаю я, глядя его по волосам.

– И что, я хорошо справился?

– Отлично!

Это все, что Питеру нужно для счастья: услышать, какой он молодец. Всю дорогу домой он улыбается, но мне так и не удается избавиться от тревожных мыслей.

Я не хочу идти на вечеринку, которую устраивает команда по лакроссу, хоть и собиралась пойти сегодня с Питером. Я говорю ему, что мне нужно подготовиться к завтрашней встрече с Джанетт, но мы оба знаем, что дело не только в этом. Питер мог подловить меня, напомнить, что мы обещали всегда говорить друг другу правду, но он этого не делает. Он знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что сейчас мне нужно зарыться в свою маленькую хоббитскую нору, а, когда я буду готова, я снова вылезу, и со мной все будет хорошо.

В тот вечер я пеку пряное сахарное печенье с корицей и яичной глазурью, такое нежное, будто оно обнимает твой рот. Выпечка меня успокаивает, стабилизирует. Я пеку, когда не хочу думать ни о чем тяжелом. Это занятие не требует особых усилий: ты просто следуешь указаниям, а в итоге создаешь что-то новое. Из ингредиентов получается десерт. Настоящая магия! Пуф – и вкусоптица!

После полуночи я ставлю печенье на охлаждающую решетку, надеваю пижаму с котятками и залезаю в постель с книгой, когда слышу стук в окно. Я думаю, что это Крис, и встаю проверить, не заперто ли оно, но нет – это Питер! Я открываю окно.

– Господи, Питер! Что ты здесь делаешь? – шепчу я, мое сердце стучит. – Мой папа дома!

Питер залезает в спальню. На нем темно-синяя шапка и толстовка с дутым жилетом. Снимая шапку, он улыбается и тоже шепчет:

– Тсс! Ты его разбудишь.

Я подбегаю к двери и запираю ее.

– Питер! Тебе нельзя здесь находиться!

Я в одинаковой степени паникую и взволнована. Ни один парень еще не заходил в мою комнату, не считая Джоша, и это было сто лет назад.

Питер уже снимает ботинки.

– Просто позволь мне остаться на несколько минут.

Я скрещиваю руки, потому что на мне нет лифчика, и говорю:

– Если ты останешься на несколько минут, то зачем снимать ботинки?

Он уклоняется от ответа и плюхается на мою кровать:

– Эй, а почему ты не в бикини амишей? Оно было таким сексуальным.

Я поднимаю руку, чтобы ударить его по голове, но Питер берет меня за талию и прижимает к себе. Он утыкается головой мне в живот, как маленький мальчик, и гудит приглушенным голосом:

– Прости, что втянул тебя во все это.

Я прикасаюсь к его волосам, они мягкие и шелковистые под моими пальцами.

– Все нормально, Питер. Я знаю, что ты не виноват. – Я бросаю взгляд на свой винтажный будильник. – Можешь остаться на пятнадцать минут, но потом тебе придется уйти.

Питер кивает и выпускает меня. Я сажусь на кровать рядом с ним и кладу голову ему на плечо. Надеюсь, минуты будут тянуться медленно.

– Как прошла вечеринка?

– Без тебя было скучно.

– Обманщик.

Он непринужденно смеется.

– Что ты сегодня испекла?

– Откуда ты знаешь, что я пекла?

Питер меня нюхает.

– Ты пахнешь маслом и сахаром.

– Пряное сахарное печенье с яичной глазурью.

– Угостишь меня на дорожку?

Я киваю, и мы садимся, прислонившись к стене. Он обнимает меня рукой, уверенно и заботливо.

– Осталось двенадцать минут, – говорю я ему в плечо и скорее чувствую, чем вижу, как он улыбается.

– Тогда не будем тратить их даром.

Мы начинаем целоваться. Я никогда раньше не целовалась с парнем в своей постели. Это что-то новое. Моя кровать никогда уже не будет такой, как прежде. Между поцелуями Питер говорит:

– Сколько времени у меня осталось?

Я бросаю взгляд на часы.

– Семь минут.

Может, накинуть сверху еще пять?

– Тогда давай ляжем, – предлагает он.

– Питер! – Я толкаю его в плечо.

– Я просто хочу немного поддержать тебя в своих объятиях. Если бы я рассчитывал на что-то большее, семи минут было бы мало, уж поверь.

И мы ложимся. Я спиной прижимаюсь к его груди, он сворачивается вокруг меня, его руки накрывают мои. Подбородком он прижимается к углублению между моей шеей и плечом. Из всего, что мы делали, это мне особенно нравится. Нравится настолько, что приходится напоминать себе следить за тем, чтобы мы не заснули. Я хочу закрыть глаза, но усилием воли держу их на часах.

– Обниматься так хорошо, – вздыхает он, и лучше бы он молчал, потому что я сразу думаю о том, сколько раз он так же лежал с Женеьевой.

Когда пятнадцать минут истекают, я так быстро сажусь, что Питер подскакивает. Я хлопаю его по плечу.

– Ну все, тебе пора!

– Да брось, Кави! – Он надувает губы.

Я непоколебимо качаю головой.

Если б ты не заставил меня думать о Женеьеве, я бы дала тебе еще пять минут.

Выпроводив Питера с пакетом печенья, я возвращаюсь в постель, закрываю глаза и представляю, что его руки все еще обнимают меня, и с этой мыслью я засыпаю.

На следующий день, вооружившись блокнотом и ручкой, я отправляюсь в Бельвью на встречу с Джанетт.

– У меня есть идея кружка рукоделия. «Скрапбукинг для пенсионеров», – Джанетт кивает, и я продолжаю. – Я могу учить ваших постояльцев составлять творческие альбомы, мы будем рассматривать их старые фотографии и памятные вещицы, слушать их истории.

– Звучит чудесно! – одобряет Джанетт.

– Я бы вела этот кружок, а также могу взять на себя организацию пятничных вечеров.

Джанетт надкусывает сэндвич с тунцом.

– Мы думаем отказаться от пятничных вечеров, – говорит она, проглотив кусок.

– Отказаться? – переспрашиваю я в недоумении.

Она пожимает плечами.

– Посещаемость упала с тех пор, как мы начали давать уроки компьютерной грамотности. Постояльцы открыли для себя *Netflix*. Там целый новый мир!

– Но что, если превратить эти вечера в настоящее событие? Устраивать что-нибудь особенное?

– У нас нет средств на такую роскошь, Лара Джин. Полагаю, Марго говорила тебе, что мы тут едва справляемся. У нас очень ограниченный бюджет.

– Да, но все необходимое можно сделать своими руками. Элементарные мелочи имеют огромное значение. Например, мы велим мужчинам приходить в пиджаках. А вместо пластиковых стаканчиков одолжим из столовой стеклянную посуду. – Джанетт слушает, и я продолжаю. – Вместо того чтобы подавать арахис в жестяных банках, можно класть его в милые вазочки, так?

– Арахис останется арахисом, куда его ни положи.

– Вкус будет более изысканным, если подавать его в хрустальной посуде.

Я слишком много болтаю. Джанетт уже, наверное, думает, что от меня будут одни проблемы.

– У нас нет хрусталя, Лара Джин, – говорит она.

– Я принесу несколько из дома, – уверяю я ее.

– Многовато хлопот для каждого пятничного вечера.

– Ну, можно устраивать их хотя бы раз в месяц. Тогда эти вечера будут казаться еще более особенными. Можно делать перерывы, а через месяц возвращаться с новыми силами, – предлагаю я. – Пусть у людей будет возможность соскучиться. Мы создадим предвкушение и сделаем все действительно круто.

Джанетт неохотно кивает, и, чтобы не дать ей передумать, я добавляю:

– Считайте меня своим ассистентом, Джанетт. Предоставьте это дело мне. Я обо всем позабочусь.

Она пожимает плечами.

– Что ж, дерзай.

Днем мы с Крис зависаем у меня в комнате, когда звонит Питер.

– Я проезжаю мимо твоего дома, – говорит он. – Хочешь что-нибудь поделать?

– Нет! – кричит Крис в телефон. – Она занята!

Питер стонет мне в ухо.

– Прости, – говорю я. – У меня тут Крис.

Он отвечает, что перезвонит, и я едва успеваю положить телефон, как Крис начинает ворчать:

– Пожалуйста, не становись одной из таких девчонок, которые исчезают без вести, как только начинают с кем-нибудь встречаться.

Мне хорошо известны «такие девчонки», потому что Крис пропадает всякий раз, как знакомится с новым парнем. Прежде чем я успеваю ей об этом напомнить, она продолжает:

– И одной из этих фанаток лакросса тоже не становись. Я их терпеть не могу! Неужели нельзя найти кого-то покруче, по кому фанатеть? Например, рок-музыкантов? Боже, я была бы идеальной группы для какой-нибудь настоящей, известной рок-звезды! Я даже могла бы стать чьей-то музой!

– Разве ты не собиралась сама сколотить группу?

Крис пожимает плечами.

– Парень, что играл на басу, повредил руку, катаясь на скейтборде, и без него все как-то расхотели. Слушай, погнали с нами завтра вечером в Вашингтон, там будут играть «Фелт Трип», крутая группа! Фрэнк возьмет у отца фургон, так что место будет.

Я понятия не имею, кто такой Фрэнк, да и Крис, должно быть, знакома с ним не дольше двух минут. Она постоянно называет людей по именам, как будто я должна их всех знать.

– Не могу. Утром же потом в школу.

Она корчит гримасу.

– Видишь, именно об этом я и говорю. Ты уже становишься одной из «таких девчонок».

– Да при чем здесь это, Крис? Во-первых, папа ни за что не отпустит меня в Вашингтон в воскресенье вечером. Во-вторых, я не знаю, кто такой Фрэнк, и не поеду в кузове его фургона. В-третьих, мне кажется, музыка «Фелт Трип» не в моем вкусе. Они в моем вкусе?

– Нет, – признает Крис. – Ладно, но в следующий раз, когда я тебя куда-то позову, тебе придется согласиться. И без всяких «во-первых, во-вторых и в-двадцать пятых» причин почему.

– Хорошо, – киваю я, хотя у меня слегка екает сердце, потому что с Крис никогда не знаешь, во что можешь ввязаться. Правда, учитывая характер Крис, она уже об этом забыла.

Мы устраиваемся на полу и приступаем к маникюру. Крис берет мой золотой карандаш для ногтей и рисует маленькие звездочки на ногте большого пальца. Я наношу лавандовый лак и добавляю темно-фиолетовые цветочки с желтыми центрами.

– Крис, напишешь мои инициалы на правой руке? – Я протягиваю ей пальцы. – От безымянного к большому. Л-Д-С-К.

– Изящным шрифтом или обычным?

Я одариваю ее выразительным взглядом.

– Ты что? За кого ты меня принимаешь?

И хором мы говорим:

– Изящным!

У Крис идеально получаются буквы. Настолько хорошо, что, любуясь ее шедевром, я предлагаю:

– Слушай, у меня идея! Ты можешь делать маникюр в Бельвю! Пенсионеры будут в восторге!

– За сколько?

– Бесплатно! Считай это общественно полезной работой, благотворительной. От доброты твоего сердца. Многие постояльцы не могут хорошо подстричь себе ногти. У них руки становятся корявыми. И пальцы ног тоже. Ногти твердеют, и... – Я замолкаю, когда вижу отвращение на лице Крис. – Можно поставить банку для чаевых.

– Я не стану бесплатно стричь старикам ногти на ногах. И на меньшее, чем пятьдесят баксов за сеанс, я не согласна. Я видела дедушкины ноги. У него там не ногти, а когти орлиные.

Крис возвращается к моему большому пальцу и рисует курсивное «К»

с завитушками.

– Готово! Надо же, я и правда крута! – Подруга запрокидывает голову и кричит: – Китти! Тащи сюда свою попку!

Китти прибегает ко мне в комнату.

– Что? У меня, вообще-то, дела.

– «У меня, вообще-то, дела», – передразнивает ее Крис. – Если принесешь мне диетическую колу, я сделаю тебе маникюр, как у Лары Джин!

Я демонстрирую ногти, как это делают модели.

– К-и-т-т-и К-а-в-и, – говорит Крис, загибая пальцы. – Идеально подходит.

Китти срывается с места, и я ору ей вслед:

– И мне принеси газировки!

– Со льдом! – кричит Крис, а затем грустно вздыхает: – Жаль, у меня нет младшей сестры. Было бы так круто ею командовать!

– Китти обычно не такая послушная. Просто тебя она боготворит.

– Боготворит, да? – улыбается Крис сама себе, ковыряя носок.

Женевьеву Китти тоже когда-то боготворила. Прямо-таки благоговела перед ней.

– Слушай, – вдруг вспоминаю я. – Как твоя бабушка?

– Все хорошо. Она у нас крепкая.

– А как... остальные родственники? Все нормально?

Крис пожимает плечами.

– Конечно. Все путем.

Хм. Насколько плохо могут обстоять дела в семье Женевьевы, если даже Крис не в курсе? Скорее всего, не так плохо, либо, что более вероятно, это очередной обман Женевьевы. Даже когда мы были маленькими, она много врала, чтобы избежать наказания (тогда она все сваливала на меня), либо в надежде завоевать симпатию взрослых.

Крис пристально на меня смотрит.

– О чем ты так напряженно думаешь? Все еще паришься из-за того секс-видео?

– Это не секс-видео, если на нем не занимаются сексом!

– Расслабься, Лара Джин. Выступление Питера должно было сработать. Теперь вас оставят в покое и переключатся на что-нибудь новое.

– Надеюсь, ты права, – говорю я.

– Поверь, на следующей неделе все уже будут судачить о ком-то или о чем-то другом.

В итоге Крис оказалась права, и все переключились на новую сенсацию. Во вторник какого-то Кларка из девятого класса застали мастурбирующим в мужской раздевалке, и это единственное, о чем все теперь говорят. Мне повезло!

По словам Сторми, в мире существует два типа девушек: те, кто разбивает сердца, и те, кому их разбивают. Не сложно догадаться, к какому типу относится она сама.

Я сижу, скрестив ноги, на бархатной кушетке Сторми и копаюсь в большой коробке из-под туфель, набитой в основном черно-белыми фотографиями. Она согласилась поучаствовать в моих занятиях по скрапбукингу, и мы начали с разбора материалов. У меня уже образовалось несколько кучек: Сторми, ранние годы; юность; первая, вторая и четвертая свадьбы. С третьей свадьбы фотографий не осталось, потому что они поженились тайно.

– Я разбиваю сердца, но ты, Лара Джин, ты из тех, кому причиняют боль. – Сторми поднимает брови, чтобы подчеркнуть сказанное. Кажется, она забыла их сегодня подвести.

Я размышляю. Я не хочу быть той, кому причиняют боль, но и сама не хочу разбивать ничьи сердца.

– Сторми, а у вас в школе было много кавалеров?

– Разумеется! Десятки! В те времена все так делали. Кино под открытым небом с Бартом в пятницу, котильон с Сэмом в субботу. Мы оставляли себе право выбора. Девушка не устраивалась, пока не была абсолютно, в полнейшей степени уверена.

– Уверена в том, что парень ей нравится?

– Уверена в том, что она хочет за него замуж. Иначе какой смысл прекращать веселье?

Я беру фотографию, где Сторми в вечернем платье цвета морской волны, без бретелек и с пышной юбкой. Со снежно-белыми волосами и приподнятой бровью она похожа на хитрую кузину Грейс Келли. Рядом с ней стоит молодой человек. Он не очень высокий и не особенно красивый, но что-то в нем есть. Искорка в глазах.

– Сторми, сколько вам здесь лет?

Она смотрит на фотографию.

– Шестнадцать или семнадцать. Примерно как и тебе.

– А кто этот парень?

Сторми подносит снимок ближе к глазам, морщась, как сушеный абрикос, и стучит по нему красным ногтем.

– Уолтер! Все называли его Уолт. Он был такой душка!

– Он был вашим молодым человеком?

– Нет, я просто виделась с ним время от времени. – Она хитро поднимает бледные брови. – Однажды мы купались в озере голышом, и нас поймала полиция. Такой *скандал* разразился! Меня привезли домой в патрульной машине, и на мне не было ничего, кроме одеяла.

– И что, все потом о вас сплетничали?

– Еще как!

– У меня тут тоже небольшой *скандал* вышел, – вдруг признаюсь я.

И рассказываю ей все: о джакузи, о видео, о последовавшей шумихе. Мне приходится объяснять ей, что такое мем. Сторми приходит в восторг, она так и светится от непристойности всего случившегося.

– Превосходно! – восхищается она. – Я рада, что тебе есть чем похвастаться. Девушка с репутацией гораздо интереснее серой паиньки.

– Сторми, видео попало в Интернет. Оно там навечно. Это не просто школьная сплетня. К тому же я, вообще-то, и *есть* паинька.

– Нет, паинька – твоя сестра Маргарет.

– Марго, – поправляю я.

– Что ж, она больше похожа на Маргарет. Нет, ну ты подумай, каждый вечер пятницы проводить со стариками! Я бы вены перерезала, если б все мои лучшие годы мне пришлось бы торчать в чертовом доме престарелых. Прошу прощения за мой французский, дорогая.

Она взбивает под собой подушку.

– Старшие дети всегда целеустремленные зануды. Мой сын, Стенли, невыносимо скучный. Просто кошмар! Он ортопед, господи его помилуй! Может, я сама виновата, назвав его Стенли. Правда, у меня все равно не было выбора. Свекровь настояла, чтобы мы назвали его в честь ее покойного мужа. Ох уж эта старая карга, будь она неладна! – Сторми делает глоток холодного чая. – А вот средние дети, к твоему сведению, должны развлекаться. Тут мы с тобой похожи. Я была рада, что ты редко сюда заглядывала. Надеялась, что ты впутываешься в неприятности, и, видимо, была права. Но все же ты могла бы приходить *немного* чаще.

Сторми любого может заставить почувствовать себя виноватым. Она в совершенстве овладела искусством страдальческих вздохов.

– Теперь я здесь работаю, так что буду заглядывать гораздо чаще.

– Только не слишком часто, – спохватывается она. – И в следующий раз приводи с собой того мальчика. Нам здесь не повредит свежая кровь. Встряхнем это сонное царство! Он красивый?

– Да, он очень красивый. – Красивейший из всех красивых парней.

Сторми хлопает в ладоши.

– Тогда ты просто *обязана* его привести. Только предупреди меня заранее, чтобы я успела прихорошиться. Кто еще у тебя есть на примете?

– Никого! – смеюсь я. – Я же сказала, у меня есть парень.

– Хм.

Это все, что она говорит. Просто «хм». А потом добавляет:

– У меня есть внук, примерно твоего возраста. По крайней мере, школу он еще не окончил. Может, я попрошу его заглянуть и познакомиться с тобой. У девушки всегда должно быть несколько вариантов.

Я представляю, каким может быть внук Сторми. Наверняка он такой же сердцеед, как его бабушка. Я открываю рот, чтобы отказаться, но она на меня шикает.

– Когда закончим с альбомом, я продиктую тебе свои мемуары, чтобы ты напечатала их на компьютере. Я думаю назвать их *«Эпицентр шторма»* или *«Штормовое предупреждение»*.

И Сторми начинает напевать себе под нос

– Надвигается шторм, – поет она. – С тех пор как ты ушел, дожди льют ведром. – Вдруг она замолкает. – Нужно устроить вечер кабаре! Ты только представь, Лара Джин! Ты в смокинге, я в облегающем красном платье склоняюсь над пианино. У мистера Моралеса случится сердечный приступ.

– Давайте обойдемся без сердечных приступов, – хихикаю я. – А вот трясущиеся руки ему обеспечены.

Сторми пожимает плечами и продолжает напевать, слегка покачивая бедрами. «Надвигается шторм...»

Она бы так и пела весь день, если бы я ее не отвлекла.

– Сторми, расскажите, где вы были, когда погиб Джон Ф. Кеннеди?

– Это случилось в пятницу. Я пекла перевернутый ананасовый пирог для собрания бридж-клуба. Поставила его в духовку, а потом увидела новости. В итоге я совсем забыла про пирог и чуть весь дом не спалила. Пришлось потом перекрашивать кухню, столько на ней было сажи. – Она качает головой. – Этот человек был святым. Настоящим принцем. Если бы я встретила его в свои лучшие годы, мы бы неплохо провели время. Знаешь, я флиртовала с Кеннеди однажды, в аэропорту. Мы стояли рядом за барной стойкой, и он угостил меня сухим martini. Аэропорты в те времена были куда более роскошные. Люди наряжались для путешествий. А нынешняя молодежь натягивает в самолет свои ужасные сапоги из овечьей шерсти и пижамные штаны, *смотреть больно*. Я бы в таком виде даже за *почтой* не вышла.

– Про кого из Кеннеди вы говорили? – спрашиваю я.

– Что? О, я даже не знаю. Так или иначе, у него был подбородок

Кеннеди.

Я прикусываю губу, чтобы не улыбнуться. Сторми и ее похождения!

– А можно мне рецепт вашего перевернутого ананасового пирога?

– Конечно, дорогая. Тебе понадобится обычный бисквитный торт из коробки, консервированные ананасы, коричневый сахар и коктейльная вишенка для украшения. Главное, чтобы ананасы были *колечками*, а не *кусочками*.

Звучит просто ужасно. Я пытаюсь дипломатично кивать, но Сторми видит меня насквозь и говорит сердито:

– Думаешь, у меня было время сидеть и месить тесто для пирогов, как какая-то скучная старая домохозяйка?

– Вы никогда не будете скучной, – спешу я ее заверить, потому что это правда и потому что я знаю, что ей будет приятно это слышать.

– Тебе надо поменьше печь и побольше жить, – ворчит она раздраженно, хотя никогда раньше на меня не злилась. – Молодые не ценят свою молодость, – она хмурится. – У меня ноги болят. Принеси мне тайленол, пожалуйста.

Я вскакиваю, надеясь побыстрее вернуть ее расположение.

– Где он у вас лежит?

– В кухонном ящике, у раковины.

Я роюсь на кухне, но таблеток не вижу. Батарейки, тальк, стопка салфеток из Макдоналдса, пакетики сахара, почерневший банан. Украдкой я бросаю банан в мусорное ведро.

– Сторми, я не вижу здесь тайленола! Может, он где-нибудь еще?

– Забудь, – говорит она резко, подходя ко мне сзади и отодвигая в сторону. – Сама найду.

– Может, заварить вам чаю?

Сторми уже в возрасте, поэтому так себя ведет. Она не хотела быть грубой. Я в этом уверена.

– Чай для старух. Я выпью коктейль.

– Уже несу, – говорю я.

Мои занятия «скрапбукинг для пенсионеров» официально начались. Не буду отрицать, посещаемость меня разочаровала. Сегодня здесь только Сторми, Алисия Ито – бодрая и крепкая старушка с аккуратными отполированными ногтями и короткой стрижкой, и хитрый мистер Моралес, который пришел только потому, что запал на Сторми. Или на Алисию. Сложно сказать наверняка, так как он флиртует с обеими, и каждой посвятил по странице своего альбома, который решил назвать «Старые добрые времена». Страницу Сторми мистер Моралес украсил музыкальными нотами, клавишами пианино и фотографией, на которой они вместе танцуют на прошлогодней дискотеке. Страницу Алисии он еще не закончил, но по центру уже приклеил фотографию, где та сидит на скамейке во дворе, глядя перед собой, и украсил ее цветочками. Очень романтично.

Бюджет мне выделили скромный, поэтому я принесла собственные материалы. Кроме того, я велела своим ученикам собрать картинки из журналов, а также всякие мелочи, вроде помпонов и пуговиц. Сторми такая же барахольщица, как и я, и у нее нашлось множество сокровищ: кружева с платьев, в которых крестили ее детей, коробок спичек из мотеля, где она познакомилась с мужем («Не спрашивай», – сказала она на это), корешок билета из парижского кабаре. «Париж 1920-го! – всполошилась я. – Вы встречали Хемингуэя?» Но Сторми лишь бросила на меня презрительный взгляд: вообще-то она не *настолько* старая, а мне следует подучить историю.

У Алисии более минималистический и аккуратный стиль. Моим черным маркером для каллиграфии она подписала каждую фотографию японскими иероглифами.

– Что здесь написано? – спрашиваю я, указывая на снимок, где Алисия и ее муж, Фил, стоят у Ниагарского водопада. Они держатся за руки и облачены в желтые дождевики.

Алисия улыбается.

– Здесь написано «День, когда мы попали под дождь».

Значит, Алисия тоже романтик.

– Должно быть, вы очень по нему скучаете.

Фил умер год назад. Я встречалась с ним лишь несколько раз, когда помогала Марго с организацией пятничных вечеров. У Фила был

старческий маразм, и он почти не разговаривал. Обычно он сидел в инвалидном кресле в общей комнате и всем улыбался. Алисия от него ни на шаг не отходила.

– Я скучаю по нему каждый день, – отвечает она, прослезившись.

Сторми втискивается между нами, с зеленой блестящей ручкой за ухом, и говорит:

– Алисия, тебе бы чуть оживить свои страницы. – Она подталкивает в ее сторону набор наклеек с зонтиками.

– Нет, спасибо, – натянуто отвечает Алисия, отодвигая свой альбом подальше от Сторми. – У нас с тобой разные стили.

Сторми щурится.

Я подбегаю к колонкам и увеличиваю звук, чтобы разрядить обстановку. Пританцовывая, Сторми подходит ко мне и поет:

– Джонни – ангел, Джонни – ангел, Джонни, ты мой ангел...

Мы наклоняем головы друг к другу и продолжаем хором:

– Я мечтаю о нас с тобой и том, что между нами будет.

Когда Алисия уходит в туалет, Сторми говорит:

– Какая же она зануда, фу!

– Вовсе она не зануда, – защищаю я ее.

Сторми направляет на меня палец с ярко-розовым маникюром.

– Не смей любить ее больше меня только потому, что вы обе азиатки.

Проведя какое-то время в доме престарелых, я привыкла к слегка расистским комментариям пенсионеров. Сторми хотя бы больше не говорит о нас как о людях «восточной внешности».

– Вы мне одинаково нравитесь, – уверяю ее я.

– Не бывает такого! – Она шмыгает носом. – Никто никому не может нравиться абсолютно одинаково.

– Разве своих детей вы любите не одинаково сильно?

– Конечно, нет!

– Я думала, у родителей нет любимчиков.

– Разумеется, есть. Я больше всех люблю младшего, Кента, потому что он маменькин сынок. Он навещает меня каждое воскресенье.

Я не хочу в это верить и говорю:

– Ну, не знаю. По-моему, у моих родителей не было любимчиков.

Я говорю так, потому что считаю, что это правильно. Но так ли это на самом деле? Если бы кто-то приставил пистолет к моей голове и приказал выбирать, кого бы я назвала папиной любимицей? Наверное, Марго. Они с ним очень похожи. Она искренне любит документальные фильмы и наблюдение за птицами, как и папа. Китти – младшая, что автоматически

дает ей преимущество. Но как же я, средняя из сестер Сонг? Может, я была маминой любимицей? Хотела бы я знать наверняка. Я бы спросила папу, но вряд ли он скажет правду. Надо выяснить у Марго.

Я бы ни за что не смогла выбрать между Марго и Китти. Но если бы, к примеру, они обе тонули, а я могла бы бросить только один спасательный жилет, то я бы выбрала Китти. Иначе Марго никогда бы меня не простила. Забота о Китти – наша общая обязанность.

Мысль о том, что я могу потерять Китти, вводит меня в задумчивое и заботливое настроение, поэтому вечером, после того как она засыпает, я пеку ей целый поднос сникердудлей, ее любимого печенья. У меня всегда есть в запасе пакет готового теста, замороженного идеальными цилиндрическими кусочками, чтобы, если кому-то из нас захочется печенья, мы смогли бы получить его ровно через двадцать минут. Китти ждет приятный сюрприз, когда завтра она откроет свой пакет с ланчем.

Джейми я тоже даю немного печенья. Я знаю, что не должна его баловать, но он смотрит на меня такими печальными щенячьими глазами, что я не могу устоять.

– О чем ты замечталась? – Питер бьет меня ложкой по лбу, чтобы привлечь внимание. Мы зашли после школы в Старбакс и делаем домашнюю работу.

Я высыпаю два пакетика нерафинированного сахара в пластиковый стаканчик и размешиваю его соломинкой. Я делаю большой глоток, и гранулы сахара приятно хрустят на зубах.

– Я думала, как было бы круто, если бы в нашем возрасте мы влюблялись, как в пятидесятых годах.

Я тут же жалею, что сказала «влюблялись», потому что Питер никогда не говорил, что влюблен в меня. Но слишком поздно, слова уже слетели с губ, так что я продолжаю говорить и надеюсь, что он ничего не заметил.

– В пятидесятых молодежь просто встречалась, и все было так легко. Сегодня Барт мог свозить тебя в кино под открытым небом, а завтра Уолт сопровождал тебя на сок-хоп или еще куда-нибудь.

– Что это еще за сок-хоп? – спрашивает Питер озадаченно.

– Это такие танцы босиком, как в «Бриолине».

Питер смотрит на меня с недоумением.

– Ты что, не смотрел «Бриолин»? Его как раз вчера показывали. Неважно. Смысл в том, что ты не становилась ничьей девушкой, пока не получала значок.

– Значок? – переспрашивает Питер.

– Да, парень давал девушке значок своего братства, и это означало, что у них все серьезно. Ваши отношения не были официальными, пока ты не получишь значок.

– Но я не состою в братстве. Я даже не знаю, как выглядят их значки.

– Вот именно, – замечаю я.

– Погоди, так что ты хочешь сказать? Тебе нужен значок или не нужен?

– Я ничего не хочу сказать. Я просто говорю, что в том, как все было раньше, было что-то клевое. Ты так не думаешь? Это старомодно, но очень... – как там Марго всегда говорила? – Постфеминистично.

– Стой, так ты хочешь ходить на свидания с другими парнями? – спрашивает Питер, но не расстроено, а скорее озадаченно.

– Нет! Я просто... Это просто наблюдение. Было бы здорово вернуть непринужденные свидания. Есть в этом что-то милое, не так ли? Моя

сестра, например, жалеет, что позволила их с Джошем отношениям зайти так далеко. Ты сам говорил, что тебе не нравилось, как серьезно у вас все стало с Женеьевой. Если мы расстанемся, я не хочу, чтобы все становилось так ужасно, что мы не сможем находиться в одной комнате. Я хочу оставаться друзьями, несмотря ни на что.

Питер качает головой.

– У нас с Джен все было сложнее из-за того, какая она. С тобой все иначе. Ты... другая.

Я чувствую, как снова краснею. Пытаясь не выдавать своего воодушевления, я спрашиваю:

– В каком смысле другая? – Я знаю, что напрашиваюсь на комплимент, но мне все равно.

– С тобой легко. Ты не сводишь меня с ума и не выводишь из себя. Ты... – Питер умолкает, увидев выражение моего лица. – Что? Что я сказал?

Я напрягаюсь, тело деревенеет. Ни одна девушка не захочет услышать того, что он сказал. Ни одна. Девушка *хочет* сводить парня с ума и выводить его из себя. Разве не в этом заключается влюбленность?

– Я говорил это в хорошем смысле, Лара Джин. Ты обиделась? Не сердись. – Он устало трет лицо.

Я колеблюсь. Мы с Питером говорим друг другу правду, так повелось с самого начала, и я хочу, чтобы так все и оставалось, с обеих сторон. Но затем я вижу беспокойство в его глазах, неуверенность, которой раньше за ним не замечала. Мы помирились всего пару недель назад, и я не хочу ссориться снова, понимая, что он не хотел ничего плохого. Я слышу, как говорю:

– Я не сержусь. – И с этими словами я действительно перестаю сердиться.

В конечном итоге я же сама боялась, что мы с Питером можем зайти слишком далеко и слишком быстро. Может, и хорошо, что я не свожу его с ума и не вывожу из себя.

Тучи на его лице мгновенно рассеиваются, и он снова сияет. Вот Питер, которого я знаю. Он делает глоток чая.

– Видишь, об этом я и говорю, Лара Джин. Поэтому ты мне так нравишься. Ты все понимаешь.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Утром перед школой, когда я бегу к своей машине, Джош сбивает лед с лобового стекла. Папа мою уже почистил, завел двигатель и включил печку. Судя по машине Джоша, в школу он опоздает.

С Рождества мы почти не виделись. После всех случившихся между нами странностей и его разрыва с Марго Джош превратился в призрака. Теперь он уезжает в школу чуть раньше, а возвращается домой чуть позже. И он не сказал мне ни слова, когда произошла вся шумиха с видео, хотя в какой-то степени я этому рада. Не хочу слышать никаких «я же тебе говорил» и «я был прав насчет Питера».

Я выезжаю задним ходом, и в последнюю секунду открываю окно и высовываю голову.

– Тебя подвезти?! – кричу я Джошу.

Его глаза удивленно округляются.

– Да. Конечно.

Он бросает скребок для льда в свою машину, берет рюкзак и подбегает ко мне. Забираясь, он говорит:

– Спасибо, Лара Джин.

Он греет руки на решетке кондиционера.

Мы выезжаем из нашего района. Я еду осторожно, потому что за ночь все дороги заледенели.

– Ты стала водить гораздо лучше, – замечает Джош.

– Спасибо.

Я *тренировалась*, одна и с Питером. Иногда я все еще волнуюсь, но каждый раз, садясь за руль, я нервничаю чуть меньше, потому что теперь я знаю, что справлюсь. Ты понимаешь, на что способен, только когда продолжаешь это делать.

До школы остается несколько минут, и Джош спрашивает:

– Когда мы снова будем разговаривать? Скажи, чтобы я примерно себе представлял.

– Мы прямо сейчас разговариваем, разве нет?

– Ты понимаешь, о чем я. То, что случилось между мной и Марго, касается только нас. Разве мы с тобой не можем быть друзьями, как раньше?

– Джош, конечно же, мы с тобой всегда будем друзьями. Но вы с Марго расстались меньше месяца назад.

– Нет, мы расстались в августе. Но три недели назад она решила, что хочет снова быть вместе, а я отказался.

Я вздыхаю.

– Почему ты вообще отказался? Дело только в расстоянии?

Джош тоже вздыхает.

– Отношения – это тяжелый труд. Вот увидишь. Когда вы с Кавински будете встречаться дольше, ты поймешь, о чем я.

– Господи, ты такой всезнайка! Самый большой всезнайка, которого я встречала, не считая моей сестры.

– Которой из них?

Я чувствую, как во мне зарождается смешок, который я подавляю.

– Обе. Они обе всезнайки.

– И еще кое-что... – он колеблется, но потом продолжает: – Я ошибался насчет Кавински. Судя по тому, как он высказался из-за видео, я должен признать, что он хороший парень.

– Спасибо, Джоши. Он правда чудесный.

Джош кивает, и между нами воцаряется уютная тишина. Я благодарю судьбу за вчерашнюю непогоду и радуюсь, что его лобовое стекло утром заледенело.

На следующий день после школы я сижу на скамейке у входа и жду Питера, когда Женевьева выходит из двойных дверей, разговаривая по телефону.

– Если ты ей не скажешь, я сама скажу! Клянусь тебе!

Мое сердце замирает. С кем она разговаривает? Не с Питером?

Вслед за ней появляются ее подружки, Эмили и Джудит, и Джен быстро вешает трубку.

– Где вас, куриц, носило? – спрашивает она резко.

Те переглядываются.

– Джен, расслабься, – говорит Эмили, и я вижу, что она на грани, бесится, но осторожничает, чтобы не разгневать подругу еще больше. – У нас остается вагон времени на шопинг.

Тут Женевьева замечает меня, и ее недовольное выражение исчезает. Помахав, она восклицает:

– Привет, Лара Джин! Ты ждешь Кавински?

Я киваю и дую на пальцы, чтобы не стоять столбом. К тому же становится холодно.

– Он постоянно опаздывает. Передай ему, что я сегодня попозже ему позвоню, ладно?

Я снова киваю, не подумав, и девчонки уходят, взявшись под руки.

Зачем я кивнула? Что со мной не так? Почему я никогда не могу придумать хороший ответ? Я все еще ругаю себя, когда появляется Питер. Он усаживается на скамейку рядом со мной и одной рукой обнимает меня за плечи. Затем он взъерошивает мне волосы: обычно он таким же образом приветствует Китти.

– Как дела, Кави?

– Спасибо, что заставил меня ждать на улице в такой холод, – говорю я, прижимая замерзшие пальцы к его шее.

Питер вскрикивает и отпрыгивает от меня.

– Могла бы подождать внутри.

Тут он прав. К тому же я злюсь не из-за этого.

– Джен просила передать, что позвонит тебе сегодня попозже.

Питер закатывает глаза.

– Она любит мутить воду. Не обращай на нее внимания, Кави. Джен просто ревнует.

Вставая, он протягивает мне руку, которую я неохотно принимаю.

– Позволь мне угостить тебя горячим шоколадом, чтобы согреть твое бедное замерзшее тело.

– Посмотрим, – отвечаю я.

В машине Питер то и дело на меня поглядывает, проверяя, до сих пор ли я злюсь. Я решаю не дуться слишком долго, потому что это забирает слишком много энергии. Я позволяю ему купить мне горячий шоколад и даже делюсь с ним, но предупреждаю, что на мои маршмеллоу он может не рассчитывать.

Тем вечером телефон вибрирует на прикроватном столике, и я заранее знаю, что это Питер: хочет убедиться, что все хорошо. Я снимаю наушники и отвечаю.

– Привет.

– Что делаешь? – Он говорит тихо, наверное, уже лежит.

– Домашнее задание. А ты что?

– Я ложусь спать. Решил пожелать тебе спокойной ночи. – Парень делает паузу. – Слушай, а почему ты ни разу не звонила мне, чтобы пожелать спокойной ночи?

– Не знаю. Я об этом не думала. Ты хочешь, чтобы я звонила?

– Ну, ты не обязана. Мне просто интересно, почему не звонила.

– Я думала, тебе не нравятся все эти глупости с «последним звонком». Помнишь? Ты внес это в контракт. Ты говорил, что Женестьева настаивала, чтобы она была последней, с кем ты разговариваешь каждый вечер, и тебе это надоедало.

– Давай не будем о ней говорить, – стонет Питер. – И вообще, почему у тебя такая хорошая память? Ты все помнишь.

– Это мой дар и проклятие. – Я подчеркиваю абзац и пытаюсь удержать телефон плечом, но он постоянно выскальзывает. – Ну, так что? Ты хочешь, чтобы я звонила тебе каждый вечер или нет?

– Ой, да забудь.

– Ой, ладно, – говорю я и чувствую, как он улыбается в трубку.

– Пока.

– Пока.

– погоди, принесешь мне завтра тот крутой корейский йогурт на обед?

– Скажи «пожалуйста».

– Пожалуйста.

– Скажи «умоляю»!

– Пока.

– Пока-а-а-а.

Я трачу еще два часа, чтобы закончить домашнее задание, но когда той ночью я засыпаю, я засыпаю с улыбкой.

Мне кажется, у папы свидание. Сегодня он сказал, что у него кое-какие планы, побрился и надел приличную рубашку вместо одного из старых свитеров. Он очень торопился, поэтому я не спросила, с кем он встречается. Наверное, с кем-то из больницы. У папы не очень широкий круг общения. Он застенчивый. С кем бы он ни встречался, это чудесная новость.

Как только папа уходит, я поворачиваюсь к Китти: она лежит на диване, смотрит телевизор и слизывает оболочку с кислых мармеладок. Джейми спит рядом с ней.

– Китти, думаешь, у папы...

– Свидание? Еще бы!

– И ты не возражаешь?

– Нет, конечно. Хотя я бы предпочла, чтобы он встречался с кем-то, кого я уже знаю и кто мне нравится.

– А что, если он снова женится? Ты не будешь против?

– Вовсе нет. Ведь тогда ты наконец сможешь перестать делать это лицо обеспокоенной старшей сестры.

Я пытаюсь не делать никакого лица, превратившись в лист белой бумаги, и невозмутимо спрашиваю:

– То есть ничего, если папа снова женится?

– Это всего лишь свидание, Лара Джин. Никто не женится после одного-единственного свидания.

– Да, но одним свиданием дело может не ограничиться.

На лице Китти появляется вспышка беспокойства, но потом она говорит:

– Поживем – увидим. Паниковать еще рано.

Я, конечно, не паникую. Мне просто любопытно. Когда я сказала бабушке, что не возражаю, если папа будет с кем-то встречаться, я говорила серьезно. Но я должна удостовериться, что эта женщина будет его достойна, кем бы она ни была. Я меняю тему.

– Что ты хочешь получить на день рождения? – спрашиваю я Китти.

– Я составляю список, – отвечает она. – Новый ошейник для Джейми. Кожаный. С шипами. И беговую дорожку.

– Беговую дорожку?

– Да, я хочу научить Джейми по ней ходить.

– Сомневаюсь, что папа согласится на беговую дорожку, Китти. Она дорогая и к тому же куда нам ее ставить?

– Ну, хорошо. Беговую дорожку вычеркну. Еще я хочу очки ночного видения.

– Нужно показать твой список Марго.

– Что бы у нее такого попросить, что есть только в Шотландии? – спрашивает Китти.

– Настоящее шотландское печенье. Клетчатый килт. Что еще... мячи для гольфа. Какую-нибудь атрибутику с лохнесским чудовищем.

– Что такое атрибутика?

– Плюшевое лохнесское чудовище. Футболка с лохнесским чудовищем. Может, светящийся в темноте постер.

– Ну-ка, стой! Это хорошая идея. Добавлю его в список.

После того как Китти идет спать, я прибираюсь на кухне, даже оттираю плиту специальной губкой и навожу порядок в холодильнике, чтобы ничто не мешало устроить папе допрос с пристрастием, как только он вернется домой. Я пересыпаю муку в банку, когда папа входит в дверь. Как ни в чем не бывало я спрашиваю:

– Ну, как прошло свидание?

Он непонимающе хмурится.

– Свидание? Я ходил на концерт симфонического оркестра со своей коллегой, Маржори. Ее муж подхватил грипп, и она не хотела, чтобы билеты пропали.

– О... – я разочарованно выдыхаю.

Напевая, папа наливает стакан воды и говорит:

– Надо чаще ходить в консерваторию. Тебе это интересно, Лара Джин?

– Эмм... может быть, – отвечаю я.

Я готовлю себе порцию сникердудлей, бегу в комнату и сажусь за стол. Хрустя печеньем, я включаю компьютер, ввожу в поиск «свидания для отцов» и сразу же нахожу сайт знакомств для одиноких родителей.

Я начинаю заполнять анкету. Первым делом нужна фотография. В папках моего компьютера я ищу снимки, на которых есть папа. Индивидуальных фотографий совсем мало. В итоге я выбираю две и помечаю их. Первый снимок был сделан прошлым летом на пляже, папа там стоит в полный рост, как и советуют на сайте. Вторая фотка – с этого Рождества, папа в скандинавском свитере, который мы ему подарили. Он режет жареного цыпленка и выглядит очень по-отцовски, прямо как из рекламы кофе, но при этом не искусственно. В тусклом свете столовой

почти не видно его морщин, только небольшие складки в уголках глаз. Глядя на них, я вспоминаю, что нужно заставлять его каждый день пользоваться солнцезащитным кремом. Мужской набор по уходу за кожей может быть неплохим подарком ко Дню отца. Я делаю пометку в «напоминаниях».

Папе сейчас сорок с небольшим. Он еще достаточно молод, чтобы с кем-нибудь познакомиться и влюбиться, а может, и не один, а даже два или три раза.

Когда родилась Китти, я сказала, что она больше похожа на котенка, чем на Кэтрин, и это прозвище к ней прилипло. Как только мы вернулись домой из роддома, где навещали их с мамой, мы с Марго, чтобы скоротать время, решили нарисовать плакат «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОТЕНОК». Мы достали все краски и материалы для творчества, и бабушка была недовольна, потому что мы устроили на кухне ужасный бардак: по всему полу остались следы краски и отпечатки рук. У нас есть фотография, где мама, вернувшись домой, стоит под этим плакатом с Китти на руках: у нее уставшие, но горящие глаза. Она счастлива.

Теперь у нас традиция – вешать плакат Китти на дверь, чтобы это было первое, что она увидит, когда проснется. Я встаю очень рано и осторожно вешаю плакат, стараясь не загнуть и не порвать края. На завтрак я готовлю ей омлет с мюнстерским сыром. Кетчупом я рисую кошачью мордочку и обвожу ее сердечком. У нас есть «праздничный ящик», в котором лежат свечи для торта, бумажные колпаки, скатерти и запасные поздравительные открытки. Я достаю оттуда колпаки и надеваю один себе на голову, небрежно сдвинув его набок. Рядом с тарелками Китти и папы я также кладу по колпаку и еще один надеваю на Джейми Фокс-Пикла. Ему это не нравится, но мне удастся сделать фотографию, прежде чем он его сбрасывает.

Папа приготовил Китти ее любимый школьный обед: большой сэндвич с сыром, чипсы и кекс «Красный бархат» с глазурью из замороженного крема.

Китти приходит в восторг от убранства стола и кошачьей мордочки у нее на омлете. Она хлопает в ладоши и смеется, как гиена, когда резинка на папином колпаке лопается и колпак слетает с его головы. Серьезно, нет в этот момент более счастливой именинницы, чем наша Китти.

– Можно мне надеть твой свитер с ромашками? – спрашивает она меня с набитым омлетом ртом.

Я смотрю на часы.

– Сейчас принесу, только ешь быстрее.

Он будет здесь с минуты на минуту.

Пора выходить. Мы обуваемся, целуем папу на прощание и выскакиваем из двери. На улице нас ждет Питер, облокотившись на свою машину, с букетом розовых гвоздик, завернутых в пленку.

– С днем рождения, малышка! – говорит он.

– Это мне? – Китти выпучивает глаза.

– А кому же еще? – смеется Питер. – Скорее садись в машину.

Китти поворачивается ко мне, ее глаза горят, улыбка до ушей. Я тоже улыбаюсь.

– Ты поедешь, Лара Джин?

Я качаю головой.

– Нет, здесь только одно место.

– Сегодня ты моя единственная, – говорит Питер, и Китти бежит к нему и выхватывает букет из его рук. Он галантно открывает перед ней дверь. Захлопнув ее, он поворачивается ко мне и подмигивает.

– Не ревнуй, Кави!

Мне никогда он не нравился сильнее, чем в этот момент.

* * *

Вечеринка в честь дня рождения Китти со всеми ее друзьями будет только через пару недель. Она хочет, чтобы гости пришли с ночевкой, а папа весь февраль дежурит по выходным. Сегодня мы будем праздновать в семейном кругу.

Одно из лучших папиных блюд – это жареная курица. Он считает ее фирменным семейным рецептом. Он обмазывает курицу толстым слоем сливочного масла, фарширует ее луком и яблоками, посыпает приправами и засовывает в духовку. Обычно в качестве гарнира идет картофель. Сегодня я сделала пюре из батата, посыпала его коричневым сахаром и корицей, а потом положила в жаровню, чтобы получилась карамельная корочка.

Китти поручено накрыть на стол и расставить приправы: техасский острый соус для папы, горчица для Китти и клубничный джем для меня. И чатни для Марго, если бы она была дома.

– А с каким соусом мама любила есть курицу? – внезапно интересуется Китти.

– Я... не помню, – отвечаю я.

Мы обе смотрим на папу, который проверяет, готово ли блюдо.

– Она тоже любила горчицу? – спрашивает сестренка.

Закрывая духовку, папа говорит:

– Хм. Что ж, я знаю, что она любила бальзамический уксус. Очень. Очень-очень.

– Только с курицей? – допытывается Китти.

– Да со всем, вообще-то. С авокадо, с тостом с маслом, с помидорами,

со стойком.

Я мысленно заношу эту информацию в папку «Разное: Факты о М.».

– Ну что, готовы ужинать? – спрашивает папа. – Пора вытаскивать птичку, пока она еще красивая и сочная.

– Через минуту, – говорит Китти, и буквально через минуту раздается звонок в дверь.

Китти мгновенно срывается с места и возвращается с мисс Ротшильд, нашей соседкой через дорогу. На ней узкие джинсы, черная водолазка и сапоги на высоких каблуках, а также крупное черно-золотое кольцо. Верхняя часть ее рыжевато-каштановых волос собрана в пучок, а нижняя спадает на плечи. В руках у нее завернутый подарок. Джейми Фокс-Пикл несется к ней во весь опор, виляя хвостиком, его щенячьи лапки разъезжаются по полу.

Мисс Ротшильд смеется.

– Ну, здравствуй, Джейми! – Она кладет подарок на стол, опускается перед щенком на колени и тискает его. – Как жизнь?

– Здравствуйте, мисс Ротшильд, – говорю я.

– Трина! – удивленно восклицает папа.

Мисс Ротшильд издает неловкий смешок.

– Ой, вы что, не знали, что я приду? Китти меня сегодня пригласила, когда заходила вместе с Джейми ... – женщина краснеет. – Китти! – бранит она ее.

– Я ему говорила. Просто папа слишком рассеянный, – заявляет Китти.

Мисс Ротшильд хмыкает, выразительно глядя на Китти, а та делает вид, что не замечает.

– Что ж, в любом случае спасибо за приглашение.

Джейми начинает прыгать вокруг мисс Ротшильд – еще одна из его дурных привычек. Та выставляет вперед колено, и Джейми моментально успокаивается.

– Сидеть, Джейми!

И он садится! Мы с папой обмениваемся восхищенными взглядами. Уроки мисс Ротшильд определенно идут Джейми на пользу.

– Трина, что вы будете пить? – спрашивает папа.

– Что угодно, что уже открыто, – отвечает она.

– Мы еще ничего не открывали, но я с удовольствием открою для вас все, что пожелаете...

– Мисс Ротшильд любит пино-гриджо, – заявляет Китти. – Со льдом.

Та краснеет еще сильнее.

– Боже, Китти! Я же не пьяница!

Она поворачивается к нам и говорит:

– Я могу выпить бокальчик после работы, но не каждый вечер.

Папа смеется.

– Я положу белое вино в морозилку. Там оно быстро охладится.

Китти довольно улыбается, и, когда мисс Ротшильд с папой уходят в гостиную, я хватаю ее за воротник и шепчу:

– Что ты задумала?

– Ничего, – пищит она, пытаясь вывернуться.

– Ты устроила им ловушку? – шиплю я.

– Ну и что, если так? Они подходят друг другу.

Ха!

– С чего ты так решила?

Китти начинает загибать пальцы.

– Она любит животных, она красивая, она сама зарабатывает и она мне нравится.

Хм. Звучит, конечно, неплохо. К тому же она живет через дорогу, что очень удобно.

– Думаешь, мисс Ротшильд любит документальные фильмы?

– Кого волнуют эти старые скучные документалки? Их папа может и с тобой смотреть, или с Марго. Главное, чтобы между ними была химия. – Китти пытается высвободиться из моей хватки. – Отпусти меня, и я посмотрю, есть ли между ними химия!

Я отпускаю ее воротник.

– погоди, не входи так сразу.

Китти фыркает и пытается убежать, но я многозначительно говорю:

– Пусть они *побудут наедине* минутку.

Она резко останавливается, а потом одобрительно кивает.

– Пусть побудут наедине, – повторяет она, смакуя каждое слово.

Китти разрезает кусок белого мяса – это единственная часть курицы, которую она ест. Причем она любит, чтобы мясо было тонко нарезано, как из магазина деликатесов, и папа пытается ей угодить, но у него получаются уродливые ошметки. Может, стоит подарить ему на день рождения электрический нож. Лично я люблю бедрышки. Я искренне не понимаю, зачем люди едят что-то еще, кроме бедрышек, если у них есть выбор.

Когда мисс Ротшильд выдавливает острый соус на свою курицу, глаза Китти загораются, как два светлячка. Я замечаю, как соседка от души смеется над папиными старомодными шутками, а также высоко оцениваю ее восторг по поводу моих сникердудлей. Пока папа варит кофе, я бросаю в

духовку еще немного замороженного теста.

– Мне нравится, что печенье мягкое, но при этом хрустит. Неужели ты его сама испекла?

– Я всегда пеку сама, – уверяю я ее.

– Что ж, надеюсь, ты поделишься со мной рецептом. – И она улыбается. – Хотя нет, не утруждайся напрасно. Я знаю свои сильные стороны, и выпечка к ним не относится.

– Мы угостим вас в любое время. У нас всегда много пирогов и печенья, – говорит Китти, что очень щедро с ее стороны, учитывая, что она никогда не помогает мне печь и объявляется только к самому интересному моменту: когда приходит время украшать их и есть.

Я бросаю взгляд на папу, который безмятежно пьет кофе. Я вздыхаю. Он совершенно не понимает, что происходит.

Мы все вместе моем посуду и упаковываем остатки еды, чувствуя себя очень естественно. Не задавая вопросов, мисс Ротшильд знает, что бокалы для вина нужно мыть вручную, а не ставить в посудомоечную машину, и с первой попытки находит в ящиках фольгу и пластиковые пакеты. Хотя, возможно, это скорее заслуга организационных способностей Марго, чем интуиции мисс Ротшильд, но тем не менее. Мне легко представить, как она вписывается в нашу семью. И, как я уже говорила, она живет через дорогу, что очень удобно. Говорят, разлука укрепляет чувства, но я не согласна. *Близость* укрепляет чувства.

Как только мисс Ротшильд уходит домой, а папа удаляется в кабинет, Китти прибегает ко мне в комнату, где я раскладываю школьную одежду. Темно-синий свитер с лисой, который я берегла на дождливый день, желто-горчичная юбка и гольфы.

– Ну что? – спрашивает она требовательно. Джейми Фокс-Пикл сидит у нее на руках.

– Мне понравилось, как мисс Ротшильд сама начала заворачивать еду в пленку. Инициатива – это всегда хорошо, – говорю я, прикалывая черепаховый бант к волосам и разглядывая результат в зеркале. – Она также очень хвалила мои сникердудлы, я это оценила. Вот только в папе я никакой искры не видела. Как думаешь, она ему интересна?

– Думаю, могла быть, если бы дала ему шанс. Она встречалась с каким-то парнем с работы, но ничего не вышло, потому что он напоминал ей бывшего мужа.

Я поднимаю брови.

– Надо же, какие у вас с ней серьезные разговоры.

– Она не обращается со мной как с маленькой, – гордо говорит Китти.

Если Китти она так сильно нравится, это о многом говорит.

– Что ж, может, она не в папином вкусе, но если мы и дальше будем их сводить, кто знает?

– А с чего ты взяла, что она не в папином вкусе?

– Ее стиль очень отличается от маминого. К тому же она курит. Папа этого терпеть не может.

– Она пытается бросить. Теперь у нее электронная сигарета.

– Будем почаще приглашать ее в гости и посмотрим, что получится, – киваю я, расчесывая волосы. – Слушай, если согласишься видео, у тебя получится заплести мне боковую косичку?

– Могу попробовать, – отвечает Китти. – Закрути пока волосы и позови меня после того, как кончится мой сериал.

– Отлично.

В следующий раз, когда мы с Марго болтаем по скайпу, я сообщаю ей новости. Она сидит за рабочим столом, на ней свитер в светло-голубую и темно-зеленую полоску, волосы влажные после душа. Она пьет чай из кружки с эмблемой Университета Сент-Эндрюс.

– Классный свитер, – говорю я, устраивая ноутбук у себя на коленях и удобно откидываясь на подушку. – Угадай, с кем Китти решила свести папу?

– С кем?

– С мисс Ротшильд.

Марго чуть не захлебывается чаем.

– С той, что живет через дорогу? Да ты издеваешься! Ничего безумнее я в жизни не слышала!

– Правда? Ты так считаешь?

– Да! А ты нет?

– Не знаю. Китти проводит с ней много времени, та учит ее тренировать Джейми. Она кажется очень милой.

– То есть да, конечно, она милая, но она так сильно красится и постоянно проливает кофе себе в декольте и визжит, как сирена. Помнишь, как они с бывшим мужем устраивали соревнование по крикам у себя во дворе? – Марго вздрагивает. – О чем они с папой будут разговаривать? Она будто героиня «Настоящих домохозяек Шарлоттсвилля», только в разводе.

– Это ее любимое шоу! – вспоминаю я, чувствуя себя ябедой. – Но она признает, что не гордится этим увлечением.

– Какой сезон она смотрит?

– Думаю, все.

– Лара Джин, пообещай мне, что не позволишь ей прибрать к рукам папу. Он ничего не знает о свиданиях в двадцать первом веке, она сожрет его заживо. Ему нужен кто-то зрелый, кто-то с мудростью в глазах.

– Кто, например? – фыркаю я. – Старушка? Если что, я знаю нескольких в Бельвю, которые будут рады с ним познакомиться.

– Не старушка, но кто-нибудь хотя бы его возраста. Она должна быть утонченная, но также любить природу, походы и все такое.

– Когда папа в последний раз выбирался на природу?

– Много лет назад, в том-то и дело. Ему нужна женщина, которая будет вдохновлять его на подобные вылазки. Поддерживать в нем активность,

физическую, психическую...

– И сексуальную? – хихикая, добавляю я. Я не могу удержаться от шутки и упустить возможность позлить Марго.

– Фу! – кричит она. – Ты отвратительна!

– Я пошутила.

– Я сейчас же вешаю трубку.

– Нет, не надо! Если мисс Ротшильд ему не подойдет, думаю, стоит попробовать знакомства через Интернет. Я уже нашла хороший сайт и все такое. Ведь он привлекательный мужчина! На День благодарения бабушка умоляла его чаще ходить на свидания. Она считает, что мужчине вредно быть одному.

– Он вполне счастлив. – Марго делает паузу. – Разве нет?

– Думаю, он вполне... доволен. Но это совсем не то, что счастлив, так ведь? Гоу-Гоу, мне больно думать, что он одинок. Да и Китти так старается свести его с мисс Ротшильд. Не потому ли, что ей необходима материнская фигура?

Марго вздыхает и делает глоток чая.

– Ладно, поколдуй над его анкетой и пришли мне логин с паролем, чтобы я тоже посмотрела. Потом мы выберем несколько кандидаток и предоставим ему подборку уже готовых вариантов, чтобы он сразу не растерялся.

Я импульсивно говорю:

– Давай лучше подождем, пока не узнаем, получится ли у них что-нибудь с мисс Ротшильд. Надо хотя бы дать ей шанс, как думаешь? Ради Китти.

Марго снова вздыхает.

– Ты хотя бы знаешь, сколько ей лет?

– Может, тридцать девять? Сорок?

– Что ж, одевается она гораздо моложе.

– Это вряд ли можно назвать недостатком, – парирую я, хотя признаю, что почувствовала себя странно, когда оказалось, что мы покупаем одежду в одних магазинах. Получается, либо она одевается слишком молодо, либо я слишком взросло. Крис называет мой стиль «модный микс бабушки с маленькой девочкой» или «Лолита стала библиотечаршей». Я как раз вспоминаю:

– Кстати, если увидишь милые килты, привезешь мне один? В красную клетку. Может, с большой брошкой.

– Буду посматривать, – обещает она. – Может, удастся найти сразу три похожих, чтобы мы сочетались. Точнее, четыре. Для следующей

рождественской открытки.

Я посмеиваюсь.

– Папа в килте!

– Никогда не знаешь, вдруг ему понравится? Папа вечно хвастается, что он на четверть шотландец. Придется ему отвечать за свои слова. – Марго обнимает чашку обеими руками и делает глоток. – Кстати, я познакомилась с классным парнем. Его зовут Сэмюэль, и мы вместе ходим на курс британской поп-культуры.

– Ого! У него есть шикарный акцент?

– Несомненно, – говорит Марго с безупречным британским акцентом, и мы хохочем. – Мы сегодня встречаемся в пабе. Пожелай мне удачи.

– Удачи! – кричу я.

Мне нравится видеть Марго такой: сияющей, счастливой и несерьезной. Похоже, она забыла Джоша, окончательно и бесповоротно.

– Не стой перед телевизором! – кричит Китти.

Я смахиваю пыль с книжных полок новой перьевой метелкой, которую заказала через Интернет. Не знаю, когда в последний раз здесь кто-нибудь вытирал пыль. Я поворачиваюсь и говорю:

– Чего ты сегодня такой злобный маленький кислый монстр?

– Я не в настроении, – ворчит сестренка, вытягивая перед собой худенькие ножки. – Шанайя должна была прийти к нам в гости, но в последний момент отказалась.

– Ладно, но не срывайся на мне.

Китти чешет колено.

– Кстати, я тут придумала отправить мисс Ротшильд валентинку от папиного имени.

– Не смей! – Я трясусь перед ней метелкой. – Завязывай со своей привычкой совать свой нос в чужие дела, Кэтрин! Это некрасиво.

Китти картинно закатывает глаза.

– Ох, не надо было тебе рассказывать.

– Слишком поздно. Послушай, если двум людям суждено быть вместе, они найдут дорогу друг к другу.

– А вы бы с Питером нашли «дорогу друг к другу», если бы я не отправила твои письма? – спрашивает она с вызовом.

Очко в пользу Китти.

– Скорее всего, нет, – признаю я.

– Нет, точно нет! Вас надо было подтолкнуть.

– Не веди себя так, будто совершила альтруистичный поступок. Ты прекрасно знаешь, что действовала из злых побуждений.

Китти пропускает это мимо ушей и спрашивает:

– Что значит «альтруистичный?»

– Бескорыстный, благородный, щедрый... в общем, полная твоя противоположность.

Китти визжит и набрасывается на меня, и мы немного боремся, задыхаясь от смеха и наталкиваясь на мебель. Раньше я могла обезвредить ее без особых усилий, но с годами наши шансы уравниваются. У нее крепкие ноги, и она умеет изворачиваться, как червяк, выскальзывая из моей хватки. Наконец мне удается соединить ее руки у нее за спиной, и она кричит:

– Сдаюсь! Сдаюсь!

Когда я ее отпускаю, она вспрыгивает и снова на меня нападает, щекоча меня под мышками и подбираясь к шее.

– Только не шею! Только не шею! – визжу я.

Шея – мое слабое место, и каждый в семье это знает. Я падаю на колени и смеюсь так, что начинает болеть живот.

– Хватит, хватит! Пожалуйста!

Китти прекращает меня щекотать.

– Считай это моим альтрусти... альтруистичным поступком, – заявляет она. – Я альтруистичка!

– Альтруистка, – поправляю я, тяжело дыша.

– По-моему, «альтруистичка» тоже хорошо звучит.

Если бы Китти не отправила мои письма, нашли бы мы с Питером дорогу друг к другу? Ответ «нет» мне кажется наиболее вероятным, но почему? Может, мы бы шли разными дорогами, но встретились на каком-нибудь другом перекрестке? А может, и нет. В любом случае сейчас мы здесь.

– Расскажи мне подробнее о твоём молодом человеке, – просит Сторми.

Мы сидим, скрестив ноги, у нее на полу, разбирая фотографии и памятные бумажки для ее альбома. Сегодня она одна пришла на «Скрапбукинг для пенсионеров», так что мы переместились в ее квартиру. Я волнуюсь, что Джанетт заметит низкую посещаемость, но с тех пор, как я начала здесь работать, она даже не показывается. Тем лучше.

– Что вы хотите о нем знать?

– Он спортсмен?

– Он играет в лакросс.

– Лакросс? – переспрашивает она. – Не футбол, бейсбол или баскетбол?

– Он хорошо играет. Колледжи предлагают ему стипендию.

– Покажешь его фотографию?

Я достаю телефон и показываю снимок, где мы вдвоем сидим в машине. На Питере темно-зеленый свитер, в котором, на мой взгляд, он выглядит особенно хорошо. Мне нравится, когда он в свитере. Сразу хочется обнять его и потискать, как мягкую игрушку.

Сторми внимательно его рассматривает.

– Хм, – одобряет она. – Да, он очень симпатичный. Но до моего внука ему далеко. Мой внук похож на молодого Роберта Редфорда.

Ух ты!

– Я покажу, если не веришь, – говорит она, поднимаясь, и начинает искать фотографию.

Она открывает ящики, перебирает бумаги. У любой другой бабушки из Бельвю фотография любимого внука давно бы уже стояла в рамочке где-нибудь над телевизором или на прикроватной тумбочке. Но не у Сторми. Единственные снимки, которые удостоились такой чести, – это ее собственные портреты. Рядом со входом у нее висит огромное черно-белое свадебное фото, которое занимает почти всю стену. Хотя, конечно, если бы я когда-то была такой красивой, я бы тоже всем это показывала.

– Хм. Никак не могу найти.

– Покажете в следующий раз, – предлагаю я, и Сторми садится обратно на диван.

Она кладет ноги на пуфик.

– Куда нынче ходит молодежь, чтобы побыть наедине? Есть у вас какие-нибудь «наблюдательные пункты»?

Сплетница, она вынюхивает информацию! Сторми – настоящая ищейка, когда нужно раскопать грязные подробности, но я не собираюсь ей потакать. Да и предложить мне ей, по сути, нечего.

– Даже не знаю... Вряд ли. – Я продолжаю разбирать бумажки.

Сторми вырезает орнаменты.

– Я помню первого парня, с которым ездила на парковку. Кен Ньюбери. Он водил «Шевроле Импала». О, это трепетное чувство, когда к тебе впервые прикасаются мужские руки. Его ни с чем не сравнить, не так ли, милочка?

– Мм-хм. А где стопка ваших старых бродвейских афиш? Нужно их тоже использовать.

– Они, должно быть, в моем сундуке с приданным.

О, это трепетное чувство, когда к тебе впервые прикасаются мужские руки.

В животе начинают порхать бабочки. Этот трепет мне хорошо знаком. Я прекрасно его помню, и не только потому, что кто-то запечатлел этот момент на камеру. Приятно снова думать о нем как о собственном воспоминании, отдельно от видео и всего, что за ним последовало.

Сторми наклоняется ближе и говорит:

– Лара Джин, главное, помни, что именно девушка должна решать, как далеко можно зайти. Парни думают сама-знаешь-чем. А твое дело – думать головой и защищать то, что тебе принадлежит.

– Не знаю, Сторми. Разве это не сексизм?

– Жизнь – это один большой сексизм. Если ты забеременеешь, то изменишь только свою судьбу. Для парня ничего существенного не поменяется. Перешептываться все будут только о тебе. Я видела это реалити-шоу про матерей-подростков. Все их парни абсолютно бесполезные! Мусор!

– Хотите сказать, что я не должна заниматься сексом?

Сторми столько твердила мне, что нельзя быть такой старомодной, что я должна жить на полную катушку и влюбляться в парней, а теперь это?

– Я хочу сказать, что нужно быть осторожной. Осторожной, как будто это вопрос жизни и смерти, потому что так оно и есть. – Она многозначительно на меня смотрит. – И никогда не доверяй парню приносить презерватив. У настоящей леди всегда должен быть свой.

Я смущенно кашляю.

– Это твое тело. Твое право защищать его, и твое же – наслаждаться

им. – Сторми выразительно поднимает брови. – Кого бы ты ни выбрала, чтобы разделить удовольствие, это твой выбор, и выбирать нужно мудро. Каждый мужчина, который ко мне притрагивался, заслужил эту *честь*. Привилегию. – Сторми машет на меня рукой. – Все это? Это привилегия, это твой храм, которому должны поклоняться, ты меня понимаешь? Не каждый молодой дурак может получить трон. Запомни мои слова, Лара Джин. Ты решаешь, с кем, когда и как далеко заходить, и заходить ли вообще.

– Не думала, что вы такая феминистка, – удивляюсь я.

– Феминистка? – Из горла Сторми вырывается звук отвращения. – Я не *феминистка*. Что ты такое говоришь, Лара Джин?

– Сторми, в этом нет ничего страшного. Это лишь значит, что мужчины и женщины равны, и у них должны быть равные права.

– Ни одного мужчину я не считаю себе ровней! Женщины гораздо выше них, не забывай это. Помни все, что я тебе сказала. А еще лучше, запиши для моих мемуаров. – И она начинает напевать «Надвигается шторм».

Пока мы с Питером притворялись, я могла не бояться, что все зайдет слишком далеко. Но теперь я вижу, как быстро все может измениться – моргнуть не успеешь. Вот мы целуемся, а через две секунды его руки уже у меня под свитером. И это так волнительно, что бросает в жар. Мы как будто мчимся на скоростном поезде, который куда-то несется, и мне это нравится, правда, но медленный поезд мне нравится тоже, ведь можно смотреть в окно и любоваться пейзажем, домами, горами. Я не хочу пропускать маленькие шаги, я хочу растягивать удовольствие. Но в следующую секунду мне хочется идти быстрее, дальше и прямо сейчас. И быть к этому готовой, как все остальные. Как им удастся быть готовыми так быстро?

Мне до сих пор непривычно, что парень находится в моем личном пространстве. Я все еще нервничаю, когда он обнимает меня за талию или берет за руку. Кажется, я не готова к отношениям двадцать первого века. Я в замешательстве. Я не хочу того, что было у Марго и Джоша, или Питера и Женеьевы. Мне нужно что-то другое.

Видимо, я отстала в развитии. Но разве существует определенный график взросления? Разве есть правильный и неправильный способ быть шестнадцатилетней и влюбленной?

*Мое тело – это храм, которому не каждый имеет право поклоняться.
Я не буду делать то, к чему не готова.*

Мы с Питером сидим бок о бок в Старбаксе и готовимся к экзамену по химии. Он лениво кладет руку на спинку моего стула и начинает наматывать мои волосы на карандаш, а потом позволяет им рассыпаться, как моток ленточек. Я не обращаю на него внимания. Он пододвигает мой стул ближе к своему и нежно целует меня в шею. Я посмеиваюсь и отодвигаюсь от него.

– Когда ты так делаешь, я не могу сосредоточиться.

– Ты говорила, что тебе нравится, когда я играю с твоими волосами.

– Нравится, но я пытаюсь заниматься. – Я оглядываюсь по сторонам и шепчу: – К тому же мы на людях.

– Тут почти никого нет.

– Здесь бариста и вон тот парень у входа. – Я пытаюсь незаметно указать на него карандашом. В школе все только затихло, и меньшее, что нам сейчас нужно, это новая вспышка мемов.

– Лара Джин, никто нас здесь не заснимет, если ты об этом волнуешься. Мы ничего такого не делаем.

– Я с самого начала тебе говорила, что не люблю проявлять чувства на публике, – напоминаю я ему.

Питер ухмыляется.

– Да неужели? То есть ты забыла, кто кого поцеловал в коридоре? Ты на меня буквально набросилась, Кави!

Я краснею.

– На то была особая причина, ты же знаешь.

– Сейчас тоже есть причина, – дует он. – Причина в том, что мне скучно и я хочу тебя поцеловать. Это что, преступление?

– Ты как дитя малое, – говорю я, ущипнув его за нос. – Если помолчишь и позанимаешься еще сорок пять минут, сможешь поцеловать меня в уединении своей машины.

Лицо Питера светлеет.

– Договорились!

У него вибрирует телефон, и Питер тянется к нему, чтобы посмотреть. Он хмурится и печатает ответ, быстро работая пальцами.

– Все нормально? – спрашиваю я.

Он кивает, но выглядит отвлеченным, продолжая с кем-то переписываться, несмотря на то что мы должны заниматься. Теперь я тоже

отвлекаюсь и думаю, что это может быть. И кто.

Я толкаю тележку с продуктами в поисках сгущенного молока для лаймового пирога, когда замечаю Джоша в отделе с хлопьями. Я направляюсь к нему и врезаюсь в него тележкой.

– Привет, сосед! – говорю я.

– Привет! Представляешь, – Джош гордо и довольно улыбается. – Меня досрочно приняли в Университет Вирджинии!

Я пронзительно взвизгиваю и отпускаю тележку.

– Джош! Это потрясающе! – Я обнимаю его и прыгаю, а потом трясую его за плечи. – Ты чего не радуешься, болван?

Он смеется и тоже пару раз подпрыгивает, прежде чем отпустить меня.

– Я счастлив. Мои родители на седьмом небе от радости, потому что теперь им не придется платить за репетиторов. Они уже несколько дней не ссорились. – Потом Джош застенчиво спрашивает: – Ты расскажешь Марго? Мне как-то неудобно ей самому звонить, но она должна знать. Она ведь постоянно помогала мне с учебой. По большому счету, все это только ее заслуга.

– Я ей расскажу. Она будет счастлива за тебя, Джош. И папа с Китти тоже.

Я поднимаю руку, как бы говоря «Дай пять!», и он ударяет по ней. Поверить не могу, что Джош будет учиться в колледже и мы уже не будем соседями. Не так, как раньше. Может, теперь, когда он окончит школу и уедет из города, его родители наконец-то разведутся, а потом продадут дом, и мы уже не будем даже вроде-как-соседями. Мы почти не разговаривали уже несколько месяцев, еще до того как он расстался с Марго, и мы очень давно не общались, но я хотя бы знала, что он рядом, за соседней дверью, на случай если он мне понадобится.

– Когда пройдет чуть больше времени, – начинаю я. – Когда с Марго все уляжется, ты будешь приходить к нам на ужин, как раньше? Мы по тебе скучаем. Китти не терпится показать тебе новые трюки Джейми. Правда, ничего особенного он не умеет, так что не слишком надейся, но все равно.

Лицо Джоша расплывается в улыбке, в этой медленной улыбке, которую я так хорошо знаю.

– Конечно, – говорит он.

Мы, сестры Сонг, очень серьезно относимся к изготовлению валентинок. Это милый, скромный, искренний и старомодный жест, а значит, лучше всего делать их своими руками. У меня полно материалов для скрапбукинга, к тому же для такого случая я припасла обрезки кружев, ленточки и салфетки. Еще у меня есть жестянка с бусинками, жемчугом и стразами, а также винтажные резиновые штампы: с купидоном, всевозможными сердечками и цветочками.

Исторически сложилось так, что папа получает общую валентинку от нас троих. В этом году Марго впервые пришлет открытку от себя лично. Джош также получит одну, правда, ее создание я поручила Китти и едва заметно подписала свое имя в нижнем углу.

Большую часть дня я потратила на валентинку для Питера. Это белое сердце, обклеенное по контуру белым кружевом. В центре розовыми нитками я вышила: «ТЫ МОЙ, ПИТЕР К.». Я знаю, что это заставит его улыбнуться. Валентинка получилась простой и беззаботной, несерьезной, как и сам Питер. Тем не менее она соответствует случаю и признает тот факт, что мы, Питер Кавински и Лара Джин Сонг Кави, состоим в отношениях. Я собиралась сделать куда более вычурную открытку, большую, с бусинками и рюшками, но Китти предостерегла меня, что это будет слишком.

– Не истрать весь мой жемчуг, – говорю я Китти. – Я годами собирала эту коллекцию. В прямом смысле, несколько лет.

Как всегда практичная, Китти отвечает:

– Зачем его собирать, если не использовать? Столько стараний лишь для того, чтобы он лежал в крошечной жестянке, где никто его не увидит?

– Ну ладно, – сдаюсь я, потому что она права. – Просто приклеивай его только на валентинки для тех, кто тебе действительно нравится.

– А фиолетовые стразы?

– Их можешь тратить, сколько хочешь, – разрешаю я великодушно, как богатый землевладелец – менее везучему соседу.

Фиолетовые стразы мне все равно не подходят. Я выбрала стиль викторианской эпохи, а стразы – это скорее Марди Гра^[2], но я не говорю об этом Китти. Такой уж у нее характер: если она увидит, что ты не особенно что-то ценишь, то тоже начнет относиться к этому с подозрением, и вещь потеряет для нее интерес. Однажды мне удалось надолго убедить ее, что я

обожаю изюм и что ей позволено съедать никак не больше своей доли. На самом деле изюм я терпеть не могу и была счастлива, когда Китти начала уплетать его за обе щеки и даже делала тайные запасы.

Я украшаю сердце всякими белыми орнаментами и размышляю вслух:

– Может, приготовим папе особенный завтрак? Можно купить одну из тех соковыжималок, что продают в торговом центре, и сделать розовый свежавыжатый сок из грейпфрутов. И, кажется, я видела в Интернете недорогие вафельницы в форме сердца.

– Папа не любит грейпфруты, – говорит Китти. – А вафельницей мы и обычной практически не пользуемся. Может, просто вырежем сердечки из прямоугольных вафель?

– Это будет выглядеть дешево, – усмехаюсь я.

Но она права. Нет смысла покупать что-то, чем мы будем пользоваться раз в год, даже если это стоит всего девятнадцать долларов и девяносто девять центов. Чем старше становится Китти, тем больше она походит на Марго, а не на меня.

Но потом она говорит:

– Тогда можно вырезать из вафель сердечки с помощью формочек для печенья! И добавить красный пищевой краситель.

– Отличная идея! – улыбаюсь я ей.

Может, все-таки от меня в ней тоже что-то есть? Китти продолжает:

– Можно добавить краситель и в сироп тоже, чтобы он стал красным, как кровь. Кровавое сердце!

Нет, забудьте. Китти ни на кого не похожа.

В ночь накануне дня святого Валентина мне вдруг приходит в голову, что открытки для Питера будут недостаточно, а слойки с вишней – это фантастическая идея, так что я встаю до рассвета, чтобы испечь их свежими, и теперь кухня напоминает сцену преступления. Вишневый сок забрызгал всю плитку и поверхности. Настоящая кровавая бойня, вишневая кровавая бойня. Даже хуже, чем в тот раз, когда я пекла торт «красный бархат» и случайно разлила на столешницу красный пищевой краситель. Мне пришлось оттирать его зубной щеткой с растворителем.

Зато слойки получились идеальными, как с картинки: румяными и уютными, с аккуратными, вдавленными вилкой краями, и маленькими дырочками, через которые выходит пар. Я собираюсь взять их на ланч за наш стол. Уверена, что Питеру, да и Гейбу с Деррилом, они понравятся. Я также поделюсь с Лукасом и с Крис, если она вообще придет в школу.

Я пишу Питеру, чтобы он за мной не заезжал, потому что хочу прийти пораньше и положить валентинку ему в шкафчик. Мне кажется, это очень мило, ведь, если подумать, шкафчик – это тот же почтовый ящик, а всем известно, что письмо, отправленное по почте, гораздо романтичнее того, что просто вручается лично.

Китти спускается около семи, и мы вдвоем накрываем для папы праздничный завтрак, положив у его тарелки валентинки от нас двоих и от Марго. Я оставляю ему две слойки, но не смогу увидеть его реакцию, потому что хочу успеть в школу раньше Питера. Он всегда приезжает в последний момент, так что мне надо быть на месте хотя бы за пять минут.

Добравшись до школы, я опускаю валентинку в шкафчик Питера и иду в кафетерий, чтобы его дождаться.

Но, когда я вхожу, оказывается, что он уже там: стоит около торговых автоматов вместе с... Женеьевой. Он положил руки ей на плечи и что-то сосредоточенно ей говорит. Она кивает, опустив глаза в пол. Что это может быть? Чем она так расстроена? Или это просто спектакль, чтобы удержать Питера?

Отлично! Теперь у меня такое чувство, что в День святого Валентина я помешала своему парню и его бывшей девушке. Действительно ли Питер просто старается быть хорошим другом или это что-то большее? От Женеьевы всегда надо ожидать чего-то большего, знает об этом Питер или нет. Интересно, они обменялись подарками, как в старые добрые времена?

У меня паранойя, или это нормально, что бывшие, оставшиеся друзьями, обмениваются подарками на День святого Валентина?

Но вот Джен меня замечает, говорит что-то Питеру и, продефилировав мимо меня, выходит из кафетерия. А парень шагает ко мне.

– С Днем святого Валентина, Кави!

Питер берет меня за талию и поднимает в воздух, как будто я ничего не вешу. Поставив меня обратно, он говорит:

– Мы можем поцеловаться на публике, раз уж такой день?

– А где моя валентинка? – спрашиваю я, протягивая руку.

Питер смеется.

– Черт, она у меня в рюкзаке. Блин! Какая ты нетерпеливая.

Что бы это ни было, я вижу, что ему не терпится меня порадовать, от чего я тоже воодушевляюсь. Он берет меня за руку и ведет к столу, где оставил рюкзак.

– Сначала сядь, – командует Питер, и я слушаюсь, а он садится рядом. – Закрой глаза и протяни руку.

Я повинуюсь и слышу, как он расстегивает молнию рюкзака, а потом кладет что-то мне в руку. Бумажку. Я открываю глаза.

– Это стихотворение, – говорит он. – Для тебя.

И всегда свет луны навевает мне сны
О пленительной Ларе Джин!
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Лары Джин!

Я подношу пальцы к губам. *Обольстительная Лара Джин!*
Невероятно!

– Для меня никогда еще не делали ничего более прекрасного! Я так счастлива, что могу заобнимать тебя до смерти!

Я представляю, как он сидит у себя в комнате за столом, водя ручкой по бумаге и подбирая слова, и окончательно в него влюбляюсь. До мурашек. Электрический разряд пробегает от макушки к пальцам ног.

– Правда? Тебе понравилось?

– Очень понравилось!

Я обнимаю его и сжимаю изо всех сил. Я положу эту валентинку в свою коробку из-под шляпы и, когда мне будет столько же лет, сколько Сторми, я буду доставать ее, любоваться и вспоминать этот самый момент. Забудьте о Женевиэве. Забудьте обо всем. Питер Кавински написал мне

стихотворение.

– Это мой не единственный тебе подарок. Самое крутое впереди.

Он выпутывается из моих объятий и достает из рюкзака небольшую бархатную коробочку. Я ахаю. Довольный, он говорит:

– Ну же, открывай быстрее!

– Это брошка?

– Даже лучше.

Я закрываю рот рукой. Это тот самый кулон! Медальон в виде сердца из антикварного магазина его мамы, тот самый, которым я любовалась долгие месяцы. На Рождество, когда папа сказал, что кулон продали, я думала, что он навсегда ушел из моей жизни.

– Невероятно! – шепчу я, трогая вставленный в центр камушек.

– Давай помогу тебе надеть.

Я поднимаю волосы, а Питер обходит меня и застегивает цепочку на шее.

– Я вообще могу принять такой подарок? – размышляю я вслух. – Питер, он так дорого стоил. Прямо очень-очень дорого.

– Я знаю, сколько он стоил, – смеется Питер. – Не волнуйся, мама сделала мне хорошую скидку. Я провел много выходных за рулем ее фургона, подбирая мебель для магазина, но это ерунда. Это не важно, если он тебе нравится.

Я касаюсь кулона.

– Да! Безумно нравится!

Исподтишка я оглядываю кафетерий. В голове проскакивает приятная мысль, что было бы круто, если бы Женевьева все это видела.

– Так, а где моя валентинка? – спрашивает Питер.

– У тебя в шкафчике, – отвечаю я.

Теперь я жалею, что послушала Китти и не стала придавать большое значение своему первому Дню святого Валентина с парнем. С Питером. Ну, ничего. У меня еще есть теплые вишневые слойки. Я отдам ему все. Простите, Крис, Лукас и Гейб.

Я никак не могу нарадоваться на свой кулон. В школе я надеваю его поверх свитера, чтобы все смотрели и любовались. Вечером я показываю его папе, Китти и Марго по видеочату. В шутку я даже хвастаюсь перед Джейми Фокс-Пиклом. Все под впечатлением. Я ни на секунду его не снимаю: я принимаю в нем душ, я ложусь в нем спать.

Это как в книге «Маленький домик в больших лесах», когда Лоре на Рождество подарили тряпичную куклу. У нее были черные глаза-бусинки и

нарисованные ягодами губы и щеки. Красные фланелевые чулки и розовоголубое ситцевое платье. Лора с нее глаз не сводила. Она крепко держала ее и забывала обо всем вокруг. Маме приходилось напоминать ей, что другие девочки тоже хотят поиграть.

Именно так я себя и чувствую. Когда Китти просит примерить кулон, на долю секунды я колеблюсь, но потом мне становится стыдно за такую скупость.

– Только осторожнее, – говорю я сестренке и расстегиваю цепочку.

Китти делает вид, будто роняет кулон, и я вскрикиваю.

– Шучу! – смеется она.

Она подходит к моему зеркалу и смотрит на себя, наклонив голову и изогнув шею.

– Неплохо. Ну что, ты рада, что я свела тебя с Питером?

Я бросаю в нее подушкой.

– Можно мне его одалживать по особым случаям?

– Нет! – И тут я снова вспоминаю о Лоре и ее кукле. – Да. Но только по действительно особым случаям.

– Спасибо, – говорит Китти.

Потом она поднимает голову и смотрит на меня с очень серьезным видом.

– Лара Джин, можно задать тебе вопрос?

– Ты можешь спрашивать меня о чем угодно, – отвечаю я.

– Это насчет мальчиков.

Я киваю, пытаюсь скрыть удивление. Мальчики! Уже началось. Ну ладно.

– Я слушаю.

– Обещаешь ответить честно? Слово сестры?

– Конечно. Садись ко мне поближе, Китти.

Она садится на полу рядом со мной, и я обнимаю ее за плечи, излучая материнскую теплоту и заботу. Моя младшая сестренка растет.

Она смотрит на меня наивными глазами.

– Вы с Питером делаете «это»?

– Что? – Я ее отталкиваю. – Китти!

– Ты обещала ответить! – говорит она, торжествуя.

– Хорошо, мой ответ – нет, маленькая любопытная пиявка! Боже! Уйди из моей комнаты!

Китти уносится, хохоча, как обезумевшая гиена. Я еще долго слышу ее смех через весь коридор.

Когда я уже, было, подумала, что шумиха с видео в джакузи наконец-то осталась далеко позади, появилась новая версия. Похоже, этот кошмар никогда не закончится. Говорят, в Интернете ничего не умирает. В этот раз я сижу в библиотеке и краем глаза вижу, как две девчонки из младшего класса, используя одну пару наушников на двоих, смотрят видео и хихикают. На экране я в ночной рубашке накрываю Питера, как одеяло. Несколько секунд я сижу в нерешительности. Вмешаться или не вмешаться? Я вспоминаю слова Марго о том, что надо быть выше этого и вести себя так, будто мне все равно. Но потом думаю: *к черту!*

Я встаю, подкрадываюсь к подружкам и вырываю наушники из ноутбука. В динамиках звучит песня из «Русалочки».

– Эй! – возмущается девчонка, поворачиваясь на стуле.

Потом она видит, что это я, и они с подругой в панике переглядываются. Девочка резко захлопывает ноутбук.

– Что же ты? Включай, – говорю я, скрестив руки.

– Нет, спасибо, – отвечает она.

Я тянусь, открываю ноутбук и запускаю видео. Тот, кто его смонтировал, разбавил его сценами из мультфильма. «Когда придет моя очередь? Я тоже хочу подняться на поверхность и увидеть мир над головой...»

Я захлопываю ноутбук.

– К вашему сведению, это видео приравнивается к детской порнографии, за его просмотр вас могут арестовать. Ай-пи-адрес уже в системе. Подумайте об этом прежде, чем смотреть дальше. Это распространение запрещенного материала.

Рыжая девочка смотрит на меня в изумлении:

– Каким образом это детская порнография?

– Я несовершеннолетняя, и Питер тоже.

Вторая девочка ухмыляется:

– Вы же вроде заявили, что не занимались тут сексом.

Я в тупике.

– Что ж, это пусть выясняют в министерстве юстиции. Но сначала я поставлю в известность директора Локлэн.

– Как будто мы одни это смотрим! – возмущается рыжая.

– Представьте, как бы вы себя чувствовали на моем месте, – взываю я

к их совести.

– Я была бы счастлива, – бормочет вторая девочка. – Тебе повезло. Кавински – высший класс!

Повезло. Это точно.

Когда я показывала Питеру новую интерпретацию нашего видео, я не ожидала, что он так расстроится. Обычно все плохое отскакивает от него, как об стену горох. Думаю, поэтому он всем так нравится. Он уверен в себе и всегда сдержан. Окружающих это успокаивает.

Но «Русалочка» выводит Питера из себя. Мы смотрим видео на телефоне, в его машине, и он так злится, что чуть не выбрасывает телефон в окно.

– Вот сволочи! Как они посмели?

Питер ударяет по рулю, и раздается гудок. Я подпрыгиваю. Я никогда не видела его таким разъяренным. Я не знаю, что сказать и как его успокоить. Я выросла в доме с одними женщинами и самым спокойным отцом на свете. Я ничего не знаю о бурном нраве мальчиков-подростков.

– Черт! – кричит он. – Меня бесит, что я не могу защитить тебя от всего этого!

– Меня не нужно защищать, – говорю я и тут же понимаю, что это правда. Я и сама неплохо справляюсь.

Он смотрит перед собой.

– Но я хочу! Я думал, что все уладил, но вот снова началось! Это хуже, чем лишай!

Я хочу успокоить его, рассмешить, отвлечь.

– Питер, у тебя лишай? – дразню я его.

– Это не смешно, Лара Джин.

– Прости. – Я накрываю ладонью его руку. – Поехали отсюда.

Питер заводит машину.

– Куда хочешь поехать?

– Куда угодно. Никуда. Просто поедем.

Я не хочу никого видеть, не хочу многозначительных взглядов и перешептываний. Я хочу спрятаться. «Ауди» Питера – наш маленький рай. Чтобы скрыть унылые мысли, я одариваю его ослепительной улыбкой. Достаточно широкой, чтобы он улыбнулся в ответ.

Поездка успокаивает Питера, и к тому времени, как мы оказываемся у моего дома, к нему, похоже, возвращается хорошее настроение. Я приглашаю его зайти и поесть пиццу, потому что сегодня у нас вечер пиццы и все такое, и обещаю, что он может заказать любую начинку. Но Питер

качает головой и говорит, что ему нужно домой. Впервые он не целует меня на прощание, и я чувствую себя виноватой в том, что ему так плохо. Я знаю, что частично это из-за меня. Он чувствует, что должен поступать ради меня правильно, но не может, и это его убивает.

* * *

Когда я захожу в дом, папа ждет меня за кухонным столом. Просто сидит и ждет, сведя брови.

– Почему ты не брала трубку?

– Прости. Телефон разрядился. Все нормально? – Судя по его серьезному лицу, все далеко не нормально.

– Надо поговорить, Лара Джин. Садись.

Страх охватывает меня, как цунами.

– Что такое, пап? Что случилось? Где Китти?

– Она у себя в комнате.

Я кладу сумку и подхожу к кухонному столу, передвигая ноги так медленно, как только могу. Я сажусь рядом с ним, и он тяжело вздыхает, сложив руки.

– Это насчет твоей анкеты на сайте знакомств? – спрашиваю я. – Если что, я ее еще даже не активировала.

– Почему ты не рассказала мне, что происходит в школе? – перебивает он меня.

Мое сердце падает прямо на пол.

– О чем ты?

Я еще надеюсь, молюсь, что речь о чем-то другом. Скажи, что я завалила экзамен по химии. Что угодно, только не джакузи.

– О том видео с тобой и Питером.

– Как ты узнал? – шепчу я.

– Мне позвонил ваш школьный психолог. Она за тебя волновалась. Почему ты не сказала мне, что происходит, Лара Джин?

Папа выглядит таким строгим и, главное, разочарованным, что меня особенно удручает. Я чувствую, как к глазам подступают слезы.

– Потому что... мне было стыдно. Я не хотела, чтобы ты плохо обо мне думал. Клянусь, пап, мы просто целовались. Ничего больше.

– Я не смотрел видео и не буду. Это ваше личное с Питером дело. Но я бы хотел, чтобы в тот день ты думала головой, Лара Джин. Каждый поступок влечет за собой неисправимые последствия.

– Я знаю. – Слезы начинают катиться по щекам.

Папа берет мою руку, лежавшую на колене, и сжимает ее.

– Мне обидно, что ты не обратилась ко мне, когда у тебя в школе все было так плохо. Я видел, что с тобой что-то происходит, но не хотел на тебя давить. В таких случаях я стараюсь думать, как бы поступила твоя мама, будь она с нами. Я понимаю, как это сложно, когда, кроме отца, тебе больше не с кем поговорить, – его голос срыгается, и я плачу еще сильнее. – Но я пытаюсь. Я правда пытаюсь.

Я вскакиваю со стула и крепко его обнимаю.

– Я знаю, что пытаешься, – говорю я сквозь рыдания.

Он обнимает меня в ответ.

– Лара Джин, ты должна знать, что всегда можешь ко мне обратиться. По любому поводу. Я пообщался с директором Локлэном, и завтра он сделает объявление, что любого, кто будет смотреть или распространять это видео, отстранят от уроков.

На меня накатывает волна облегчения. Надо было сразу рассказать все папе. Я выпрямляюсь, а он протягивает руку и вытирает слезы с моего лица.

– Так, а что ты говорила про сайт знакомств?

– Ой. – Я снова сажусь. – Ну... я завела тебе анкету на сайте знакомств для одиноких родителей.

Папа хмурится, и я быстро добавляю:

– Бабушка считает, что мужчине вредно так долго быть одному, и я с ней согласна. Я подумала, что интернет-знакомства помогут тебе вернуться в строй.

– Лара Джин, я сам могу позаботиться о своей личной жизни. Не хватало еще, чтобы дочь устраивала мне свидания!

– Но... ты же на них не ходишь.

– Это мои проблемы, а не твои. Сегодня же удали эту анкету.

– Я ее даже не активировала. Просто заполнила, на всякий случай. Папа, Интернет может открыть тебе совершенно новый мир.

– Сейчас мы говорим о твоей личной жизни, а не моей, Лара Джин. Мою прибережем на другой раз. Я хочу послушать о твоей.

– Хорошо. – Я чопорно складываю руки перед собой на столе. – Что ты хочешь знать?

Он чешет затылок.

– Ну... У вас с Питером все серьезно?

– Не знаю. То есть думаю, я люблю его. Но так, наверное, еще рано говорить. И вообще, насколько серьезно все может быть в старшей школе?

Взять хотя бы Марго и Джоша, и чем у них все закончилось.

– Он к нам больше не приходит, – говорит папа задумчиво.

– Вот именно. Я не хочу быть девчонкой, которая плачет по своему парню в общежитии колледжа. – Вдруг я останавливаюсь. – Так мама наставляла Марго. Она говорила: не становись той девушкой, которая уезжает в колледж с парнем и пропускает все самое интересное.

Папа понимающе улыбается.

– Это на нее похоже.

– С кем она встречалась, когда училась в школе? Она его сильно любила? Ты его знаешь?

– В школе твоя мама ни с кем не встречалась. Речь шла о ее соседке по комнате, Робин. – Папа посмеивается. – Она твою маму с ума сводила.

Я откидываюсь на спинку стула. Все это время я думала, что мама говорила о себе.

– Помню, как я впервые увидел твою маму. Она устраивала у себя в комнате прием в честь Дня псевдоблагодарения, и мы с приятелем туда пошли. Это был большой ужин, какой обычно организуют в День благодарения, только в мае. Она была в красном платье, и в те времена у нее были длинные волосы. Ты знаешь, ты видела фотографии. – Папа делает паузу, и его лицо озаряется улыбкой. – Она устроила мне взбучку, потому что я принес консервированную зеленую фасоль вместо свежей. Она всегда дразнила тех, кто ей нравился. Конечно, в тот момент я этого не знал. Я вообще тогда ничего не понимал в женщинах.

Ха! Тогда.

– Я думала, вы познакомились на лекциях по психологии, – говорю я.

– По словам твоей мамы, мы целый семестр вместе ходили на психологию, но я не помню, чтобы я ее там видел. Это был огромный лекционный зал с сотней человек.

– Но она тебя заметила, – улыбаюсь я.

Об этом я уже слышала. Мама говорила, что ей нравилось, как он внимательно слушал лекции, и что его волосы были слишком длинными на затылке, как у рассеянного профессора.

– Слава богу, что заметила. Что бы я без нее делал?

Папа замолкает. *Что бы он делал?* Конечно, у него никогда бы не было нас, но и вдовцом он бы тоже не стал. Сложилась бы его жизнь счастливее, если бы он женился на другой девушке, сделал другой выбор?

Папа берет меня за подбородок и уверенно говорит:

– Без нее я был бы никем, потому что у меня бы не было моих девочек.

Я звоню Питеру и рассказываю о том, что миссис Дюваль позвонила папе, что он все знает о видео, но поговорил с директором Локлэном и теперь все будет хорошо. Я ожидала, что он вздохнет с облегчением, но он все еще кажется расстроенным.

– Теперь твой отец меня ненавидит, – вздыхает Питер.

– Вовсе нет, – уверяю я его.

– Думаешь, мне стоит ему что-нибудь сказать? Ну, там... извиниться, поговорить как мужчина с женщиной?

Я содрогаюсь.

– Ни в коем случае. Папа не умеет говорить на такие темы.

– Да, но...

– Пожалуйста, Питер, перестань беспокоиться. Я же сказала, все улажено. Директор Локлэн сделает объявление, и нас оставят в покое. К тому же тебе не за что извиняться. Я принимала в видео такое же участие, как и ты. Ты ни к чему меня не принуждал, я сама хотела.

Вскоре мы прощаемся. Хотя теперь можно не волноваться по поводу видео, я все еще тревожусь за Питера. Он расстроился, потому что не смог меня защитить, но я знаю, что отчасти он терзается из-за того, что была задета его гордость, и ко мне это не имеет никакого отношения. Неужели мужское самолюбие – такая нежная, хрупкая штука? Похоже на то.

Письмо приходит во вторник, но замечаю я его только утром в среду, перед школой. Я сижу на кухонном подоконнике, грызу яблоко, жду, когда Питер за мной приедет, и просматриваю почту. Счет за электричество, счет за кабельное, каталог нижнего белья, выпуск ежемесячного детского журнала «Мир собак», на который подписана Китти. И вдруг – письмо, в белом конверте, адресованное мне. Мальчишеский почерк. Обратный адрес, который мне ни о чем не говорит.

Дорогая Лара Джин,

На прошлой неделе на нашу подъездную дорожку упало дерево, и мистер Барбер из фирмы «Благоустройство Барберов» приезжал, чтобы его оттащить. Барберы – это семья, которая въехала в наш старый дом в Мидоувридже, и кто бы мог подумать, что именно они владеют компанией по благоустройству. Мистер Барбер принес твое письмо. Судя по штампу, ты прислала его еще в сентябре, но я получил его только на этой неделе, потому что его отправили на мой старый адрес. Поэтому я так долго не отвечал.

Твое письмо навяло много, казалось бы, забытых воспоминаний. Например, о том, как твоя старшая сестра сделала арахисовые батончики в микроволновке и вы решили, что мы должны устроить соревнование по брейк-дансу, чтобы определить, кому достанется самая большая порция. Или о том дне, когда я не мог попасть домой, поэтому пошел в наш домик на дереве, и мы с тобой просто сидели там и читали, пока не стемнело и не пришлось включать фонарики. Помню, тогда еще твой сосед жарил гамбургеры и ты взяла меня «на слабо», чтобы я пошел и попросил его с нами поделиться, но я струсил. Когда я вернулся домой, меня сильно отругали, потому что никто не знал, где я был, но оно того стоило.

Я перестаю читать. Я помню тот день, когда мы оба не могли попасть домой. Сначала я, Джон и Крис тусовались втроем, но потом Крис нужно было уходить, и остались только мы с Джоном. Папа уехал на семинар, и я не помню, где в тот день были Марго и Китти. Мы так проголодались, что

набросились на пачку «Скиттлс», которую Тревор припас под половицей домика на дереве. Думаю, я могла бы обратиться к Джошу за кровом и едой, но мне нравилось оставаться бездомной вместе с Джоном Амброузом Маклареном. Как будто мы были в бегах.

Должен сказать, твое письмо меня ошарашило. Когда мне было тринадцать лет, я был сопливым балбесом, а ты – взрослым человеком со сложными мыслями и эмоциями. Я даже яблоко не мог сам порезать и всегда просил маму. Если бы в восьмом классе я написал тебе письмо, в нем бы говорилось, что у тебя красивые волосы. И все. Просто: «У тебя красивые волосы». Я был таким бестолковым. Я понятия не имел, что нравлюсь тебе.

Несколько месяцев назад я видел тебя на Модели ООН в школе Томаса Джефферсона. Ты вряд ли меня узнала, но я тогда представлял Китайскую Народную Республику. Ты передала мне записку, и я окликнул тебя по имени, но ты так и ушла. Потом я пытался тебя найти, но тебя нигде не было. Ты меня не видела?

Больше всего мне любопытно, почему ты решила отправить мне это письмо спустя столько лет. Если захочешь позвонить мне, написать на мой новый адрес или связаться по электронной почте – буду рад.

Искренне твой, Джон.

P. S. Раз уж ты спросила, никто не называет меня «Джонни», кроме мамы и бабушки. Но тебе тоже можно.

Я медленно выдыхаю.

В средней школе у нас с Джоном Амброузом Маклареном было два «романтичных» эпизода. Первый – это поцелуй во время игры в бутылочку, который, честно говоря, был ни разу не романтичный. А второй – когда нас застал дождь во время урока физкультуры, и до этого года это был самый романтичный момент в моей жизни. Хотя вряд ли Джон помнит его в таком смысле. Если вообще помнит. Получить от него письмо после стольких лет – это все равно что вернуть его из мертвых. Это сильно отличается от нашей мимолетной встречи на Модели ООН в декабре. Тогда я будто увидела привидение. А это настоящий, живой человек, которого я знала и который знал меня.

Джон был умным. Он учился лучше всех из парней, а я – лучше всех

из девчонок. Мы оба посещали продвинутые уроки для отличников. Больше всего он любил историю и всегда читал все, что задавали, но был хорош и в математике, и в физике с химией. Уверена, это не изменилось.

Если Питер вырос последним из парней в нашем классе, то Джон был первым. Мне нравились его золотистые волосы, светлые и солнечные, как початки молодой кукурузы. Он был невинный и розовощекий, как мальчишка, который никогда не попадал в неприятности, и все соседские домохозяйки были от него без ума. Он производил на них особенный эффект. И это делало его идеальным партнером по преступлению. Они с Питером всегда безобразничали вместе. Джон был умным и выдавал великие идеи, но слишком скромничал. Он не любил говорить, потому что заикался.

Джону нравилось быть мозгом операции, тогда как Питер хотел быть звездой. Поэтому как почести, так и наказания всегда доставались Питеру, ведь тот был проказником, а такого ангелочка, как Джон Амброуз Макларен, невозможно было в чем-то обвинить. Да и винить их было сложно. Люди очарованы красивыми мальчиками. В качестве наказания красивых мальчиков снисходительно треплут по голове и восклицают: «Ох, Питер!», их даже по запястью не шлепнут. Наша учительница английского, мисс Холт, называла их «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид», о которых никто из нас даже не слышал. Питер уговорил ее показать нам фильм на уроке, а потом они весь год спорили о том, кто из них Бутч, а кто – Сандэнс Кид, хотя для всех это было очевидно.

Могу поспорить, что по Джону сохнут все девчонки в его школе. Когда я увидела его на Модели ООН, он держался так уверенно, сидел с прямой спиной, расправив плечи, и был чрезвычайно сосредоточен. Если бы я училась с ним в одной школе, то была бы президентом его фан-клуба. Я бы взяла бинокль, запаслась зерновыми батончиками и разбила лагерь у его шкафчика. Я бы запомнила его расписание, знала бы наизусть, что он ест на обед. Интересно, он еще любит двухэтажный сэндвич с арахисовой пастой и джемом на цельнозерновом хлебе? Я столько всего о нем не знаю.

Из моих грез меня выдергивает доносящийся с улицы гудок машины. Питер! Под этот звук я виновато подпрыгиваю. Мой первый импульс – спрятать письмо, засунуть его подальше в коробку из-под шляпы и никогда о нем больше не думать. Но потом я решаю, что это было бы безумием. Разумеется, я напишу ответ Джону Амброузу Макларену. Было бы грубо этого не сделать.

Поэтому я кладу письмо в сумку, надеваю белый пуховик и бегу на

улицу, к машине Питера. На земле еще лежит снег после недавней метели, но он выглядит грязным, как старый ковер. Когда дело касается погоды, я из тех, кто предпочитает «все или ничего». Пусть снег либо растает, либо выпадет на несколько сантиметров, чтобы проваливаться в него по колено.

Когда я сажусь к Питеру в машину, он с кем-то переписывается.

– Что-то важное? – спрашиваю я.

– Да нет, – отвечает он. – Это просто Джен. Она хотела, чтобы я ее подвез, но я сказал, что мы не сможем.

По коже бегут мурашки. Меня раздражает, что они так много переписываются, что они так легко общаются, что она может взять и попросить ее подвезти. Но они друзья, просто друзья. Я продолжаю повторять себе это. Питер говорит мне правду, ведь мы обещали друг другу.

– Угадай, кто написал мне письмо?

Парень выезжает на дорогу.

– Кто?

– Угадай.

– Мм... Марго?

– Что в этом неожиданного? Нет, не Марго. Джон Амброуз Макларен!

Питер выглядит озадаченным.

– Макларен? С чего ему писать тебе письмо?

– Потому что я первая ему написала, помнишь? Как и тебе. У меня было пять любовных писем, и только его так ко мне и не вернулось. Я думала, оно навсегда пропало, но во время бурана ему на подъездную дорожку упало дерево, и мистер Барбер приехал его оттащить и передал письмо.

– Какой еще мистер Барбер?

– Он купил старый дом Джона. У него своя фирма по благоустройству. Но это все не важно. Суть в том, что Джон только на прошлой неделе получил мое письмо, поэтому он так долго не отвечал.

– Хм, – отзывается Питер, настраивая печку. – И он написал тебе настоящее письмо? Не электронное?

– Да, настоящее письмо, которое принесли в почтовый ящик. – Я пытаюсь понять, не ревнует ли он, понять, затронуло ли его хоть чуть-чуть это неожиданное развитие событий.

– Хм, – снова повторяет Питер.

Второе «хм» звучит скучно, незаинтересованно. Он нисколько не ревнует.

– Ну и как там Сандэнс Кид? – он посмеивается. – Макларен терпеть не мог, когда я его так называл.

– Помню, – говорю я.

Мы стоим на светофоре. Перед школьными воротами выстроилась очередь из машин.

– И что он тебе написал?

– О, да так, просто «как дела» и все такое, ничего особенного.

Я смотрю в окно. Мне не хочется делиться с ним подробностями, потому что его хмыкающая реакция этого не заслужила. Неужели нельзя было хотя бы сделать вид, что ему интересно?

Питер стучит пальцами по рулю.

– Надо будет с ним затусить.

Мысль о Питере и Джоне Амброузе Макларене в одном помещении доставляет мне дискомфорт. На кого я буду смотреть?

– Хм, можно, – говорю я уклончиво.

Похоже, заговорить о письме было не лучшей идеей.

– Кажется, у него до сих пор моя старая бейсбольная перчатка, – размышляет Питер. – А он говорил что-нибудь обо мне?

– Что, например?

– Не знаю. Может, спрашивал, как у меня дела?

– Вообще-то нет.

– Хм. – Питер обиженно опускает уголки губ. – Что ты ему ответила?

– Я только получила письмо. У меня не было времени ему ответить.

– Когда будешь отвечать, передавай ему от меня привет, – говорит он.

– Хорошо. – Я опускаю руку в сумку, чтобы убедиться, что письмо еще там.

– Так, погоди, если ты отправила любовные письма нам пятерым, значит, мы одинаково тебе нравились?

Питер смотрит на меня выжидающе. Знаю, он ждет, что я скажу, что он нравился мне больше всех, но это была бы неправда.

– Да, вы мне нравились абсолютно одинаково, – признаюсь я.

– Бред! Ну же, кто тебе тогда нравился больше? Ведь я, да?

– Питер, на этот вопрос невозможно ответить. Все относительно. Я могла бы сказать, что больше всех мне нравился Джош, потому что он нравился мне дольше всех. Но нельзя сказать, кто нравится тебе больше, потому что, как долго ты в него влюблен.

– Влюблен?

– В смысле, как долго он тебе нравится, – поправляюсь я.

– Ты сказала «влюблен».

– Но имела в виду «нравится».

– А что насчет Макларена? – спрашивает Питер. – Как сильно он тебе

нравился по сравнению с остальными?

Наконец-то! Хоть немного ревности!

– Он мне нравился...

Я собираюсь сказать «как и все», но колеблюсь. По словам Сторми, никто никого не любит абсолютно одинаково. Но как можно измерить, кто нравится тебе больше, а кто меньше? Питеру всегда нужно, чтобы его любили больше всех. Он этого ждет. Так что я говорю:

– Это сложно сказать. Но сейчас ты нравишься мне больше всех.

Питер качает головой.

– Для девушки, у которой никогда раньше не было парня, ты умеешь завести.

Я поднимаю брови. *Я* умею завести парня? Впервые в жизни я слышу нечто подобное. Женевьева, Крис, вот *они* умеют заводить парней. Но не я. Это не про меня.

Дорогой Джон(ни),

Во-первых, спасибо, что ответил мне. Это был действительно приятный сюрприз. Во-вторых... история моего письма. Я написала его в восьмом классе, но ты никогда не должен был его прочитать. Да, звучит странно, но раньше я любила так делать: когда мне нравился парень, я писала ему письмо, а потом прятала его в коробку из-под шляпы. Эти письма были только для меня. Но потом моя младшая сестра Китти, – Помнишь ее? Костлявая и своенравная? – в сентябре взяла и разослала их все, включая твое.

Я помню то соревнование по брейк-дансу. Кажется, победил Питер. Хотя он бы все равно взял самый большой арахисовый батончик. Это не в тему, но помнишь, как он постоянно хватал последний кусок пиццы? Меня это бесило. Помнишь, как они с Тревором поругались из-за последнего куска, но в итоге уронили его и он не достался никому? А помнишь, как мы все пришли с тобой прощаться, когда ты уезжал? Я испекла шоколадный торт с шоколадно-арахисовой глазурью и принесла нож, но твои вилки и тарелки были уже упакованы, поэтому мы ели его руками, сидя на крыльце. И только дома я заметила, что у меня весь рот был перемазан шоколадом. Мне было так стыдно! Такое чувство, что прошло уже сто лет.

Я не участвую в Модели ООН, но была там в тот день и видела тебя. Вообще-то я подозревала, что ты можешь там быть, потому что я помню, как ты увлекался этой игрой в средней школе. Прости, что не осталась поболтать. Думаю, я просто испугалась, ведь прошло столько времени. Ты выглядишь таким же, как раньше. Хотя стал гораздо выше.

Хочу попросить тебя об одолжении: ты не мог бы прислать мне мое письмо обратно? Остальные уже вернулись ко мне, и, хоть это будет мучительно, я бы хотела знать, что я тебе писала.

Твоя подруга, Лара Джин.

Уже поздно, но дома темно. Папа в больнице, а Китти ночует у подружки. Я понимаю, что Питер хочет зайти, но папа скоро вернется и сойдет с ума, если увидит, что мы были дома вдвоем в столь поздний час. Он ничего такого мне не говорил, но после истории с видео у него в голове явно что-то сдвинулось. Теперь, когда я иду куда-то с Питером, папа как-бы-совершенно-невзначай спрашивает, где мы будем и во сколько я вернусь домой. Раньше он таких вопросов не задавал, правда, раньше у него не было на это причин.

Я смотрю на Питера. Он выключил двигатель. Вдруг я говорю:

– А давай слазим в старый домик на дереве Кэролин Пирс?

– Давай, – соглашается он с готовностью.

Вокруг ничего не видно, я никогда не была здесь в такой темноте. Обычно с кухни Пирсов всегда шел свет, а также из гаража и от нашего дома. Питер залезает первым и светит мне телефоном, чтобы я смогла подняться.

Он изумляется, обнаружив, что внутри ничего не изменилось. Все так, как мы оставили. Китти сюда никогда не залезала. Домик оказался заброшен с тех пор, как мы перестали приходить сюда после восьмого класса. «Мы» – это живущие по соседству девчонки моего возраста: Женестьева, Элли Филдман, иногда Крис, а иногда и парни – Питер, Джон Амброуз Макларен и Тревор. Это было наше тайное место. Но мы не делали ничего плохого, не пили и не курили, мы просто сидели там и болтали.

Женестьева все время выдумывала игры вроде «Кого бы вы выбрали». Если бы вы оказались на необитаемом острове, кого бы из присутствующих вы взяли с собой? Питер, не колеблясь, выбрал Женестьеву, потому что она была его девушкой. Крис сказала, что взяла бы Тревора, потому что он самый мясистый и самый надоедливый, а кто знает, вдруг рано или поздно пришлось бы прибегнуть к каннибализму. Я сказала, что выберу Крис, потому что с ней мне никогда не будет скучно. Крис это понравилось, а Женестьева нахмурилась, хотя ее все равно уже выбрал Питер. К тому же это была правда: Крис стала бы самым веселым соседом по острову и приносила бы пользу. Сомневаюсь, что Женестьева согласилась бы собирать дрова или ловить рыбу копьем. Джон долго не мог решить. Он ходил по кругу, взвешивая все наши достоинства. Питер быстро бегал,

Тревор был сильным, Женестьева – хитрой, Крис могла постоять за себя в драке. А я, по словам Джона, никогда бы не теряла надежду на то, что нас спасут. И он выбрал меня.

Это было последнее лето, что мы провели на улице. Мы каждый день где-то гуляли. Когда вырастаешь, ты все меньше и меньше времени проводишь на воздухе. Никто тебе больше не скажет: «Иди поиграй во дворе». Но тем летом так и было. Говорят, то было самое жаркое лето за последние сто лет. Почти все время мы катались на велосипедах, плавали в бассейне и играли в игры.

Питер садится на пол, снимает куртку и раскладывает ее как покрывало.

– Садись сюда.

Я сажусь, и он притягивает меня к себе за лодыжки, будто наматывая меня на леску, как большую рыбу, которая может спрыгнуть с крючка. Когда мы соприкасаемся коленями, он целует меня: мягким, *у-нас-есть-все-время-на-свете* поцелуем. Я дрожу, но не от холода. Я волнуюсь, и мое сердце стучит все быстрее. Питер наклоняет голову и начинает целовать меня в шею, пробираясь вниз к ключице. Я так нервничаю, что мне даже не щекотно, как обычно бывает, когда кто-то прикасается к моей шее. У него теплые губы, и это приятно. Я откидываюсь назад, опираясь на руки, и он склоняется надо мной. Это оно? Неужели это должно случиться сейчас? В домике на дереве Кэролин Пирс?

Когда его рука проскальзывает мне под блузку и оказывается у меня на лифчике, мне в голову закрадывается паническая мысль, о которой я раньше не думала: грудь Женестьева определенно больше моей. Он будет разочарован?

Внезапно я вскрикиваю:

– Я еще не готова заниматься с тобой сексом!

Он встревоженно поднимает голову.

– Господи, Лара Джин! Ты меня напугала!

– Прости. Я просто хотела это уточнить на случай, если было не ясно.

– Все было ясно, – Питер бросает на меня обиженный взгляд и садится, выпрямившись по струнке. – Черт, я же не какой-то пещерный человек.

– Знаю, – говорю я, сядя и поправляя кулон так, чтобы сердце смотрело вперед. – Просто... я надеюсь, ты не думал, что если ты подарил мне такой красивый кулон, то... – Я замолкаю, потому что он смотрит на меня во все глаза. – Прости, прости. Но... разве ты не скучаешь по сексу? Ведь вы с Женестьевой постоянно им занимались.

О сексуальной жизни Кавински и Женевиёвы ходили легенды: как они делали это в родительской спальне Стива Бледела на вечеринке в честь каникул, как Джен начала принимать противозачаточные в девятом классе. Неужели тот, кто привык заниматься сексом двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, может быть доволен такой, как я? Девственницей, которая едва дошла с ним до «второй базы»? И не просто доволен. «Доволен» – неправильное слово. Счастлив.

– Мы не занимались им постоянно! И я не хочу говорить с тобой об этом. Это странно.

– Я просто хочу сказать, что я никогда этого не делала, а ты делал это часто. У тебя разве нет теперь в жизни пустоты? Может, ты чувствуешь... будто что-то упускаешь? Это все равно что, если бы я никогда не пробовала клубничное мороженое, я бы не знала, какое оно вкусное. Но стоило мне его попробовать, как я только о нем и думаю. – Я закусываю нижнюю губу. – Ты... хочешь клубничное мороженое?

– Нет!

– Скажи честно!

– Хотел бы я, чтобы мы занимались сексом? Ну ладно, да. Но я не собираюсь на тебя давить. Я вообще эту тему не поднимал. К тому же у парней есть другой способ... – он краснеет. – Сбросить напряжение.

– Значит... ты смотришь порнуху?

– Лара Джин!

– Я любопытная от природы! Ты это знаешь. И ты всегда отвечал на мои вопросы.

– То было раньше. Сейчас все по-другому.

Иногда Питер может сказать что-то невероятно пронизательное и даже не заметить. Сейчас и правда все *по-другому*. Раньше было проще. Раньше мы спокойно обсуждали секс.

Я сбивчиво говорю:

– В контракте мы пообещали всегда быть честными друг с другом.

– Ладно, но я не буду говорить с тобой о порно!

Я открываю рот, чтобы задать другой вопрос, но Питер добавляет:

– Я одно могу сказать: любой парень, который утверждает, что не смотрит порно, врет.

– Значит, ты смотришь, – киваю я сама себе.

Ясно. Приму к сведению.

– Знаешь, ученые любят подсчитывать статистику, и я где-то читала, что мальчишки-подростки думают о сексе каждые семь секунд. Неужели это правда?

– Нет. И заметь, пожалуйста, что это ты постоянно говоришь о сексе. Похоже, девочки-подростки гораздо одержимее мальчиков.

– Может быть, – соглашаюсь я, и его глаза расширяются от изумления.

– То есть мне, разумеется, любопытно, – поспешно вставляю я. – Есть о чем подумать. Но я не думаю, что буду делать это в скором времени. Ни с кем. Включая тебя.

Я вижу, что Питеру неловко, по тому, как он быстро говорит:

– Ладно, ладно, понял. Давай уже сменим тему. – Еле слышно он добавляет: – Я вообще не хотел говорить об этом.

Так мило, что ему неловко. Я не думала, что он смутится, учитывая его опыт. Я тяну его за рукав свитера.

– В любом случае, когда я буду готова, если буду готова, я дам тебе знать.

И потом я притягиваю его к себе и мягко целую. В ответ он раскрывает губы, и я думаю, что я *могла бы целовать его часами*.

Внезапно он говорит:

– Погоди, так у нас не будет секса? Никогда?

– Я этого не говорила. Но не сейчас. В смысле, пока я не буду по-настоящему, окончательно уверена. Ладно?

Парень смеется.

– Конечно. Ты правишь балом. С самого начала. А я стараюсь поспевать. – Он прижимается ближе и нюхает мои волосы. – У тебя новый шампунь?

– Позаимствовала у Марго. Сочная груша. Тебе нравится?

– Ничего так вроде бы. Но, может, вернешься к тому, которым пользовалась раньше? С кокосом. Мне так нравился этот запах. – На его лице появляется мечтательное выражение, как вечерний туман, опускающийся над городом.

– Если сама захочу, – отвечаю я, и он надувает губы.

Я уже планирую купить заодно и кокосовую маску для волос, но мне нравится держать его в ежовых рукавицах. Он сам сказал, что я правлю балом. Питер притягивает меня к себе и обнимает сзади, накрывая меня всем своим телом. Я кладу голову ему на плечо, а руки – на колени. Мне так хорошо и уютно. Только он и я, далеко от всего мира, хотя бы ненадолго.

Так мы и сидим, когда я вдруг вспоминаю кое-что очень важное. Капсула времени! Бабушка Джона Амброуза Макларена подарила ему эту штуку на день рождения в седьмом классе. Он просил видеоигру, но

капсула времени – это все, что он получил. Джон сказал, что собирался ее выбросить, но потом подумал, что кому-нибудь из девчонок она может понравиться. Я сказала, что хочу ее, и Женевьева сказала, что хочет, и тогда, разумеется, Крис тоже ее захотела. В итоге мне пришла в голову мысль закопать ее прямо там, на заднем дворе Пирсов, под домиком на дереве. Меня очень воодушевила эта идея, и я велела всем положить в капсулу что-нибудь ценное, что было у них с собой. Я сказала, что мы вернемся в день выпускного, откроем ее и будем ностальгировать.

– Помнишь капсулу времени, которую мы здесь закопали? – спрашиваю я Питера.

– О да! Игрушка Макларена! Давай ее выкопаем!

– Нельзя открывать ее без остальных, – говорю я. – Мы же собирались выкопать ее все вместе, после выпускного. – Тогда я думала, что мы до сих пор будем дружить. – Ты, я, Джон, Тревор, Крис, Элли.

Я не называю имя Женевьевы, но Питер, похоже, этого не замечает.

– Ладно, тогда подождем. Все, что моя девушка пожелает.

Дорогая Лара Джин,

Я пришлю тебе твое письмо при одном условии. Ты должна дать торжественную нерушимую клятву, что после прочтения ты мне его вернешь. Мне нужно физическое доказательство того, что в средней школе я нравился девочке, иначе кто в такое поверит?

И, между прочим, тот шоколадный торт с арахисовой пастой, что ты мне испекла, был самым вкусным тортом, что я когда-либо ел. Я никогда не пробовал другого столь же прекрасного торта, да еще и с моим именем, написанным разноцветным драже. Я до сих пор его иногда вспоминаю. Такой торт забыть невозможно.

У меня к тебе один вопрос: сколько еще писем ты написала? Хочется знать, насколько особенным мне себя чувствовать.

Джон.

Дорогой Джон,

Я, Лара Джин, торжественно клянусь – то есть даю нерушимую клятву – вернуть тебе мое письмо в целости и сохранности. А теперь отправляй его мне!

Кстати, ты такой лжец! Ты прекрасно знаешь, что многие девочки сохли по тебе в средней школе. На пижамных вечеринках они всегда разделялись на две группы: команда Питера и команда Джона. Не делай вид, что ты этого не знал, Джонни!

Отвечаю на твой вопрос: всего было пять писем. Пять значимых парней за всю мою жизнь. Хотя теперь, написав это, я думаю, пять – это достаточно много, учитывая, что мне всего шестнадцать лет. Интересно, сколько их будет к тому времени, как мне стукнет двадцать? В доме престарелых, где я работаю волонтером, есть одна дама, у которой было множество мужей и множество жизней. Я смотрю на нее и думаю: должно быть, она ни о чем не жалеет, потому что она уже все сделала и все увидела.

Я тебе говорила, что моя старшая сестра, Марго, уехала в Шотландию, в Университет Сент-Эндрюс? Там познакомились Принц Уильям и Кейт Миддлтон. Может, она тоже встретит

принца, ха-ха! Куда ты собираешься поступать? Ты уже знаешь, на кого хочешь учиться? Думаю, я останусь в нашем штате. В Вирджинии замечательные государственные колледжи, и так будет гораздо дешевле. Но, думаю, главная причина в том, что я очень близка со своими родными и не хочу быть от них слишком далеко. Раньше я собиралась пойти в Университет Вирджинии и жить дома, но теперь думаю, что лучше выбрать общагу, чтобы испытать все прелести студенческой жизни.

Не забудь прислать обратно мое письмо,

Лара Джин.

Папа в больнице, но он приготовил большую кастрюлю овсянки, целое ведро, прямо как на полевой кухне. К этому времени каша стала клейкой, и мне пришлось вылить в нее полбутылки кленового сиропа и добавить сушеную вишню, чтобы ее можно было есть. Но даже после всего этого сомневаюсь, что мне нравится овсянка. Я делаю миску для себя, покрошив сверху орех pekan, и миску для Китти, полив ее порцию медом.

– Поешь каши! – кричу я.

Она, разумеется, пялится в телевизор.

Мы сидим на табуретках за барной стойкой и едим овсянку. Мне кажется, есть что-то приятное в том, как каша обволакивает тебя изнутри, словно клейстер. Пока я ем, я не свожу глаз с окна.

Китти щелкает пальцами у меня перед лицом.

– Алло! Я тебе вопрос задала!

– Почту еще не приносили? – спрашиваю я.

– По субботам почтальон приходит не раньше двенадцати, – говорит Китти, слизывая мед с ложки.

Взглянув на меня, она добавляет:

– Почему ты всю неделю так ждешь почту?

– Мне должно прийти письмо, – говорю я.

– От кого?

– Да так... никого важного.

Глупая ошибка! Надо было выдумать имя, потому что теперь Китти щурится и становится по-настоящему заинтересованной.

– Будь это не важно, ты бы не пялилась в окно как сумасшедшая. От кого оно?

– К твоему сведению, это письмо от меня. Одно из тех любовных посланий, что *ты* отправила. – Я тянусь через стол, чтобы ущипнуть ее за

руку. – Оно ко мне возвращается.

– От парня с забавным именем? Амброуз. Что это за имя такое?

– Ты его совсем не помнишь? Он раньше жил на нашей улице.

– С золотистыми волосами? – вспоминает Китти. – У него был скейтборд. Однажды он разрешил мне прокатиться.

– Это на него похоже, – говорю я, вспоминая. Из всех парней Джон особенно терпеливо относился к Китти, хоть она и была невыносимой.

– Хватит улыбаться, – командует Китти. – У тебя уже есть парень. Второй тебе не нужен.

Улыбка сползает с моего лица.

– Мы просто переписываемся, Китти. И не говори так со мной. – Я тянусь, чтобы ущипнуть ее еще раз, но она отпрыгивает прежде, чем я успеваю. – Какие планы на сегодня?

– Мисс Ротшильд обещала отвести нас с Джейми на собачью площадку, – сообщает Китти, ставя грязную миску в раковину. – Я зайду и напомню ей.

– Ты в последнее время часто с ней общаешься.

Китти пожимает плечами, и я мягко говорю:

– Главное, не надоедай ей, ладно? Ей же лет сорок. Наверняка у нее есть и другие дела, которыми можно заняться в субботу. Например, сходить на винодельню или в салон красоты. Не надо приставать к ней, да еще и навязывать папу.

– Мисс Ротшильд нравится проводить со мной время, так что держи свое умное мнение при себе.

Я хмурюсь.

– Ох, Китти, ты такая невоспитанная.

– Ты сама виновата. И папа с Марго. Ведь это вы меня воспитывали.

– Получается, ты никогда ни в чем не будешь виновата, потому что мы плохо тебя воспитали?

– Похоже, что так.

Я кричу от раздражения, а Китти убегает, напевая себе под нос, безумно довольная тем, что смогла меня вывести из себя.

Дорогая Лара Джин,

К твоему сведению, девчонки обращали на меня внимание только из-за того, что я был лучшим другом Питера. Поэтому Сабрина Фокс пригласила меня пойти с ней на танцы в восьмом классе. Перед ними мы заехали в «Красный Омар», и она пыталась сесть рядом с Питером.

Что касается колледжа, мой отец учился в Университете Северной Каролины и хочет, чтобы я пошел туда же. Говорит, деготь у меня в крови. Мама хочет, чтобы я остался в штате. Я еще никому не говорил, но сам я хочу в Джорджтаун. Тьфу-тьфу-тьфу. Прямо сейчас готовлюсь к экзамену.

В общем... отправляю тебе твоё письмо. Не забудь о своём обещании. Мне очень нравится вести настоящую переписку, но, может, дашь свой номер телефона? Тебя очень сложно найти в сети.

Моя первая мысль: он не смотрел видео. Никак не мог! Нет, если говорит, что меня сложно найти в сети. Думаю, в глубине души я переживала на этот счет, потому что, узнав это наверняка, испытала облегчение. Приятно осознавать, что у него в голове остался некий мой образ, как и в моей голове – его. Да и вообще, Джон Амброуз Макларен не из тех, кто станет подписываться на Анонимку. Не тот Джон Амброуз Макларен, которого я помню.

Я снова смотрю на письмо, и там, в нижнем углу, его номер телефона.

Я моргаю. Переписка была достаточно безобидной, но если мы с Джоном начнем общаться по телефону, не будет ли это изменой? И есть ли вообще разница между эсэмэской и перепиской по почте? Эсэмэска доходит быстрее. Но сам процесс написания письма, когда выбираешь бумагу и ручку, подписываешь конверт, находишь марку, а потом водишь ручкой по бумаге... это уже куда более серьезный подход. У меня вспыхивают щеки. Это более... романтично. Письмо остается с тобой навсегда.

Кстати, об этом... Я разворачиваю второй листок, лежавший в конверте. Он помятый, но я тут же узнаю бумагу: тонкий лист кремового цвета с голубыми инициалами ЛДСК, выгравированными сверху. Папа подарил мне ее на день рождения, зная о моей любви к монограммам.

Дорогой Джон Амброуз Макларен,

Я знаю точный день, когда все началось. Осень, восьмой класс. Мы попали под дождь, когда убрали на место все биты для софтбола после урока физкультуры. Мы бросились к школе, а я не могла бежать так быстро, поэтому ты остановился и взял мой рюкзак. Это было даже лучше, чем если бы ты взял меня за руку. Я до сих пор помню, как ты выглядел: твоё футболка прилипла к спине, волосы были мокрые, как будто ты только что из душа.

Когда полил дождь, ты начал орать и визжать, как ребенок. И вот настал этот момент, когда ты посмотрел на меня с улыбкой до ушей и сказал: «Давай же, Эл-Джи!»

Тогда это и случилось. Тогда-то я и поняла, каждой клеточкой тела, вплоть до промокших кед, что люблю тебя, Джон Амброуз Макларен. Я действительно тебя люблю. Возможно, я любила тебя с самого начала. Думаю, ты тоже меня любил. Если бы ты только не переехал, Джон! Это такая несправедливость! Как будто твои родители просто приняли решение, и больше ни у кого не было права голоса. Не мне, конечно, так говорить – я не твоя девушка или что-то такое. Но хотя бы ты должен иметь право голоса.

А я ведь надеялась, что однажды смогу называть тебя Джонни. Однажды твоя мама приехала за тобой в школу, а наша компания стояла на ступеньках у входа. Ты не видел ее машину, поэтому она погудела и крикнула: «Джонни»! Мне понравилось, как это прозвучало. Джонни. Могу поспорить, однажды твоя девушка сможет называть тебя Джонни. Вот счастливица! Может, у тебя уже сейчас появилась подружка. Даже если так, знай: в Вирджинии есть девушка, которая однажды тебя любила.

Я скажу это всего лишь раз, потому что ты все равно никогда это не услышишь. Прощай, Джонни.

С любовью, Лара Джин.

Я вскрикиваю, так громко и пронзительно, что Джейми начинает испуганно лаять.

– Прости, – шепчу я ему, откидываясь на подушки.

Поверить не могу, что Джон Амброуз Макларен прочитал это письмо. Я не помню, чтобы оно было таким... открытым. С таким... напором. Боже, почему я всегда так сильно чего-то хочу? Кошмар! Это просто ужасно! Я никогда не была обнаженной перед парнем, но сейчас я чувствую себя именно так. Я больше не могу смотреть на это письмо или даже думать о нем. Я вскакиваю, засовываю его обратно в конверт и кладу под кровать, чтобы его больше не существовало. С глаз долой – из сердца вон.

Разумеется, Джон не получит это письмо обратно. Теперь я даже не знаю, стоит ли вообще писать ему ответ. Все как будто... внезапно изменилось.

Я забыла, о чем писала и как горячо я его желала. Я была так твердо уверена, так свято верила в то, что мы созданы друг для друга. Ах, если бы это было так! Воспоминание об этой уверенности потрясает меня, теперь я чувствую беспокойство и неопределенность. Будто я оторвана от берега. Что в нем было такого, спрашиваю я себя, что вселяло в меня такую уверенность?

Как ни странно, в письме я не упоминаю Питера. Я пишу, что Джон начал нравиться мне осенью в восьмом классе. Питер тоже нравился мне в восьмом классе, так что в какой-то момент они пересеклись. Когда началось одно и закончилось другое?

Единственный человек, который может это знать, – это человек, у которого я ни за что не спрошу.

А ведь это она предсказала, что мне будет нравиться Джон.

Тем летом Женестьева ночевала у меня дома почти каждый день. Элли разрешали ночевать у подруг только по особым случаям, поэтому обычно мы были вдвоем. Мы сплетничали о парнях, обсуждали каждую деталь минувшего дня.

– Это будет наша компания, – сказала она однажды ночью, едва шевеля губами.

Мы делали корейские маски для лица, которые прислала бабушка. Они были похожи на лыжные маски, пропитанные маслами, витаминами и прочими косметическими штуками.

– Такой будет старшая школа. Я буду с Питером, ты – с Маклареном, а Крисси с Элли могут поделить Тревор. Мы будем самыми крутыми парочками.

– Но мы с Джоном не нравимся друг другу в этом смысле, – возразила я через зубы, чтобы маска не сдвинулась.

– Понравитесь, – ответила она.

Она сказала это таким тоном, будто это predetermined факт, и я ей поверила. Я всегда ей верила.

Но ничего из этого не сбылось, не считая пары Джен и Питера.

Мы с Лукасом сидим в коридоре, скрестив ноги, и едим одно клубничное мороженое на двоих.

– Не залезай на мою сторону, – возмущается он, когда я опускаю голову, чтобы откусить еще.

– Но это я тебя угощаю! – напоминаю я. – Лукас, как думаешь, переписываться с другим парнем – это измена? Я не про себя, а про подругу.

– Нет, – отвечает Лукас, а потом поднимает обе брови. – Погоди, или это сексуальные письма?

– Нет!

– Или вроде того, что ты мне написала?

Мне удастся выдавить из себя жалкое «нет». Лукас сверлит меня взглядом, давая понять, что не купился на мои рассказы.

– Тогда все нормально. Формально тебя не в чем обвинить. Так с кем ты переписываешься?

Я колеблюсь.

– Помнишь Джона Амброуза Макларена?

Он закатывает глаза.

– Конечно, я помню Джона Амброуза Макларена.

– Я была влюблена в него в восьмом!

– Разумеется. Все были. В средней школе всем нравился либо Джон, либо Питер. Они были двумя основными вариантами. Как Бетти и Вероника. Разумеется, Джон – Бетти, а Питер – Вероника, – Лукас делает паузу. – Раньше Джон так мило заикался, помнишь?

– Да! Мне даже жаль было, когда он перестал. Это было так мило. Так по-ребячески. А помнишь, какие у него были волосы цвета сливочного масла? Наверняка именно так и выглядит свежее, только что взбитое масло.

– Я бы сказал, они были цвета кукурузных початков в лунном свете, но да. И какой он теперь?

– Я не знаю... Это странно, потому что есть Джон, каким он был в средней школе, есть мои воспоминания о нем, а есть он такой, как сейчас.

– Вы с ним встречались?

– О нет! Никогда.

– Наверное, поэтому он тебе сейчас так интересен.

– Я не говорила, что он мне *интересен*.

Лукас смотрит на меня.

– По существу, ты так и сказала. И я тебя понимаю. Мне бы тоже было интересно.

– Мне просто забавно об этом думать.

– Тебе повезло, – говорит он.

– Почему повезло?

– Повезло, что у тебя есть... *варианты*.

Я касаюсь его руки.

– Однажды, очень скоро, ты выйдешь в мир, и у тебя появится столько вариантов, что ты не будешь знать, что с ними делать. Все будут в тебя влюбляться, потому что ты такой красивый и очаровательный, а школу ты будешь вспоминать, как давно ушедшее мгновение.

Лукас улыбается, и его угрюмость испаряется.

– Но тебя я все равно не забуду.

– Пирсы наконец-то продали дом, – говорит папа, подкладывая еще шпината на тарелку Китти. – Через месяц у нас будут новые соседи.

– У них есть дети? – оживает Китти.

– Донни говорит, они на пенсии.

Китти делает вид, будто ее тошнит.

– Старики! Скучотища! А внуки у них хотя бы есть?

– Не знаю, но сомневаюсь. И они собираются снести старый домик на дереве.

Я замираю, не прожевав кусок.

– Они хотят сломать наш домик на дереве?

Папа кивает.

– Кажется, они строят беседку.

– Беседку? – переспрашиваю я. – Но в домике было так здорово! Мы с Женеьевой часами могли играть в Рапунцель. Правда, она всегда была Рапунцель, а мне оставалось только стоять внизу и звать ее. – Я останавливаюсь, чтобы настроиться на британский акцент: – Рапунцель, Рапунцель! Спусти мне свои косы!

– И что это был за акцент? – спрашивает Китти.

– Кокни вроде бы. А что? Не получилось?

– Не очень.

– Оу, – я поворачиваюсь к папе. – Когда они будут сносить дом на дереве?

– Точно не скажу. Думаю, перед тем как въехать, но кто знает.

Однажды я выглянула в окно и увидела, как Джон Макларен сидит в домике на дереве совсем один. Он просто сидел там и читал. Так что я пошла к нему с парой банок колы и книгой, и мы весь день читали вместе. К вечеру пришли Питер и Тревор Пайк, мы отложили книги и начали играть в карты. В те времена я уже страдала от любви к Питеру, так что я уверена, что между нами с Джоном не было никакой романтики. Но я помню чувство, что наш спокойный день нарушили и что я бы лучше продолжила читать в дружеском молчании.

– Мы закопали капсулу времени под домом на дереве, – говорю я Китти, выдавливая пасту на зубную щетку. – Женеьева, Питер, Крис, Элли, Тревор, я и Джон Амброуз Макларен. Мы собирались выкопать ее

после выпускного.

– Вам нужно устроить вечер ностальгии прежде, чем дом разрушат, – говорит Китти с унитаза. Она писает, а я чищу зубы. – Можешь разослать приглашения, получится прикольное мероприятие. Торжественное открытие капсулы времени.

Я выплевываю пасту.

– Да, теоретически. Но Элли переехала, а Женестьева...

– Бука на букву «с», – выдает Китти.

Я хихикаю.

– Точно, буква на букву «с».

– Она страшная. Однажды, когда я была маленькой, она заперла меня в бельевом шкафу. – Китти смывает воду и встает. – Все равно можете устроить вечеринку, только Женестьеву не приглашай. В любом случае нет смысла приглашать бывшую девушку твоего парня на вечер открытия капсулы времени.

Как будто есть какой-то определенный этикет, кого нужно приглашать на вечер открытия капсулы времени. Как будто вообще есть такое событие, как вечер открытия капсулы времени.

– Я выпустила тебя из шкафа через секунду, – напоминаю я и кладу зубную щетку на место. – Не забудь вымыть руки.

– Я собиралась.

– И почисти зубы. – Прежде чем Китти успевает открыть рот, я добавляю: – И не говори, что ты собиралась, потому что я знаю, что это не так. – Китти делает все, что угодно, только бы не чистить зубы.

Мы не можем позволить домику на дереве уйти без должного прощания. Это было бы неправильно. Мы всегда говорили, что вернемся. Я устрою вечеринку, и она будет тематической. Женестьева бы посмеялась, сказав, что это по-детски, но ее все равно не приглашают, поэтому не важно, что она думает. Будем только я, Питер, Крис, Тревор и... Джон. Придется пригласить Джона. Как друга. Только как друга.

Что мы ели тем летом? Кукурузные палочки с сыром. Подтаявшие сэндвичи с мороженым: шоколадная вафля прилипла к пальцам. Теплый гавайский пунш лился рекой. Или сок «Капри Сан» в пакетиках, если удавалось его достать. У Джона всегда был с собой двухэтажный сэндвич с джемом и арахисовой пастой в вакуумном пакете, который клала ему мама. Надо будет раздобыть все это для вечеринки.

Что еще? У Тревора были переносные колонки, которые он таскал с

собой. Его отец обожал южный рок, и в то лето Тревор так часто включал «Мой дом Алабама», что Питер выбросил его колонки из домика, и Тревор не разговаривал с ним несколько дней. У Тревора Пайка были каштановые волосы, которые завивались, когда намокали. Он был пухлым, таким, как бывают мальчишки в средней школе (в щеках и в талии), но потом они внезапно вырастают и все выравнивается. Он всегда был голоден и лазил по чужим буфетам. Он уходил в туалет, а возвращался с леденцом, или бананом, или сырными крекерами, со всем, что удавалось стянуть. Тревор был вторым лучшим другом Питера. Сейчас они уже не так часто общаются. Тревор теперь дружит с командой бегунов. У нас нет общих уроков. Я хожу на занятия для продвинутого уровня, с углубленным изучением предметов, а Тревор никогда не интересовался школой и оценками. Зато с ним было весело.

Я помню, как Женевьева пришла ко мне домой в слезах и сказала, что переезжает. Недалеко, она все еще будет ходить в нашу школу, но больше не сможет заходить в гости, даже на велосипеде. Питер расстроился. Он успокаивал ее, обнимал. Помню, я думала, какими взрослыми они казались в тот момент, как настоящие влюбленные подростки. А потом Крис и Джен из-за чего-то поссорились, сильнее, чем обычно. Я уже даже забыла, из-за чего. Кажется, это было связано с их родителями. Когда их родители ругались, негатив переходил и на них: приплывал, как мусор по реке.

Джен переехала, и мы еще дружили, а потом, ближе к концу восьмого класса, она меня бросила. Видимо, в ее жизни больше не осталось для меня места. Я думала, что Женевьева будет моей подругой навечно. Из тех людей, с которыми ты всегда продолжаешь общаться несмотря ни на что. Но вышло иначе. И вот прошло три года, и мы хуже, чем чужие люди. Я знаю, что это она сняла видео. Я знаю, что это она отправила его Анонимке. Разве я могу это простить?

У Джоша новая девушка: Лиза Букер, из его клуба любителей комиксов. У нее вьющиеся каштановые волосы, красивые глаза, большая грудь и брекетты. Она в выпускном классе, как и Джош. Умная, как и Джош. Но мне не верится, что он может быть с кем-то, кроме Марго. Рядом с моей сестрой красивые глаза и большая грудь Лизы Букер – ничто.

Я уже не раз замечала незнакомую машину у дома Джоша, а сегодня, забирая почту, я увидела, как они с Джошем вышли из дома. Он проводил ее к машине, а потом поцеловал. Точно так же, как он целовал Марго.

Я жду, пока она уедет, и он уже почти успевает зайти обратно домой, когда я его окликаю.

– Так что, у вас с Лизой теперь все серьезно?

Он оборачивается и выглядит смущенно.

– Ну да, мы с ней вместе. Ничего такого серьезного. Но она мне нравится.

Джош делает несколько шагов ко мне, чтобы мы не были так далеко. Я не выдерживаю и говорю:

– О вкусах не спорят. В смысле, неужели ты предпочел ее Марго?

Я издаю надменный смешок, который удивляет даже меня, потому что у нас с Джошем теперь все хорошо – не как раньше, но нормально. Это были грубые слова. Но я сказала так не для того, чтобы обидеть Лизу Букер, которую я даже не знаю. Я сказала так ради сестры. Ради того, кем они с Джошем были друг для друга.

Он спокойно отвечает:

– Я не предпочел Лизу Марго, ты же знаешь. В январе мы с Лизой были едва знакомы.

– Ладно, хорошо, но почему не Марго?

– Потому что у нас ничего бы не вышло. Она до сих пор мне дорога, я всегда буду любить ее. Но она правильно сделала, порвав со мной, когда уезжала. Было бы только сложнее, если бы мы поддерживали отношения.

– Разве нельзя было хотя бы попробовать, чтобы посмотреть, стоит ли оно того? Увидеть, что будет?

– Все закончилось бы точно так же, даже если бы она не уехала в Шотландию.

На лице Джоша появилось то самое упрямое выражение, его расслабленный подбородок напрягся. Я знаю, что он больше ничего не

скажет. Да это и не мое дело, если честно. Это между ним и Марго, и, возможно, он еще сам этого не понимает.

Крис приходит ко мне домой с сиреневыми волосами, окрашенными в стиле обмре. Снимая на ходу капюшон куртки, она спрашивает:

– Ну, как тебе?

– По-моему, красиво, – отвечаю я.

Китти шевелит губами: «*Как пасхальное яйцо*».

– Я покрасила их только для того, чтобы маму взбесить. – В ее голосе слышится нотка неопределенности, которую она пытается скрыть.

– Так ты выглядишь интереснее, – уверяю ее я.

Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до кончиков ее волос, на ощупь они будто синтетические, как у Барби после того, как ее помоешь.

Китти беззвучно говорит: «*Как у бабушки*», и я закатываю глаза.

– Дерьмово получилось, да? – спрашивает ее Крис, нервно покусывая нижнюю губу.

– Не выражайся перед моей сестрой! Ей десять лет!

– Прости. Отстойно получилось, да?

– Да, – признает Китти.

Спасибо, господи, за Китти! На нее всегда можно рассчитывать, чтобы сообщить жестокую правду.

– Почему ты не пошла в салон, где бы тебя нормально покрасили?

Крис расчесывает волосы пальцами.

– Я ходила, – она выдыхает. – Дерь... то есть, блин. Может, просто отрезать концы?

– Я всегда думала, что тебе очень пойдут короткие волосы, – говорю я. – Но, если честно, я не считаю, что сиреневый смотрится плохо. Очень даже красиво, вообще-то. Как внутренняя сторона ракушки.

Если б я была такой же смелой, как Крис, я бы кротко отрезала волосы, как у Одри Хепберн в «Сабрине». Но я не настолько отважная, и к тому же я чувствую, что мне будет ужасно не хватать хвостов, косичек и кудрей.

– Ладно. Может, пока похожу и так.

– Попробуй использовать глубокий кондиционер, это должно помочь, – советует Китти, и Крис бросает на нее сердитый взгляд.

– У меня есть корейская маска для волос, которую покупала бабушка, – говорю я, обнимая ее за плечи.

Мы поднимаемся наверх, и Крис идет ко мне в комнату, пока я копаюсь

в ванной в поисках маски. Когда я возвращаюсь к себе с баночкой, Крис сидит на полу, скрестив ноги, и копается в моей коробке из-под шляпы.

– Крис! Это личное!

– Она была на самом виду! – Крис держит валентинку от Питера: стихотворение, которое он мне написал. – Что это?

– Это стихотворение, которое Питер написал мне на День святого Валентина, – отвечаю я гордо.

Крис снова смотрит на листок.

– Он сказал, что написал это? Да он мешок с дерьмом. Это стихотворение Эдгара Алана По.

– Нет, это точно сочинил Питер.

– Это из стихотворения «Аннабель Ли». Мы проходили его на уроке английского для отстающих. Я запомнила, потому что мы ходили в музей Эдгара Алана По, а потом катались на кораблике, который назывался «Аннабель Ли». Стихотворение висело там на стене в рамочке.

Я не могу в это поверить.

– Но... он сказал, что написал его для меня.

Она посмеивается.

– Классический Кавински!

Когда Крис видит, что я не смеюсь вместе с ней, она говорит:

– Ой, да не важно. Главное – жест внимания, так ведь?

– Не считая того, что это ворованный жест.

Я была так счастлива, получив это стихотворение. Никто еще раньше не писал мне любовных стихов, а теперь оказывается, что это плагиат. Подделка.

– Не злись. По-моему, это забавно. Сразу видно, что он пытался тебя поразить.

Я должна была догадаться, что Питер не мог это написать. Он в свободное время даже не читает, не говоря уже о поэзии.

– Что ж, хотя бы кулон настоящий, – успокаиваю я себя.

– Ты уверена?

Я бросаю на нее презрительный взгляд.

Когда мы с Питером в тот вечер болтаем по телефону, я собираюсь спросить его насчет стихотворения или хотя бы подразнить. Но потом мы начинаем говорить о намечающейся в пятницу выездной игре.

– Ты ведь поедешь? – спрашивает он.

– Я бы хотела, но я обещала Сторми, что в пятницу вечером покрашу ей волосы.

– Ты не можешь сделать это в субботу?

– Не могу, в субботу мы открываем капсулу времени, а вечером у нее свидание. Вот почему ее волосы должны быть готовы в пятницу...

Знаю, это звучит как жалкая отговорка, но я обещала. И к тому же... Я не смогу поехать с Питером в автобусе, а самой мне не хочется ехать сорок пять минут до школы, где я никогда не была. В любом случае зачем я ему там? Хотя и Сторми я не особо нужна.

Он молчит.

– На следующей игре я буду, обещаю, – говоря я.

Питера прорывает:

– Девушка Гейба приходит на каждую игру и в день матча всегда рисует на лице его номер. А она даже не из нашей школы.

– У вас было всего четыре игры, и я ходила на две из них!

Теперь я раздражена. Я знаю, как важен для него лакросс, но это не менее важно, чем моя работа в Бельвю.

– И знаешь что? Я в курсе, что это не ты написал мне стихотворение на День святого Валентина. Ты украл его у Эдгара Алана По!

– Я и не говорил, что я написал его! – защищается Питер.

– Говорил. Ты вел себя так, будто сам написал.

– Я не собирался, но потом ты так обрадовалась. Прости, что хотел сделать тебя счастливой.

– Знаешь что? Я собиралась испечь тебе лимонное печенье в день игры, а теперь не стану.

– Хорошо. Тогда я не уверен, что смогу прийти на твою вечеринку в домике на дереве. А субботу я могу быть очень уставшим после игры.

Я задыхаюсь.

– Только попробуй не прийти!

Вечеринка и так получается маленькой, и на Крис никогда нельзя положиться. Я не могу допустить, чтобы мы с Джоном и Тревором остались втроем. Три человека – это далеко не вечеринка.

Питер фыркает.

– Что ж, тогда в день игры в моем шкафчике должно лежать лимонное печенье!

– Ладно.

– Ладно.

В пятницу я приношу ему лимонное печенье и пишу на щеке его номер, от чего Питер приходит в восторг. Он хватает меня и подбрасывает в воздух, улыбаясь до ушей. Я чувствую себя виноватой, что не сделала этого сразу, ведь от меня требуется совсем немного, чтобы его осчастливить. Теперь я вижу, что дело в мелочах, в небольших усилиях, которые сохраняют отношения. Но теперь я знаю, что в какой-то степени у меня есть власть причинить ему боль, а также сила исцелить ее. Это открытие оставляет меня со странным, тревожным чувством в груди, и я не могу объяснить почему.

Я волновалась, что мы замерзнем, – слишком долго сидеть в домике на дереве, но день выдается не по сезону теплым, настолько, что папа начинает разглагольствовать об изменении климата, и нам с Китти с трудом удается его утихомирить.

После его лекции я беру из гаража лопату и начинаю копать под деревом. Земля твердая, и мне долго приходится набирать темп, но где-то через полметра я наконец-то натыкаюсь на что-то металлическое. Капсула времени размером с небольшую бутылку кажется похожей на футуристический термос. Металл заржавел от дождя, снега и грязи, но не так сильно, как я думала, учитывая, что он пролежал под землей почти четыре года. Я отношу ее домой и мою в раковине, и вот она снова блестит.

Ближе к полудню я загружаю продуктовую сумку сэндвичами с мороженым, гавайским пуншем и сырными кукурузными палочками и отношу все это к домику на дереве. Я иду через наш двор к Пирсам, пытаюсь удержать в руках сумку, переносные колонки и телефон, когда вижу его. Джон Амброуз Макларен стоит перед домиком на дереве, скрестив руки на груди, и пристально на него смотрит. Его белокурый затылок я узнаю где угодно.

Я замираю в неуверенности, внезапно разволновавшись. Я думала, к тому времени, как он придет, здесь уже будут Крис или Питер, и это смягчит неловкость. Но мне не повезло.

Я кладу вещи и подхожу, чтобы постучать ему по плечу, но он поворачивается прежде, чем я успеваю протянуть руку. Я делаю шаг назад.

– Эй! Привет! – говорю я.

– Привет! – он долго меня рассматривает. – Неужели это ты?

– Это я.

– Мой друг по переписке, неуловимая Лара Джин Кави, которая объявляется на Модели ООН и убегает, даже не поздоровавшись?

Я закусываю щеку.

– Разве я не поздоровалась?

– Нет, – говорит он насмешливо. – Это я точно помню.

Он прав. Я не поздоровалась. Я слишком растерялась. Как и сейчас. Видимо, все дело в большой разнице между тем, что вы были знакомы в детстве, и тем, что вы увиделись, когда оба выросли, но еще не совсем выросли, и между вами три года и письма и вы не знаете, как себя вести.

– Что ж, не важно. Ты стал... выше.

Он стал не просто выше. Теперь, когда у меня есть время хорошо его разглядеть, я замечаю больше. С его светлыми волосами, молочной кожей и розовыми щеками он похож на сына английского фермера. Но он худой, так что, скорее на чувствительного сына фермера, который сбегает в амбар, чтобы почитать. От этой мысли я улыбаюсь, и Джон смотрит на меня с любопытством, но ничего не спрашивает.

Кивая, он говорит:

– А ты... совсем не изменилась.

Я сглатываю. Это хорошо или плохо?

– Правда? – я встаю на цыпочки. – По-моему, с восьмого класса я выросла как минимум на два сантиметра.

И у меня хоть немного выросла грудь. Чуть-чуть. Не то что я хочу, чтобы Джон это заметил. Но просто, к слову.

– Нет, ты... именно такая, какой я тебя помню.

Джон Амброуз тянется ко мне, и я думаю, что он хочет меня обнять, но он просто берет у меня сумку, и то, как я реагирую на этот невинный жест, приводит меня в ужас. Но он, кажется, не замечает.

– Спасибо, кстати, что пригласила.

– Спасибо, что приехал.

– Отнести все это наверх?

– Конечно, – говорю я.

Джон берет у меня сумку и заглядывает внутрь.

– Ого, с ума сойти! Все наши старые любимые лакомства! Лезь вперед, а я передам тебе сумку.

Так я и делаю. Я карабкаюсь по лестнице, а он поднимается прямо за мной. Я сижу на корточках, протянув руки, и жду.

Но когда он поднимается на половину лестницы, то останавливается, смотрит на меня и говорит:

– Ты все еще заплетаешь роскошные косы.

Я трогаю заплетенные на виске волосы. Из всего, что было, он помнит мои прически. В те времена косы мне заплетала Марго.

– Думаешь, это роскошно?

– Да, как будто... дорогой хлеб.

– Хлеб? – смеюсь я.

– Да. Или... Рапунцель.

Я ложусь на живот, подползаю к краю и делаю вид, что опускаю свои волосы, чтобы он по ним вскарабкался. Джон долезает до верхушки лестницы и передает мне сумку, которую я беру, а потом улыбается мне и

дергает меня за косу. Я все еще лежу, но чувствую электрический разряд, будто он стрельнул в меня. Я вдруг тревожусь о двух мирах, которым предстоит столкнуться: прошлое и настоящее, друг по переписке и парень, все в одном маленьком доме на дереве. Возможно, мне стоило как следует об этом подумать. Но я так увлеклась капсулой времени и закуской, и самой идеей, что старые друзья соберутся вместе, чтобы сделать то, что они хотели когда-то сделать. И вот мы здесь.

– Все нормально? – спрашивает Джон, протягивая мне руку, когда я встаю на ноги.

Я не беру его руку. Мне не нужен еще один удар.

– Все отлично! – отвечаю я радостно.

– Кстати, ты так и не вернула мне письмо, – говорит он. – Ты нарушила нерушимую клятву.

Я неловко смеюсь. Я надеялась, что он не вспомнит об этом.

– Оно слишком позорное. Я там такого понаписала! Мне невыносимо думать, что это может прочитать кто-то еще.

– Но я уже прочитал, – напоминает мне Джон.

К счастью, приходят Крис и Тревор Пайк, прервав разговор о письме. Они моментально набрасываются на еду. Тем временем Питер опаздывает. Я пишу ему грозное «Надеюсь, ты уже в пути». И добавляю: «Не отвечай, если ты за рулем. Это опасно».

Как раз, когда я собираюсь написать еще, голова Питера высовывается из-за двери, и он забирается внутрь. Я собираюсь обнять его, но тут за ним появляется Женестьева. Я вся холодею.

Я перевожу взгляд с него на нее. Она проплывает мимо меня и заключает Джона в объятия.

– Джонни! – визжит она, и он смеется.

Я чувствую в животе острый укол ревности. Неужели каждый парень ею очарован?

Пока она обнимает Джона, Питер смотрит на меня молящими глазами. «*Не сердись*», – говорит он губами и складывает ладони в молитве. Я отвечаю губами «Какого черта?», и он корчит рожу. Я никогда открыто не говорила, что не приглашала ее, но я думала, что это было предельно ясно. А потом я думаю: *Минуточку!* Они пришли вместе. Он был с ней, но мне ничего не говорил об этом, а потом он привел ее сюда, в мой дом. Ну ладно, не в мой, а в домик на дереве моих соседей. Девчонку, которая причинила мне боль. Обидела нас обоих.

Затем Питер и Джон обнимаются, жмут руки и хлопают друг друга по спине, как старые армейские приятели, давно потерянные братья по

оружию.

– Мы жечь как давно не виделись, – говорит Питер.

Женевьева уже расстегивает белую дутую куртку и удобно устраивается. Если у меня и был мимолетный шанс выгнать их вместе с Питером из домика на дереве, я его упустила.

– Привет, Крисси, – улыбается она и устраивается на полу. – Классные волосы.

Крис сердито на нее смотрит.

– Что ты вообще здесь делаешь?

Я счастлива, что она это сказала. Как же я люблю Крис!

– Мы с Питером болтали, и он рассказал мне о том, что вы сегодня делаете.

Снимая куртку, Женевьева говорит мне:

– Кажется, мое приглашение затерялось на почте.

Я не отвечаю, ибо что я могу сказать перед всеми? Я только прижимаю колени к груди. Теперь, когда я сижу рядом с ней, я понимаю, каким маленьким стал этот домик. Здесь едва хватает места для всех рук и ног, а парни стали такими огромными. Раньше мы были примерно одинакового размера, и мальчики, и девочки.

– Боже, здесь всегда было так тесно? – замечает Женевьева, не обращаясь ни к кому конкретному. – Или мы все так сильно выросли? – она смеется. – Кроме тебя, Лара Джин! Ты все еще кроха карманного размера.

Она говорит это так приторно, как сгущенное молоко с сахаром. Сладко и снисходительно. Толстый слой сгущенки.

Я решаю подыграть и улыбаюсь. Я не дам ей себя спровоцировать.

Джон закатывает глаза.

– Все та же Джен!

Он говорит это сухо, устало вздыхая, и она улыбается ему своей милой улыбкой, сморщив нос, как будто он сделал ей комплимент. Но потом он смотрит на меня и язвительно поднимает бровь, и мне становится в сто раз лучше, будто по волшебству. Это странно, но, может, ее присутствие замыкает круг. Пусть берет то, что положила в капсулу времени, и на этом наша история закончится.

– Трев, дай мне сэндвич с мороженым, – просит Питер, пролезая между Женевьевой и мной.

Он вытягивает ноги в центр круга, и все устраиваются так, чтобы его длинным ногам хватило места.

Я отодвигаю его ноги, чтобы поставить в центр капсулу времени.

– Ну вот, друзья. Все ваши драгоценные сокровища из седьмого

класса.

Я пытаюсь эффектно открутить алюминиевую крышку, но она застревает. Я отчаянно ковыряю ее ногтями. Смотрю на Питера, но он слишком увлечен мороженым, поэтому Джон встает и помогает мне ее открутить. От него пахнет хвойным мылом. Я добавляю это к списку новых фактов, которые я о нем узнала.

– И как мы будем это делать? – спрашивает Питер с полным мороженого ртом. – Вывалим все на пол?

Я это обдумываю.

– Нет, лучше будем вытаскивать по очереди. Давайте растянем это дело, как распаковку подарков в рождественское утро.

Женевьева в предвкушении наклоняется вперед. Не глядя, я засовываю руку в капсулу и достаю первое, что нащупывают пальцы. Забавно, я забыла, что положила туда, но мгновенно узнаю эту вещь. Мне даже смотреть не нужно. Это браслет дружбы, который Женевьева сплела мне, когда мы увлекались фенечками в пятом классе. Узор «елочка» в розовую, белую и голубую полоски. Я сплела ей такой же. Фиолетовый с желтым. Она, должно быть, даже не помнит. Я смотрю на нее, но ее лицо ничего не выражает. Она его не узнает.

– Что это? – спрашивает Тревор.

– Это мое, – говорю я. – Это... это браслет, который я когда-то носила.

Питер легонько толкает мою ногу.

– Этот моток ниток был твоим самым дорогим сокровищем? – дразнится он.

Джон смотрит на меня.

– Ты постоянно его носила, – говорит он, и очень мило, что он это помнит.

Когда надеваешь браслет дружбы, его никогда нельзя снимать, но я пожертвовала им для капсулы времени, потому что он был мне очень дорог. Может, поэтому наша с Женевьевой дружба развалилась? Проклятие браслета дружбы.

– Ты следующий, – команду я Джону.

Он запускает руку в капсулу и достает бейсбольный мяч.

– Это мой! – кричит Питер. – Я тогда успел пробежать хоум-ран в Клермонт-Парке.

Джон бросает ему мяч, и Питер его ловит. Рассматривая свое сокровище, он говорит:

– Видите, я его подписал и поставил дату!

– Я помню тот день, – говорит Женевьева, склоняя голову. – Ты

прибежал с поля и поцеловал меня на глазах у твоей мамы. Помнишь?

– Эмм... что-то нет, – бормочет Питер.

Он опускает взгляд на бейсбольный мяч, который вертит в руках, будто загипнотизированный. Я его не понимаю. Seriously, не понимаю.

– Неловко вышло, – усмехается Тревор.

Тихим голосом, как будто больше никого нет рядом, Женевьева говорит Питеру:

– Можно мне его оставить?

У Питера краснеют уши. Он в панике смотрит на меня.

– Кави, хочешь его?

– Нет, – отвечаю я, стараясь не поворачивать к ним голову.

Я хватаю пакет кукурузных палочек и запихиваю в рот целую горсть. Я в таком бешенстве, что затыкаю себя едой, чтобы не накричать на него.

– Ладно, тогда я оставлю его себе, – говорит Питер, отправляя бейсбольный мяч в карман куртки. – Оуэну он понравится. Прости, Джен.

Питер берет капсулу времени и начинает в ней копать. Он вытаскивает поношенную кепку с логотипом бейсбольного клуба «Ориолс».

– Макларен, смотри, что у меня тут! – восклицает он.

Улыбка озаряет лицо Джона, как медленный рассвет. Он берет ее у Питера и надевает на голову, подправляя размер.

– О да, это было твоим самым ценным имуществом, – вспоминаю я.

Он носил эту бейсболку до самой глубокой осени. Я даже уговорила папу купить мне футболку «Ориолс», думая, что в ней произведу на Джона Макларена впечатление. Я надевала ее дважды, но не думаю, что он заметил. Вдруг я вижу, что Женевьева смотрит на меня, и моя улыбка испаряется. Наши глаза встречаются. В ее взгляде проскальзывает понимание, от чего я начинаю нервничать. Она отворачивается, и теперь ее черед улыбаться самой себе.

– «Ориолс» – отстой, – заявляет Питер, опираясь о стену.

Он тянется к коробке и вытаскивает сэндвич с мороженым.

– Передай мне тоже, – просит Тревор.

– Прости, больше нет, – говорит Питер, откусывая кусок.

Джон ловит мой взгляд и подмигивает.

– Все тот же Кавински, – вздыхает он, и я смеюсь. Я знаю, что он думает о наших письмах.

Питер ему ухмыляется.

– О, а ты больше не заикаешься!

Я застываю. Как Питер мог так бесцеремонно упомянуть об этом?

Никто из нас не говорил о заикании Джона в средней школе. Он этого очень стеснялся. Но сейчас Джон лишь ослепительно улыбается, пожимает плечами и говорит:

– Это заслуга моего логопеда, Элоин, к которой я ходил в восьмом классе.

Он такой уверенный!

Питер моргает, и я вижу, что он удивлен. С таким Джоном Маклареном он еще не знаком. Раньше главарем был Питер, а не Джон. Джон ходил за ним следом. Питер, может, и остался прежним, но Джон изменился. Он стал гораздо увереннее Питера.

Следующая очередь Крис. Она вытаскивает кольцо с небольшой жемчужиной по центру. Оно принадлежало Элли: подарок на причастие от ее тети. Она любила это кольцо. Надо будет отправить ей его по почте. Тревор достает собственное сокровище, бейсбольную карточку с автографом. Женевьева вытаскивает вклад Крис – конверт с двадцатидолларовой купюрой.

– Да! – ликует Крис. – Я была маленьким гением!

Мы хлопаем друг друга по ладони.

– А у тебя что было, Джен? – спрашивает Тревор.

Та пожимает плечами.

– Наверное, я в эту капсулу ничего не клала.

– Клала, – возражаю я, стряхивая с пальцев оранжевые крошки от кукурузных палочек. – Ты была там с нами.

Я помню, как она все не могла решить, положить их с Питером фотографию или розу, которую он подарил ей на день рождения. Я не помню, что она выбрала.

– Да, но там ничего нет, значит, я не клала. Неважно.

Я смотрю в капсулу, чтобы убедиться. Она пустая.

– Помните, как мы играли в киллеров? – говорит Тревор, выжимая последнюю каплю сока из своего пакетика.

О, я обожала эту игру! Это была усовершенствованная версия салочек: каждый тянул имя из шляпы и должен был осалить того, чье имя ему досталось. Как только ты выводил из игры выпавшую тебе жертву, нужно было переключиться на того, чье имя было у осаленного. Приходилось много прятаться и подкрадываться. Игра могла длиться несколько дней.

– Я была Черной Вдовой, – говорит Женевьева, встряхивая плечами перед Питером. – Я выигрывала чаще всех.

– Да брось, – усмехается Питер. – Я много выигрывал.

– Я тоже, – возмущается Крис.

Тревор показывает на меня.

– Лил Джи, тебе игра давалась хуже всех. Думаю, ты ни разу не выигрывала.

Я корчу гримасу. *Лил Джи.* Я забыла, что он меня так называл. И он прав: я никогда не выигрывала. Ни разу. Единственный раз, когда я была близко, Крис осалила меня во время соревнований Китти по плаванию. Я думала, что я в безопасности, потому что был уже поздний вечер. Я была так близка к победе, что уже чувствовала ее на вкус.

Мы с Крис встречаемся взглядами, и я знаю, что она тоже это вспоминает. Она мне подмигивает, а я делаю кислое лицо.

– Просто у Лары Джин нет убийственного инстинкта, – говорит Женестьева, рассматривая свои ногти.

– Не всем быть Черными Вдовами, – парирую я.

– Это точно, – отвечает она, и я стискиваю зубы.

Джон говорит Питеру:

– Помнишь, как однажды мне выпало твое имя, и утром перед уроками я спрятался за машиной твоего отца, но вышел не ты, а мистер Кавински. Я его напугал, и мы с ним оба заорали.

– Потом мы все выбыли, когда Тревор ворвался в магазин моей матери в лыжной маске, – гогочет Питер.

Все смеются, кроме меня. Я все еще страдаю из-за подкола Женестьевы насчет убийственного инстинкта.

Тревор так сильно ржет, что едва может говорить.

– Она чуть полицию не вызвала! – с трудом произносит он.

Питер бьет меня в носок кроссовки.

– Нужно сыграть как-нибудь.

Он пытается вернуть мое расположение, но я не готова ему позволить, поэтому я лишь едва заметно пожимаю плечами. Я бы хотела на него не злиться, потому что я была бы не против сыграть снова. Я хочу доказать, что у меня тоже есть убийственный инстинкт, что я не какой-то киллер-неудачник.

– Давайте сыграем! – предлагает Джон. – Как в старые добрые времена. – Он ловит мой взгляд. – Твой последний шанс, Лара Джин.

Я улыбаюсь.

Крис поднимает бровь.

– А что получит победитель?

– Не знаю... ничего, – отвечаю я. – Сыграем ради интереса.

Тревор корчит гримасу.

– Должна быть награда, – говорит Женестьева. – Иначе в чем смысл?
Я быстро думаю. Что может быть хорошим призом?
– Билеты в кино? Какие-нибудь вкусности на выбор победителя? – выпаливаю я. Однако все молчат.
– Можем все вложить по двадцатке, – предлагает Джон.
Я смотрю на него благодарно, и он улыбается.
– Деньги – это скучно, – вздыхает Женестьева, потягиваясь, как кошка.
Я закатываю глаза. Кто вообще спрашивал ее мнение? Я даже не просила ее сюда приходить.
Тревор говорит:
– А что, если победителю каждый день в течение недели должны будут приносить завтрак в постель? Например, в понедельник – блинчики, во вторник – омлет, в среду – вафли, и так далее. Нас шестеро, так что...
Женестьеву передергивает:
– Я по утрам не завтракаю.
Все стонут.
– Может, предложишь что-нибудь, вместо того чтобы отвергать все варианты? – злится Питер, и я прячу лицо за косой, чтобы никто не видел, как я улыбаюсь.
– Ладно. – Женестьева какое-то время думает, а потом ее лицо озаряется улыбкой.
Это взгляд «гениальной идеи», и он меня пугает. Медленно, театрально она говорит:
– Победитель получает желание.
– От кого? – спрашивает Тревор. – От каждого?
– От любого из игроков.
– Погодите, – встревает Питер. – Что именно это будет означать?
Женестьева выглядит очень довольной собой.
– Одно желание, и ты обязан его исполнить. – Она похожа на злую королеву.
Глаза Крис вспыхивают, и она говорит:
– Что угодно?
– В пределах разумного, – спешу добавить я.
Это совсем не то, что я имела в виду, но народ хотя бы захотел играть.
– «Разумное» – понятие относительное, – заявляет Джон.
– Грубо говоря, Джен не может заставить Питера заняться с ней сексом в последний раз, – говорит Крис. – Все ведь тоже об этом подумали, да?
Я деревенею. Я подумала не об этом, совершенно. Но теперь думаю.
Тревор разражается смехом, а Питер его пихает. Женестьева

встряхивает головой.

– Ты *отвратительна*, Крисси.

– Я просто сказала то, о чем все думали!

Дальше я едва слушаю. Я думаю лишь о том, что хочу сыграть в эту игру и хочу победить. Хоть раз я хочу в чем-то обойти Женевьеву.

У меня есть только ручка и нет бумаги, поэтому Джон разрывает коробку из-под мороженого, и мы по очереди пишем свои имена на обрывках картона. Потом все кладут картонки в пустую капсулу времени, и я ее трясусь. Мы передаем ее по кругу, я оказываюсь последней. Я достаю обрывок картона, прижимаю его к груди и заглядываю.

ДЖОН.

Что ж, это все усложняет. Я бросаю на него взгляд. Он осторожно засовывает свой обрывок картона в карман джинсов. Прости, друг (по переписке), но тебе конец. Я быстро оглядываю всех, гадая, у кого может быть мое имя, но все делают покерные лица.

Правила гласят: твой дом – безопасная зона. Школа тоже безопасная зона, но не парковка. Как только выйдешь за дверь, ты становишься мишенью. Ты выбываешь, если до тебя дотронулись двумя руками.

Если ты отказываешься выполнить желание, то заплатишься жизнью. Это последнее условие придумывает Женевьева, и у меня мурашки идут по телу. Тревор Пайк вздрагивает и говорит:

– Девчонки ужасны.

– Нет, это девчонки в их семье ужасны, – говорит Питер, показывая на Крис и Женевьеву.

Они обе улыбаются, и в их улыбках я вижу семейное сходство. Глядя на меня искоса, Питер с надеждой говорит:

– А вот ты не ужасная. Ты милая, да?

Вдруг я вспоминаю кое-что, что мне говорила Сторми. *Не позволяй им быть слишком в тебе уверенными.* Питер уверен во мне безоговорочно. Настолько сильно, насколько это возможно.

– Я тоже могу быть ужасной, – угрожающе шепчу я, и он бледнеет, а я обращаюсь ко всем остальным: – Давайте просто поразвлечемся.

– О, это будет круто! – уверяет меня Джон.

Парень надевает на голову кепку «Ориолс» и опускает козырек.

– Игра начинается, – он ловит мой взгляд. – Если ты думала, что я хорош в Модели ООН, подожди, пока увидишь мои навыки в выслеживании цели номер один.

Я иду со всеми до их машин и слышу, как Питер предлагает Женевьеве ехать с Крис, от чего они обе отказываются.

– Разбирайтесь сами, – не выдерживает Питер. – Я хочу побыть со своей девушкой.

Женевьева закатывает глаза, а Крис стонет.

– Уф. Ладно... Залезай, – говорит она Женевьеве.

Когда машина Крис отъезжает с дорожки, Джон спрашивает Питера:

– Кто твоя девушка?

Сердце мое уходит в пятки.

– Кави. – Питер смотрит на него весело. – Ты не знал? Странно.

Теперь они оба смотрят на меня. Питер озадачен, но Джон все понимает, что бы это «все» ни значило.

Надо было ему сразу сказать. Почему я не сказала?

Вскоре все уезжают, кроме Питера.

– Так что, мы поговорим об этом? – спрашивает он, следуя за мной на кухню.

Я тащу мешок с мусором со всеми обертками от мороженого и пакетами из-под сока и отказываюсь, когда он предлагает помочь мне его донести. Я чуть не падаю, когда пытаюсь спустить мешок с лестницы, но мне все равно.

– Конечно, давай поговорим. – Я разворачиваюсь и подхожу к нему, мешок с мусором раскачивается у меня в руке, и Питер встревоженно поднимает руку. – Зачем ты привел сюда Женевьеву?

Он корчит гримасу.

– Блин, Кави, прости.

– Вы были вместе? Поэтому ты не пришел раньше, чтобы помочь мне подготовиться?

Питер колеблется.

– Да, я был с ней. Она позвонила мне в слезах, и я приехал к ней, и не мог просто взять и уйти один... потому и привел ее.

В слезах? Я никогда не видела, чтобы Джен плакала. Она не плакала, даже когда умерла ее кошка, Королева Елизавета. Наверняка она притворялась, чтобы заставить Питера остаться.

– Ты не мог просто от нее отделаться?

– Нет, – отвечает он. – На нее сейчас много дерьма навалилось. Я просто пытаюсь ее поддержать. Как друг. Не больше.

– Боже, умеет же она тобой крутить, Питер!

– Все не так.

– Всегда так. Она дергает за ниточки, и ты просто...

Я болтаю руками и головой, изображая марионетку. Питер хмурится.

– Почему ты такая злая?

– Потому что ты меня разозлил. Так что берегись.

– Но ты ведь не злая. Обычно.

– Неужели ты не можешь просто сказать мне, в чем дело? Ты же знаешь, что я никому не расскажу. Я действительно хочу все понять, Питер.

– Потому что я не вправе говорить об этом. Не пытайся заставить меня рассказать тебе, потому что я не могу.

– Она же просто тобой манипулирует. Это ведь очевидно.

Я слышу ревность в своем голосе и ненавижу себя за это. Я не такая.

Питер вздыхает.

– Между нами ничего нет. Ей просто нужен друг.

- У нее много друзей.
- Ей нужен старый друг.

Я качаю головой. Он не понимает. Девушки видят друг друга насквозь, парни никогда этого не поймут. Именно поэтому я знаю, что это лишь очередная из ее уловок. Заявиться сегодня ко мне домой было еще одним способом доказать свое превосходство.

– Кстати, о старых друзьях, – продолжает Питер. – Я не думал, что вы с Маклареном такие приятели.

Я краснею.

– Я же говорила, что мы переписываемся.

Парень поднимает брови.

– Вы переписываетесь, а он даже не знает, что мы встречаемся?

– Мы просто не говорили на эту тему.

Погодите! Это я должна на него злиться, а не наоборот. Каким-то образом весь разговор перевернулся, и теперь мне приходится оправдываться.

– В тот день, когда ты пару месяцев назад ходила на Модель ООН, я спросил тебя, видела ли ты Макларена, и ты сказала, что нет. Но сегодня он упоминал Модель ООН, и ты определенно его там видела. Разве не так?

Я сглатываю.

– Когда ты превратился в прокурора? Боже! Я видела его там, но мы даже не разговаривали. Я просто передала ему записку...

– Записку? Ты передала ему записку?

– Не от себя. От другой страны, для ООН.

Питер открывает рот, чтобы задать новый вопрос, и я быстро добавляю:

– Я об этом не упоминала, потому что это вообще не имело значения.

Скептически он говорит:

– Ты хочешь, чтобы я был с тобой честен, но сама не хочешь быть со мной честной?

– Все было не так! – кричу я.

Что здесь вообще происходит? Как наша ссора так быстро стала такой большой?

В какой-то момент никто из нас ничего не говорит. Потом Питер спокойно спрашивает:

– Ты хочешь расстаться?

Расстаться?

– Нет. – Внезапно меня начинает трясти, я вот-вот готова заплакать. – А ты?

– Нет!

– Но ты сам спросил!

– Ну и все. Никто из нас не хочет расставаться, значит, мы просто забудем об этом.

Питер опускается на кухонный стул и кладет голову на стол. Я сажусь напротив него. Он кажется таким далеким. У меня чешутся руки, чтобы дотянуться и потрогать его волосы, погладить их, чтобы эта ссора закончилась, осталась в зеркале заднего вида.

Он поднимает голову и смотрит на меня большими грустными глазами.

– Теперь мы можем обняться?

Я неуверенно киваю, мы оба встаем, и я обвиваю руки вокруг его талии. Питер крепко притягивает меня к себе. Уткнувшись мне в плечо, он приглушенно говорит:

– Давай больше никогда не будем ссориться.

Я смеюсь трясущимся голосом, который дрожит от облегчения.

– Да, пожалуйста.

И тогда он меня целует. Его губы настойчиво раздвигают мои, как будто он ищет успокоения, обещания, которое только я могу ему дать. Я целую его в ответ – *да, я обещаю, обещаю, обещаю, давай больше никогда не будем ссориться*. Я начинаю терять равновесие, и его руки крепче сцепляются вокруг меня, и он целует меня, пока у меня не заканчивается воздух.

Тем вечером мне звонит Крис:

– Выкладывай! Кто у тебя?

– Не скажу. – В прошлом я уже совершила такую ошибку, выболтав Крис слишком много, и только помогла ей проложить путь к победе.

– Да ладно! Я помогу тебе, если ты поможешь мне. Я хочу свое желание!

Сильная сторона Крис в том, что она отчаянно хочет победить, но это также ее слабость. В киллеров надо играть спокойно и расчетливо, а не рубить сгоряча. Я говорю это как человек, который наблюдал за всеми деталями, но сам никогда, конечно же, не выигрывал.

– Вдруг у тебя мое имя? К тому же я тоже хочу победить.

– Давай просто поможем друг другу в первом раунде, – не унимается Крис. – Клянусь, у меня нет твоего имени.

– Поклянись одеяльцем, которое ты не разрешаешь своей маме выбрасывать!

– Клянусь своим одеяльцем Фредериком и дважды клянусь своей новой кожаной курткой, которая стоила больше, чем моя машина. У тебя мое имя?

– Нет.

– Поклянись своей уродливой коллекцией беретов.

Я возмущенно вскрикиваю.

– Я клянусь своей очаровательной и изысканной коллекцией беретов!

И кто же у тебя?

– Тревор.

– А у меня Джон Макларен.

– Давай объединимся, чтобы их устранить, – предлагает Крис. – Наш союз будет действителен только в первом раунде, а потом каждая за себя.

Хм. Она говорит серьезно, или это ее стратегия?

– А вдруг ты врешь, чтобы меня выманить?

– Я поклялась Фредериком!

Я колеблюсь и потом говорю:

– Пришли мне фотографию бумажки с именем, и тогда я тебе поверю.

– Хорошо! А ты пришли свою.

– Ладно. Пока!

– погоди! Скажи честно. Мои волосы выглядят как дерьмо? Это ведь

неправда, да? Джен просто гнусный тролль, так ведь?

Я колеблюсь на долю секунды.

– Именно так.

Мы с Крис плюхаемся в ее машину. Мы в одном квартале от моего дома, Тревор будет проезжать здесь, чтобы срезать путь в школу, где у него тренировка по легкой атлетике. Мы припарковались на чьей-то подъездной дорожке. Крис говорит:

– Что ты хочешь пожелать, если выиграешь?

Она говорит это таким тоном, что я понимаю: она сомневается, что я выиграю.

Я думала о желании всю прошлую ночь, пытаюсь уснуть.

– В июне в Северной Каролине будет ярмарка рукоделия. Я могу заставить Питера отвезти меня. Иначе он ни за что туда не поедет. Мы можем взять фургон его мамы, чтобы было место для всех вещей и принадлежностей, которые я куплю.

– Ярмарка рукоделия? – Крис смотрит на меня, как будто я муха, залетевшая в ее машину. – Ты истратишь желание на ярмарку рукоделия?

– Эта идея так, для разминки, – вру я. – А вообще, если ты такая умная, что бы ты пожелала на моем месте?

– Я бы сделала так, чтобы Питер никогда больше не говорил с Женеьевой. Круто же, да? Скажи, я злой гений?

– Злой – да, гений – едва ли.

Крис пихает меня, и я хихикаю. Мы толкаем друг друга, но вдруг Крис замирает и говорит:

– Два сорок пять. Пора!

Крис открывает дверцу, выходит и прячется во дворе за дубом.

Во мне бурлит адреналин, когда я выскакиваю из машины Крис, хватаю велосипед Китти из багажника и везу его за несколько домов. Затем я бросаю его на землю и неуклюже ложусь сверху. Потом я достаю пузырек искусственной крови, который купила специально для этого, и выливаю немного себе на джинсы – старые джинсы, которые я собиралась отдать в благотворительный магазин. Увидев приближающуюся машину Тревора, я начинаю отчаянно всхлипывать. Из-за дерева Крис шепчет:

– Не переигрывай!

Я тут же перестаю всхлипывать и начинаю стонать.

Машина Тревора останавливается рядом со мной. Он опускает стекло.

– Лара Джин? Ты цела?

Я хнычу:

– Нет... кажется, я вывихнула лодыжку. Очень больно! Ты можешь отвезти меня домой?

Я стараюсь прослезиться, но плакать по команде гораздо сложнее, чем я думала. Я пытаюсь думать о грустном: *Титаник*, старики с альцгеймером, умирающий Джейми Фокс-Пикл, но не могу сосредоточиться.

Тревор подозрительно меня осматривает.

– Почему ты ехала на велике в этом районе?

О нет, я его теряю! Я начинаю говорить быстро, но не слишком.

– Это не мой велосипед, а моей сестренки, Китти. Она дружит с Сарой Хейли. Ты знаешь, сестра Дэна Хейли? Они живут вон там. – Я показываю на их дом. – Я везла велосипед Китти. О боже, Тревор, ты что, мне не веришь? Неужели ты меня не подвезешь?

Тревор осматривается по сторонам.

– Клянешься, что это не уловка?

Попался!

– Да! Я клянусь, что у меня нет твоего имени. Пожалуйста, помоги мне встать. Мне очень больно.

– Сначала покажи лодыжку.

– Тревор! Нельзя *увидеть* вывихнутую лодыжку.

Я хнычу и устраиваю спектакль, будто мне очень сложно встать, и Тревор наконец-то выключает двигатель и выходит из машины. Он наклоняется и ставит меня на ноги, и я наваливаюсь на него всем весом.

– Спасибо, – говорю я ему. – Видишь? Я же говорила, у меня нет твоего имени.

Тревор тащит меня за подмышки, когда Крис подкрадывается к нему из-за плеча, как ниндзя. Она набрасывается на него, выставив обе руки, и с силой хлопает его по спине.

– Попался! – ликует она.

Тревор вздрагивает и роняет меня, и я едва не падаю по-настоящему.

– Черт! – вскрикивает он.

Крис радостно восклицает:

– Ты труп, неудачник!

Мы хлопаем друг друга по ладони и обнимаемся.

– Обязательно радоваться прямо у меня перед носом? – бормочет он.

Крис протягивает руку.

– А теперь давай, давай сюда.

Вздыхая, Тревор качает головой и говорит:

– Поверить не могу, что купился на это, Лара Джин.

Я хлопаю его по спине.

– Прости, Тревор.
– А если бы у меня было твоё имя? – спрашивает он меня. – Что бы ты тогда стала делать?

Хм. Я об этом не подумала. Я бросаю Крис обвиняющий взгляд.
– Погоди-ка! Что, если бы у него было моё имя?
– Это риск, на который необходимо было пойти, – отвечает она невозмутимо. – Ну что, Трев, какое ты собирался загадать желание?
– Ты не обязан рассказывать, если не хочешь, – предупреждаю я его.
– Я собирался попросить билеты на футбольный матч Университета Вирджинии. У отца Макларена абонемент на весь сезон! Черт тебя подери, Крис.

Мне становится его жалко.
– Может, он все равно тебя возьмет. Ты спроси...
Тревор тянет руку в карман, достает бумажник и протягивает Крис согнутый обрывок картона. Прежде чем она успевает его открыть, я быстро говорю:

– Не забывай, если там моё имя, ты не можешь меня убить. Здесь демилитаризованная зона.

Крис кивает, разворачивает картонку и усмехается.
Мое терпение на исходе.
– Это я?

Крис кладет картонку в карман.
– Если это я, ты не можешь меня убить! – Я начинаю пятиться от нее. – Мы договорились союзничать в первом раунде, а ты еще не помогла мне с моей жертвой.

– Знаю, знаю. Там не твоё имя.
Я не убеждена. Однажды ей уже удалось так меня обдурить. Когда дело касается игры, ей нельзя доверять. Я должна была это запомнить. Вот почему я всегда проигрываю: я слишком недалёковидная.

– Лара Джин! Я же сказала, у меня нет твоего имени.
Я качаю головой.

– Садись в машину, Крис. Я поеду домой на велосипеде Китти.

– Ты серьезно?
– Да. В этот раз я планирую выиграть.

Крис пожимает плечами.
– Как хочешь. Но я не смогу помочь тебе с твоей жертвой, если ты мне не доверяешь.

– Ну и ладно, – отвечаю я, перекидывая ногу через велосипед Китти.

Пока одного из нас не выведут из игры, мы с Питером можем говорить только по телефону или в школе. И это буду не я. Я веду себя сверхосторожно. Я сама езжу в школу и обратно. Я оглядываюсь по сторонам прежде, чем выйти из машины, и пулей бегу к входной двери. Китти я завербовала в разведчики: она первой выходит из машины или из дома, чтобы удостовериться, что горизонт чист. Я уже пообещала ей долю своего выигрыша, каким бы он ни был.

Пока я играю только в защите. Я еще не пыталась вывести Джона Макларена. И не потому, что я боюсь. По крайней мере, не игры. Я просто не знаю, что ему сказать. Мне неловко. Хотя, может, мне и не придется ничего говорить. Может, я слишком много о себе возомнила, решив, что он во мне заинтересован.

После обеда Крис бежит через весь коридор и резко тормозит, когда видит меня с Лукасом на полу у наших шкафчиков. Сегодня мы делим виноградный фруктовый лед. Крис садится с нами.

– Я вылетела, – заявляет она.

Я ахаю.

– Кто тебя осалил?

– Чертов Джон Макларен! – Она выхватывает лед у Лукаса из рук и доедает его в один укус.

– Нахалка! – вскрикивает Лукас.

– Рассказывай все! – тороплю ее я.

– Джон осалил меня утром, по пути в школу. Я остановилась на заправке, и, стоило мне отвернуться, как он выскочил из машины. Я даже не заметила, что он за мной следил!

– погоди, а как он узнал, что ты остановишься на заправке? – спрашивает Лукас.

Он знает о нашей игре. Это может пригодиться, когда придет время устранять Женевьеву, потому что они живут по соседству.

– Он выкачал бензин из моего бака!

– Ого! – восхищаюсь я.

Мне тепло на сердце от того, что Джон так серьезно подошел к делу. Я беспокоилась, что никто не захочет играть, но, похоже, все включились. Интересно, какое у Джона желание? Наверное, что-то хорошее, раз он так старается.

– Это круто, – кивает Лукас.

– Я даже злиться на него не могу, настолько это гениально! – Крис смахивает волосы с лица. – Мне только обидно, что теперь я не смогу заставить Джен отдать мне бабушкину машину.

Лукас выпячивает глаза.

– Это было твое желание? *Машина?*

– Эта машина имеет для меня сентиментальную ценность, – объясняет Крис. – По воскресеньям бабушка возила меня в ней с собой в салон красоты. Она по праву принадлежит мне, но Джен настроила бабушку против меня.

– Что это за машина? – интересуется Лукас.

– Старый «Ягуар».

– Какого цвета?

– Черного.

Если б я не знала Крис так хорошо, я бы подумала, что она вот-вот расплачется. Я обнимаю ее одной рукой.

– Хочешь, куплю тебе мороженого?

Крис мотает головой.

– Я сегодня собираюсь надеть короткий топ. Не хочу, чтобы живот торчал.

– Если ты выбыла, кто теперь у Джона? – спрашивает Лукас.

– Кавински, – отвечает Крис. – Я не могла до него добраться, потому что он постоянно с чертовой Джен, и я была абсолютно уверена, что мое имя у нее. – Она смотрит на меня. – Прости, Эл-Джи.

Лукас и Крис глядят на меня полными жалости глазами.

Если у Крис был Питер, и Джон ее устранил, значит, Питер теперь у Джона. Это значит, что я либо у Питера, либо у Женевиьевы. И, так как Джон у меня, значит, у одного из них кто-то другой, а значит, они действуют заодно. А это значит, что они доверяют друг другу и сказали друг другу, кто им достался.

Сглатывая, я говорю:

– Я с самого начала знала, что они остались друзьями. И у Джен сейчас тяжелый период, вы в курсе?

– Что еще за период? – спрашивает Крис, слишком высоко задрав одну бровь.

– Питер говорит, семейные проблемы. – Однако ее лицо ничего не выражает. – Значит, ты ничего не слышала?

– Ну да, на прошлой неделе она странно вела себя на дне рождения тети Венди. Была большей стервой, чем обычно. За весь вечер ни с кем и

словом не обмолвилась. – Крис пожимает плечами. – Возможно, что-то и происходит, но я не знаю что. – Она сдувает волосы с лица. – Черт! Поверить не могу, что не получу машину.

– Я отомщу Джону Макларену за тебя, – клянусь я. – Твоя смерть не будет напрасной.

Она смотрит на меня осуждающе.

– Если бы ты раньше его вывела, этого бы не случилось.

– Он живет в получасе отсюда! Я даже не знаю, как доехать до его дома.

– Не важно, я все равно частично виню тебя. – Звенит звонок, и Крис встает. – До скорого, *чики!*

Она идет по коридору в противоположную сторону от класса, где будет следующий урок.

А Лукас встает на ноги и протягивает мне руку, чтобы помочь встать. Настоящий джентльмен.

Это мой первый официальный пятничный вечер в Бельвю, и все идет... не так хорошо, как я надеялась. От начала прошло уже полчаса, а пришли пока только Сторми, мистер Моралес, Алисия и Нельсон, у которого «альцгеймер», и его сиделка привела его сюда, чтобы сменить обстановку. Тем не менее он одет в щегольскую синюю спортивную куртку с медными пуговицами. Когда всем руководила Марго, народу приходило тоже не так много. Миссис Магуайр была постоянным посетителем, но в прошлом месяце она переехала в другой дом престарелых, а миссис Монтеро умерла на праздниках. Но я обещала Джанетт, что внесу новую жизнь в пятничные вечера, и что в итоге вышло? Меня охватывает чувство тревоги, потому что, если Джанетт узнает о такой низкой посещаемости, она вообще отменит пятничные вечера, а у меня появилась классная идея для следующего – военная вечеринка. Если сегодня все провалится, она не разрешит мне ее устроить. Да и вообще, когда на твою вечеринку приходит четыре человека, один из которых спит, это полный провал. Сторми либо не замечает этого, либо ей все равно, она просто поет и играет на пианино. Как говорится, шоу должно продолжаться.

Я пытаюсь чем-то себя занять, сохранять улыбку на лице. Ля-ля-ля, все замечательно! Я выстроила стеклянную посуду аккуратными рядами, чтобы было похоже на настоящий бар. Многие я принесла из дома: нашу единственную хорошую скатерть (без заметных пятен, недавно выглаженную), небольшую вазу-бутон, которую я ставлю рядом с тарелкой печенья с арахисовым маслом (сначала я сомневалась насчет арахисового масла из-за аллергий и всего такого, но потом вспомнила, что у старых людей редко бывает пищевая аллергия); серебряное ведерко для льда с выгравированными инициалами мамы и папы, и подходящую под него серебряную миску, куда положила нарезанные лимоны и лаймы.

Я прохожусь по всему зданию, стучась в двери самых активных постояльцев, но большинства нет дома. Видимо, если ты активный, ты не будешь сидеть в квартире в пятницу вечером.

Я высыпаю соленый арахис в хрустальную миску в форме сердца (вклад Алисии, которая принесла ее из своих запасов вместе с щипцами для льда), когда в комнату заходит Джон Абмроуз Макларен в светло-голубой оксфордской рубашке и синей спортивной куртке, почти такой же, как у Нельсона. Я чуть не вскрикиваю во весь голос. Прижимая руки ко рту, я

резко опускаюсь на пол, прячась за столом. Если он меня увидит, то может убежать. Не знаю, что он здесь делает, но это идеальная возможность его устранить. Скрючившись за столом, я перебираю в голове варианты.

А затем пианино перестает звучать, и я слышу голос Сторми:

– Лара Джин? Лара Джин, где ты? Вылезай из-под стола. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Я медленно встаю на ноги. Джон Макларен пялится на меня.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он, поправляя воротник рубашки так, будто она его душит.

– Я работаю здесь волонтером, – отвечаю я, все еще сохраняя безопасную дистанцию. Не хочу его спугнуть.

Сторми хлопает в ладоши.

– Вы что, знакомы?

– Мы друзья, бабуль, – говорит Джон. – Раньше мы жили в одном районе.

– Сторми – твоя бабушка?

Мой разум взрывается. Значит, Джон и есть внук, с которым она хотела меня свести? Из всех домов престарелых во всех городах всего мира! *Мой внук похож на молодого Роберта Редфорда.* Похож. Еще как похож.

– Она моя сводная прабабушка, – говорит Джон.

Сторми в ужасе оглядывается по сторонам.

– Тихо! Я не хочу, чтобы все знали, что ты мой пра-чего-то там.

Джон говорит тише.

– Она была второй женой моего прадедушки.

– Мой любимый из всех мужей! – говорит Сторми. – Да упокой Господь душу этого старого стервятника.

Она переводит взгляд с Джона на меня.

– Джонни, будь лапушкой, принеси мне водку с содой, и лимонов побольше.

Она снова садится за пианино и начинает играть «Когда я влюбляюсь».

Джон направляется ко мне, и я тычу в него пальцем:

– Стой где стоишь, Джон Амброуз Макларен! У тебя мое имя?

– Нет! Клянусь! У меня... я не скажу, кто у меня, – он делает паузу. – Погоди-ка! У тебя мое имя?

Я качаю головой, невинно, как маленький заблудившийся ягненок. Он все еще смотрит на меня с подозрением, так что я занимаю себя, смешивая Сторми коктейль. Я знаю, что она любит. Я бросаю три кубика льда, наливаю четверть стакана водки и немного содовой. Затем я выжимаю три дольки лимона и бросаю их в стакан.

- Вот, – говорю я, протягивая Джону напиток.
 - Поставь его на стол, – осторожничает он.
 - Джон! Я же сказала, у меня нет твоего имени!
- Он качает головой.
- На стол.

Я ставлю стакан.

– Поверить не могу, что ты меня боишься! Я помню тебя доверчивым парнем, который видит в людях только хорошее.

Но Джон не позволяет себя одурачить:

- Просто... оставайся на своей стороне стола.

Черт. И как мне его устранить, если он весь вечер будет держать меня на расстоянии трех метров?

– Ну и пожалуйста, – отвечаю я беззаботно. – Тебе я тоже не до конца верю. Уж очень подозрительно, что ты здесь объявился именно сейчас.

- Сторми уговорила меня прийти.

Я поворачиваю голову в направлении Сторми. Она все еще играет на пианино, поглядывая на нас с широкой улыбкой.

Мистер Моралес проскальзывает в бар и говорит:

- Можно пригласить вас на танец, Лара Джин?

– Можно, – соглашаюсь я. А Джона предупреждаю: – Не вздумай подходить ко мне ближе!

Пока мистер Моралес ведет меня в медленном танце, я прячу лицо в его плечо, чтобы скрыть улыбку. Из меня получается отличный шпион. Джон Макларен сидит на диванчике, слушает, как играет Сторми, и болтает с Алисией. Он именно там, где он мне нужен. Я не могу поверить в такое везение. На следующей неделе я собиралась ехать на Модель ООН, но это гораздо лучше.

Я собираюсь подкрасться к нему сзади, застав его врасплох, но вдруг Сторми встает и заявляет, что ей нужен перерыв от пианино и она хочет потанцевать с внуком. Я иду включить стерео и ставлю диск, который мы выбрали для ее перерыва.

Джон протестует:

- Сторми! Я же говорил, что не танцую!

Он все время пытался сказать, что болен, когда на физкультуре у нас были упражнения под музыку – настолько он это ненавидит.

Сторми, разумеется, не слушает. Она стаскивает внука с диванчика и пытается научить его фокстроту.

– Положи руку мне на талию, – приказывает она. – Я надела каблуки не для того, чтобы весь вечер просидеть за пианино.

Сторми пытается научить его шагам, но он продолжает наступать ей на ноги.

– Ой! – кричит она.

Я не могу перестать хихикать. Мистер Моралес тоже. Танцующей походкой он подходит ближе.

– Можно мне разбить пару? – спрашивает он.

– Да, прошу вас! – Джон практически толкает Сторми в руки мистера Моралеса.

– Джонни, будь джентльменом, пригласи Лару Джин на танец, – говорит Сторми, пока мистер Моралес ее закручивает.

Джон испытующе смотрит на меня, и я чувствую, что он до сих пор подозревает, что у меня его имя.

– Пригласи ее на танец, – настаивает мистер Моралес, улыбаясь мне. – Она хочет потанцевать. Ведь хочешь, Лара Джин?

Я грустно пожимаю плечами. Задумчиво. Истинное воплощение девушки, которая только и ждет, чтобы ее пригласили на танец.

– Я хочу посмотреть, как танцует молодежь! – кричит Норман.

Джон Макларен смотрит на меня, подняв бровь.

– Если мы просто будем качаться взад-вперед, я, возможно, даже не наступлю тебе на ногу.

Я изображаю сомнение, а затем киваю. Мой пульс ускоряется. Цель взята.

Мы делаем шаг друг к другу, и я обвиваю руки вокруг его шеи, а он обнимает меня за талию, и мы качаемся, не попадая в музыку. Я невысокая, едва ли метр шестьдесят, а в нем – все сто восемьдесят, но с моими каблуками мы получаемся подходящими партнерами для танца. С другого конца зала Сторми понимающе мне улыбается, но я делаю вид, что не вижу ее. Наверное, нужно действовать и устранить его, пока он не сбежал, но постояльцам так нравится смотреть, как мы танцуем. Ничего страшного не случится, если я подожду несколько минут.

Пока мы качаемся, я вспоминаю танцы в восьмом классе, как все разбились на пары, а меня никто не пригласил. Я думала, что мы с Женевающей поедем вместе, но потом она сказала, что их отвезет мама Питера, и они сначала пойдут в ресторан, как на настоящее свидание, и будет неловко, если я буду третьей лишней. В итоге она пошла с Питером, а Джон – с Сабриной Фокс. Я надеялась, что Джон Макларен пригласит меня на медленный танец, но он этого не сделал. Он ни с кем не танцевал. Единственным парнем, кто действительно танцевал, был Питер. Он всегда был лучшим среди тех, кто считался классным танцором.

Рука Джона лежит у меня на спине и ведет меня, и я думаю, что он совсем забыл об игре. Теперь он у меня на прицеле.

– У нас не так уж и плохо получается, – говорю я ему.

Песня уже проиграла наполовину. Пора переходить к делу. *Тебе конец через пять, четыре, три, две...*

– Так значит... ты и Кавински, да?

Он полностью меня отвлек, и я моментально забыла об игре.

– Да...

– Я удивился тому, что вы вместе, – откашлявшись, продолжает он.

– Почему? Потому что я не в его вкусе?

Я говорю это непринужденно, будто это ерунда, незначительный факт, но он жалит, как острый камушек, брошенный мне прямо в сердце.

– Нет, ты в его вкусе.

– Тогда почему?

Я почти уверена, что Джон скажет «потому что я не думал, что он в *твоем* вкусе», так же, как сказал Джош. Он отвечает не сразу.

– В тот день, когда ты пришла на Модель ООН, я пытался догнать тебя на парковке, но тебя уже не было. Потом я получил твое письмо и написал ответ, и ты написала, а потом пригласила меня в домик на дереве. Я просто не знал, что думать. Понимаешь, о чем я?

Он смотрит на меня выжидающе, и я чувствую, что мне важно сказать «да». Кровь приливает к лицу, я слышу стук в ушах и не сразу понимаю, что это звук моего бешено колотящегося сердца. Но мое тело все еще танцует.

Он продолжает:

– Может, было глупо так думать, потому что все это было так давно.

Все это? Я хочу знать, что все, но спрашивать будет неправильно.

– Я вспомнила один случай, – внезапно говорю я.

– Какой?

– Как однажды у Тренора порвались шорты, когда вы играли в баскетбол. Все так сильно смеялись, что Тревор начал сердиться. Но не ты. Ты сел на велосипед, сгонял домой и принес Тревору свои шорты. Меня это очень поразило тогда.

Он слегка улыбается.

– Спасибо.

Потом мы оба замолкаем, продолжая танцевать. С ним легко просто молчать.

– Джон?

– М-м?

Я смотрю на него.

– Я должна тебе кое-что сказать.

– Что?

– Ты у меня. В смысле, у меня твое имя. В игре.

– Серьезно? – Джон выглядит искренне разочарованным, от чего я чувствую себя виноватой.

– Серьезно. Прости, – я кладу руки ему на плечи. – Ты убит.

– Что ж, теперь у тебя Кавински. Мне, правда, не терпелось самому его убрать. Я уже целый план разработал и все такое.

– Что за план? – с жаром спрашиваю я.

– С чего я буду делиться им с девчонкой, которая только что меня убила? – говорит он с вызовом, но не серьезно, просто для виду, и мы оба знаем, что он все мне расскажет.

Я подыгрываю:

– Ну же, Джонни, я не просто девчонка, которая тебя убила. Я твой друг по переписке.

Джон посмеивается.

– Ладно, ладно. Я тебе помогу.

Песня заканчивается, и мы отходим друг от друга.

– Спасибо за танец, – говорю я.

После стольких лет я наконец-то знаю, каково это, танцевать с Джоном Амброузом Маклареном.

– Что бы ты попросил, если б выиграл?

Он ни на секунду не сомневается.

– Твой шоколадный торт с арахисовой пастой с моим именем, написанным разноцветными драже.

Я смотрю на него в изумлении. *Таким* было его желание? Он мог попросить о чем угодно, но хотел мой торт? Я делаю реверанс.

– Я польщена.

– Ну, это был действительно очень вкусный торт, – говорит Джон.

Несколько дней спустя, когда мы с Питером болтаем по телефону, он внезапно спрашивает:

– У тебя мое имя, да?

– Нет!

Я не говорила ему, что на выходных вывела Джона из игры. Я не хочу, чтобы у него и у Женеьевы, раз уж на то пошло, была какая-либо дополнительная информация. Теперь нас осталось трое.

– Значит, у тебя я. – Он издает стон. – Я больше не хочу играть в эту игру. От нее мне одиноко и... грустно. Я уже неделю не видел тебя за пределами школы! Когда все это кончится?

– Питер, у меня нет твоего имени. У меня Джон. – Я чувствую себя немного виноватой, обманывая его, но так играют победители. Нельзя в себе сомневаться.

На другом конце трубки тишина. Потом он говорит:

– Так ты поедешь к его дому, чтобы его устранить? Он живет черт знает где. Я могу тебя отвезти, если хочешь.

– Я еще не составила план игры, – говорю я. – А у тебя кто?

Это должна быть либо я, либо Женеьева. Питер молчит.

– Я не скажу.

– Ладно, а ты кому-нибудь говорил?

Например, Женеьеве?

– Нет.

Хм.

– Ладно, что ж, а я тебе только что сказала, так что мог бы ответить тем же.

Питер бесится:

– Я тебя не просил, ты сама выдала эту информацию. И вообще, если ты соврала и у тебя мое имя, то просто устрани меня уже наконец! Умоляю! Приезжай прямо сейчас, и я позволю тебе прокрасться ко мне в комнату. Я готов стать для тебя легкой мишенью, если это значит, что я снова тебя увижу.

– Нет.

– Нет?

– Нет, я не хочу так выигрывать. Когда у меня будет твое имя, я хочу победить тебя честно и справедливо. Моя первая победа в киллерах не

может быть подставой. – Я делаю паузу. – И к тому же твой дом – безопасная зона.

Питер раздраженно вздыхает.

– Ты хотя бы придешь в пятницу на матч по лакроссу?

Матч по лакроссу! Идеальное место, чтобы его устранить. Я стараюсь сохранять ровный и спокойный голос, когда говорю:

– Я не смогу прийти. У папы свидание, и ему нужно, чтобы я присматривала за Китти.

Это ложь, но Питер этого не знает.

– Так возьми ее с собой. Она давно просилась посмотреть, как я играю.

Я быстро соображаю.

– Нет, потому что у нее после школы урок фортепиано.

– С каких пор Китти играет на фортепиано?

– С недавних, вообще-то. Она услышала от соседки, что это помогает тренировать щенков, успокаивает их. – Я закусываю губу. Неужели он купится? И спешу добавить: – Обещаю, на следующую игру я приду, что бы ни случилось.

Питер стонет, на этот раз еще громче.

– Ты меня убиваешь, Кави!

Скоро убью, дорогой мой Питер.

Я сделаю ему сюрприз на игре. Я вся облачусь в цвета нашей школы, даже нарисую на лице его номер. Он будет так рад меня видеть, что ничего не заподозрит.

Я не могу до конца объяснить, почему игра в киллеров так для меня важна. Я только знаю, что с каждым днем я жажду победы все больше и больше. Да, я хочу обыграть Женевьеву, но дело не только в этом. Может, я хочу доказать, что тоже изменилась: я не маленькая мягкая зефирка, я тоже умею драться.

Когда мы с Питером прощаемся, я пишу Джону о своем плане, и он предлагает отвезти меня на игру, которая будет проходить в его школе. Я спрашиваю, не против ли он ехать за мной в такую даль, и он отвечает, что увидеть, как я устраню Кавински, стоит того. Это хорошо, потому что последнее, что мне нужно, – это заблудиться по дороге.

В пятницу после уроков я спешу домой, чтобы подготовиться. Я облачаюсь в цвета школы: светло-голубая футболка, белые шорты, гольфы в бело-голубую полоску, голубая лента в волосах. Я рисую на щеке большую цифру 15 и обвожу ее белым карандашом для глаз.

Как только Джон подъезжает к дому, я выбегаю на улицу. На нем поблекшая кепка «Ориолс», опущенная на глаза. Он осматривает меня, пока я залезаю в машину.

– Ты похожа на болельщицу, – усмехается он.

Я бью его по козырьку кепки.

– Тем летом ты носил эту бейсболку каждый день.

Отъезжая от дома, Джон улыбается, как будто у него есть секрет. Это заразно. Теперь я тоже улыбаюсь, и даже не знаю почему.

– Что? Ты чего улыбаешься? – спрашиваю я, подтягивая гольфы.

– Ничего, – отвечает он.

Я тычу его в бок.

– Рассказывай!

– В начале лета мама просто ужасно меня постригла, и мне было стыдно ходить с такой прической. После этого я больше не подпускал маму к своим волосам. – Парень смотрит на часы на приборной панели. – Во сколько начинается игра? В пять?

– Да! – Я не смогу сидеть спокойно. Я в нетерпении. Питеру понравится сюрприз. Он будет гордиться мной – сомнений нет.

Мы доезжаем до школы Джона за полчаса, и до того как приедет школьный автобус, еще остается время, поэтому Джон бежит внутрь, чтобы купить нам что-нибудь в автомате с закусками. Он возвращается с двумя банками газировки и пакетом чипсов.

Не успевает он вернуться, как большой черный парень в форме для лакросса подбегает к машине. Он кричит:

– Макларен!

Парень нагибается к стеклу, они с Джоном ударяются кулаками.

– Ты идешь после игры к Данике? – спрашивает он.

Джон бросает на меня взгляд и бормочет:

– Не, не могу.

Тогда его друг меня замечает, его глаза расширяются.

– А это кто?

– Я Лара Джин, я здесь не учусь, – отвечаю я, что глупо, потому что он, скорее всего, и так догадался.

– Ты Лара Джин! – кивает он оживленно. – Я о тебе слышал! Это из-за тебя Макларен начал тусоваться в доме престарелых?

Я краснею, а Джон непринужденно смеется.

– Вали отсюда, Эйвери.

Эйвери перегибается через Джона и жмет мне руку.

– Рад знакомству, Лара Джин. Еще увидимся.

И он убегает к полю. Пока мы сидим и ждем, еще несколько ребят подходят к Джону поздороваться, и все именно так, как я себе представляла: у него много друзей, и девчонки им восхищаются. Несколько девушек проходят мимо машины, к полю, и одна из них пристально смотрит прямо на меня, в ее глазах немой вопрос. Джон этого не замечает. Он спрашивает меня, какие я смотрю сериалы, что я буду делать на весенних каникулах, какие у меня планы на лето. Я рассказываю ему, что папа хочет поехать в Корею.

– У меня есть забавная история о твоём папе, – говорит Джон, искоса глядя на меня.

– О нет! – стону я. – Что он сделал?

– Не он, а я. – Джон кашляет. – Это очень неловко.

Я потираю руки в предвкушении.

– В общем, я пошел к тебе домой, чтобы пригласить тебя на танцы в восьмом классе. У меня был целый глобальный план.

– Но ты не приглашал меня на танцы!

– Да, до этого я сейчас дойду. Дашь мне рассказать историю или нет?

– У тебя был целый глобальный план, – повторяю я.

Джон кивает.

– В общем, я собрал кучу веток и цветов, чтобы составить из них слово «Танцы?» у тебя под окном. Я уже наполовину закончил, когда твой отец вернулся домой, и он решил, что я из тех, кто чистит чужие дворы, чтобы немного подзаработать. Он дал мне десять баксов. Я не выдержал и ушел домой.

Я смеюсь.

– Я... поверить не могу, что ты это сделал.

Неужели это почти со мной случилось? Я почти узнала, что чувствуешь, когда парень делает для тебя нечто подобное. За всю историю моих писем, моих влюбленностей ни разу я не нравилась тому же парню, который нравился мне. Я была одна, томилась от любви, и все было нормально, так было безопаснее. Но это что-то новое. Или старое. Старое и новое, потому что я слышу об этом впервые.

– Самое большое сожаление восьмого класса, – вздыхает Джон, и тогда я вспоминаю, как Питер однажды сказал, что больше всего Джон жалеет о том, что не позвал меня на танцы. Я тогда обрадовалась, услышав это, но Питер тут же пошел на попятную и сказал, что пошутил.

И вот подъезжает школьный автобус.

– Шоу начинается! – говорю я.

У меня кружится голова, пока мы смотрим, как игроки выходят из

автобуса. Я вижу Гейба, Деррела, но не Питера. Вот уже вышел последний человек, а Питера так и нет.

– Странно...

– Может, он поехал на своей машине? – спрашивает Джон.

Я качаю головой.

– Он так никогда не делает.

Я вытаскиваю телефон из сумки и пишу ему.

Где ты?

Нет ответа. Что-то не так. Я знаю. Питер никогда не пропускает игру. Он играл, даже когда болел гриппом.

– Я сейчас вернусь, – говорю я Джону, выпрыгиваю из машины и бегу к полю.

Ребята разминаются. Я нахожу Гейба на боковой линии, он зашнуровывает бутсы.

– Гейб! – кричу я.

Он смотрит на меня, удивленный.

– Лардж? Привет!

Задыхаясь, я спрашиваю его:

– Где Питер?

– Не знаю, – отвечает он, почесывая затылок. – Он сказал тренеру, что у него семейные проблемы. Должно быть, так оно и есть. Кавински не пропустил бы игру, не будь это что-то важное.

Я уже бегу обратно к машине. Как только я сажусь, я выдыхаю:

– Отвезешь меня к дому Питера? – выдыхаю я, захлопывая дверцу.

Сначала я вижу ее машину. Она припаркована на улице напротив его дома. А потом я вижу их двоих, они стоят на улице у всех на виду. Его руки обвились вокруг нее, она навалилась на него, как будто не может стоять на ногах. Лицом она зарылась ему в грудь. Он что-то говорит ей на ухо, нежно гладя ее по волосам.

Все это происходит за долю секунды, но такое чувство, что время замедляется, как будто я двигаюсь под водой. Кажется, я перестаю дышать. Голова кружится, перед глазами все расплывается. Сколько раз я уже видела, как они вот так стоят? Столько, что не сосчитать.

– Езжай дальше, – с трудом говорю я Джону, и он слушается.

Он проезжает мимо дома Питера, они даже не поднимают головы. Слава богу, что они нас не видели.

– Можешь отвезти меня домой? – прошу я.

Я даже смотреть не могу на Джона. Мне не нравится, что он тоже это видел.

– Может, это не... – начинает Джон, но потом останавливается. – Они просто обнимались, Лара Джин.

– Я знаю.

Что бы то ни было, он пропустил игру ради нее.

Мы почти подъезжаем к моему дому, когда Джон наконец-то спрашивает:

– Что ты будешь делать?

Я думала об этом всю дорогу.

– Попрошу Питера зайти сегодня, а потом выведу его из игры.

– Ты все еще играешь? – спрашивает он удивленно.

Я смотрю в окно на так хорошо знакомые места.

– Конечно. Я уберу его, а потом уберу Женевьеву, и я выиграю.

– Почему ты так сильно хочешь выиграть? – спрашивает он. – Все дело в награде?

Я ему не отвечаю. Если я открою рот, я расплачусь.

Мы подъезжаем к дому. Я бормочу:

– Спасибо, что подвез. – И выхожу из машины прежде, чем Джон успевает ответить.

Я бегу домой, срываю ботинки и бегу наверх в свою комнату, где падаю на кровать и смотрю в потолок. Много лет назад я обклеила его светящимися в темноте звездами, но они все уже отвалились, кроме одной, которая держится крепко, как сталактит.

«Звезда моя, звезда небес, сверкающая ярче молний, увидев свет твой, я прошу мое желание исполнить». Я желаю не плакать.

Я пишу Питеру:

Заходи, когда закончишь тусоваться с Женевьевой.

Он отвечает:

О'кей.

Просто «о'кей». Ничего не отрицая, не оправдываясь и не объясняя. Все это время я его защищала. Я доверяла Питеру и не доверяла собственной интуиции. Почему я шла на уступки, делая вид, что меня устраивает то, что на самом деле меня не устраивает? Только чтобы

удержать его?

В контракте мы обещали всегда говорить друг другу правду. Мы договорились не разбивать друг другу сердце. Так что, полагаю, Питер нарушил сразу два пункта.

Мы с Питером сидим у меня на крыльце. Я слышу, как в гостиной работает телевизор: Китти смотрит фильм. Между нами воцаряется нескончаемо долгая тишина, слышен лишь стрекот сверчков.

Он заговаривает первым:

– Все не так, как ты думаешь, Лара Джин. Правда, не так.

Я отвечаю не сразу, пытаюсь собраться с мыслями, нанизать их на ниточку, выстроить в логическую цепочку.

– Пока тебя не было в моей жизни, я была счастлива просто сидеть дома с папой и сестрами. Мне было уютно. А потом мы стали проводить время вместе, и это было... ты будто вытащил меня в реальный мир. – От этих слов его взгляд смягчается. – Сначала было страшно, но потом мне это понравилось. Часть меня хочет всегда быть рядом с тобой. Я бы запросто смогла так жить. Смогла бы любить тебя вечно.

Он пытается скрыть волнение.

– Тогда в чем проблема?

– Я не могу. – Мой голос дрожит, я вздыхаю. – Я видела вас вдвоем. Ты обнимал ее, она была в твоих руках. Я все видела.

– Если бы ты видела все, то ты бы знала, что все совсем не так, как ты думаешь, – начинает он, а я просто смотрю на него, и его лицо вытягивается. – Да брось! Не смотри на меня так.

– Я ничего не могу с собой поделать. Сейчас я могу смотреть на тебя только так.

– Сегодня я был нужен Джен, поэтому остался ее поддерживать. Только как друг.

– Это бесполезно, Питер. Она застолбила тебя уже очень давно, и для меня просто нет места.

Мои глаза затуманивают слезы. Я вытираю их рукавом куртки. Я больше не могу находиться рядом с ним. Мне слишком больно даже просто смотреть на него.

– Знаешь, я заслуживаю лучшего. Я достойна... я достойна быть чьей-то девушкой номер один.

– Ты и есть.

– Нет, это не так. Это она. Ты упрямо защищаешь ее и ее секрет, каким бы он ни был. И от чего, интересно? От меня? Я-то что ей сделала?

Он беспомощно взмахивает руками.

– Ты забрала меня у нее. Ты стала самым важным для меня человеком.
– Но я такой себя не чувствую. Вот в чем проблема. Это она самый важный для тебя человек.

Он фыркает и пытается это отрицать, но все бесполезно. Как я могла ему верить, когда правда прямо передо мной?

– Знаешь, почему я считаю, что она – самый важный для тебя человек? Потому что ты всегда выбираешь ее.

– Чушь собачья! – взрывается Питер. – Когда я узнал, что она сняла то видео, я сказал ей, что если она еще хоть раз что-то тебе сделает, то больше никогда меня не увидит.

Питер продолжает говорить, но я больше не слышу ни слова, слетающего с его губ.

Он знал.

Он знал, что это Женестьева выложила видео; он знал, но не сказал мне.

Питер замолкает и пристально смотрит на меня.

– Лара Джин? В чем дело?

– Ты знал?

Он бледнеет.

– Нет! Все не так, как ты думаешь. Я знал не с самого начала.

Я облизываю губы и сжимаю их.

– Значит, в какой-то момент ты узнал правду и не сказал мне? – Мне тяжело дышать. – Ты знал, как я была расстроена, но все равно защищал ее, а потом ты узнал правду и ничего мне не сказал?

– Дай мне объяснить! – Питер говорит так быстро, что почти проглатывает слова. – Я только недавно узнал, что это Джен стоит за историей с видео. Я надавил на нее, она сломалась и во всем призналась. В тот вечер, в лыжной поездке, она видела нас в джакузи и сняла на видео. Это она отправила его Анонимке и включила его на собрании.

Я знала это, но позволила себе согласиться с Питером и делать вид, что я не знала того, что знала. И зачем? Ради него?

– Ее достало все дерьмо, что происходит у нее в семье, и она дико ревновала и поэтому выместила злость на нас с тобой.

– Да? И что же такого происходит у нее в семье? – спрашиваю я, но не жду ответа. Я знаю, что он мне не расскажет. Я спрашиваю, чтобы доказать свою правоту.

Он выглядит огорченным.

– Ты же знаешь, что я не могу тебе рассказать. Зачем ты продолжаешь ставить меня в положение, когда я вынужден тебе отказывать?

– Ты сам поставил себя в такое положение. У тебя ее имя, да? В игре.

У тебя ее имя, а у нее – мое.

– Да кого волнует эта идиотская игра? Кави, мы говорим о нас с тобой.

– Меня волнует эта идиотская игра!

В первую очередь Питер верен ей, и лишь потом мне. Сначала Женевьева, а я потом. Такие дела. И так было всегда. И меня это достало. В моей голове что-то щелкает. Внезапно я его спрашиваю:

– А что Женевьева делала рядом с джакузи в тот вечер? Все ее друзья были в комнате отдыха.

Питер моргает.

– Какая разница?

Я вспоминаю тот вечер в горах. Как он удивился, увидев меня. Даже испугался. Он меня не ждал. Он ждал ее. И сейчас ждет.

– Если бы я тем вечером не пришла извиниться, ты бы поцеловал ее?

Он отвечает не сразу.

– Не знаю.

Эти слова подтверждают мои догадки. Лишают меня воздуха.

– Если я выиграю... знаешь, что я хочу пожелать?

Не говори этого, не говори. Не говори того, чего не сможешь вернуть.

– Я хочу пожелать никогда тебя больше не видеть.

Слова эхом отдаются у меня в голове, в воздухе.

Он резко вдыхает, его глаза сужаются, губы сжимаются. Я причинила ему боль. Я этого хотела? Думаю, да, но теперь, глядя на его лицо, я не уверена.

– Тебе не обязательно побеждать в игре, чтобы твое желание исполнилось, Кави. Ты можешь получить его прямо сейчас, если захочешь.

Я наклоняюсь и кладу две руки ему на грудь. В глазах у меня слезы.

– Ты убит. Кто у тебя был?

Я уже знаю ответ.

– Женевьева.

Я встаю.

– Пока, Питер.

Затем я захожу домой и закрываю дверь. Я не оглядываюсь, ни разу.

Мы расстались так просто. Будто все было игрой. Будто мы были никем. Значит ли это, что между нами изначально ничего не должно было быть? Что это была случайность? Будь мы созданы друг для друга, разве мы смогли бы так просто расстаться?

Думаю, ответ прост: нам не суждено было быть вместе.

Наша с Питером любовь, как и расставание, – это так по-школьному. Я хочу сказать, что это мимолетно. Даже боль со временем закончится, пройдет. А шрам от его предательства я должна хранить, помнить и лелеять, потому что это мой первый настоящий разрыв. Это неотъемлемая часть влюбленности. Я и не думала, что мы будем вместе вечно, нам всего лишь шестнадцать и семнадцать лет. Однажды я буду вспоминать все это с теплом в сердце.

Так я продолжаю говорить себе, даже когда слезы заполняют мои глаза, даже когда я лежу в постели в ту ночь и плачу, не в силах уснуть. Я плачу до тех пор, пока мои щеки не начинает щипать из-за того, как часто я стираю с них слезы. Этот колодец печали начинается с Питера, но на нем он не заканчивается.

Потому что снова и снова одна мысль крутится у меня в голове. *Я скучаю по маме. Я скучаю по маме. Я очень по ней скучаю.* Будь она рядом, она принесла бы мне чашку «Засыпай-чая» и села бы у меня в ногах на кровати. Она положила бы мою голову себе на колени и, перебирая пальцами мои волосы, шептала бы мне на ухо: *Все будет хорошо, Лара Джин. Все будет хорошо.* И я бы ей поверила, потому что мама всегда говорит правду.

Ох, мамочка! Как мне тебя не хватает! Почему тебя нет рядом сейчас, когда ты больше всего мне нужна?

* * *

Пока что я сохранила салфетку, на которой Питер набросал мой портрет, огрызок билетика в кино, куда мы ходили на первое свидание, стихотворение, которое он подарил мне на День святого Валентина. И кулон. Конечно же, кулон. Я не смогла заставить себя его снять. Пока что.

Всю субботу я валяюсь в постели, вставая только для того, чтобы перекусить и выпустить Джейми на улицу. Я перематываю романтические комедии на грустные моменты. Что я действительно должна делать, так это разрабатывать план по устранению Женевиэвы, но я не могу. Мне больно даже думать о ней, об игре и в первую очередь о Питере. Я решаю выбросить это из головы, пока не смогу нормально сосредоточиться.

Джон пишет мне, спрашивая, все ли нормально, но я не нахожу в себе сил ответить. Это я тоже откладываю на потом.

Из дома я выхожу только в воскресенье днем, потому что мне нужно на собрание по планированию пятничного вечера в Бельвью. Сторми пришлось умасливать Джанетт, чтобы та одобрила мою идею с военной вечеринкой, и шоу должно продолжаться, так что к черту расставания.

Сторми рассказывает, что все пенсионеры только и говорят, что о грядущем событии. Она особенно воодушевлена, потому что ходит слух, будто Фернклиф, другой большой дом престарелых в городе, привезет на автобусе своих постояльцев. Сторми говорит, там есть как минимум один достойный внимания вдовец. Она знакома с ним по книжному клубу для пенсионеров, который организует местная библиотека. Другие старушки тут же активизируются.

– Он настоящее сокровище! – рассказывает всем Сторми. – Он до сих пор сам водит машину.

Я тоже начинаю распространять эту информацию. Я готова на все, чтобы моего мероприятия ждали.

На вечер каждый получит по пять «военных облигаций», которые можно поменять на стакан пунша с виски, маленький значок с флагом или танец. Это была идея мистера Моралеса. Вообще-то конкретно его идеей было менять военные облигации на танцы с дамами, но мы все пожурили его за сексизм и сказали, что дамы тоже должны иметь право менять свои облигации на танцы с мужчинами. Алисия, прагматичная, как всегда, заявила:

– Женщин будет гораздо больше, чем мужчин, поэтому все равно командовать будут женщины.

Я ходила от квартиры к квартире и просила у постояльцев фотографии из сороковых годов, особенно в форме или с танцев, которые устраивались для солдат во время войны. Одна постоялица фыркнула на меня и сказала:

– Простите, но в сорок пятом году мне было шесть лет.

Я поспешила добавить, что фотографии ее родителей тоже подойдут, но она уже захлопнула дверь у меня перед носом.

«Скрапбукинг для пенсионеров» по факту превратился в комитет планирования вечеринки. Я распечатала военные облигации, и мистер Моралес разрезает их моим ножом для бумаги. Моуд, новенькая в нашей группе и знаток Интернета, вырезает скачанные статьи о войне, чтобы украсить столы с закусками. Ее подружка, Клаудия, подбирает музыку.

У Алисии будет свой собственный столик. Она делает гирлянду из

бумажных журавликов: сиреневых, персиковых, бирюзовых и из бумаги в цветочек. Сторми пришла в ярость, когда отклонили ее предложение украсить все в красно-бело-синих цветах, но Алисия была непреклонна, и я ее поддержала. Как всегда утонченная, она поместила фотографии японо-американцев из лагерей для интернированных в изысканные серебряные рамки.

– Эти фотографии испортят всем настроение, – шепчет мне Сторми сценическим шепотом.

Алисия возражает:

– Эти фотографии откроют глаза невеждам.

Сторми выпрямляется во все свои сто шестьдесят два сантиметра (сто семьдесят, если на каблуках).

– Алисия, ты что, назвала меня невеждой?

Я вздрагиваю. Сторми вкладывает в вечеринку много сил, и в последнее время она слишком взвинчена.

Но сегодня я просто не смогу вынести очередную их ссору. Я собираюсь призвать к миру, когда Алисия одаривает Сторми железным взглядом и говорит:

– Ты сама это сказала.

Мы со Сторми одновременно ахаем. Затем Сторми подходит к столу Алисии и со всего размаху сметает всех бумажных журавликов на пол. Алисия кричит, я снова ахаю. Все смотрят на них.

– Сторми!

– Ты на ее стороне? Она назвала меня невеждой! Сторми Синклер может быть кем угодно, но я точно не невежда!

– Я ни на чьей стороне, – говорю я, нагибаясь, чтобы собрать журавликов.

– А если бы была, то на моей! – провозглашает Алисия, кивая подбородком в направлении Сторми. – Считает себя великосветской дамой, а сама ребенок, устроивший истерику из-за вечеринки.

– Ребенок? – взвизгивает Сторми.

– Пожалуйста, перестаньте ругаться! – К моему унижению, из уголков глаз начинают струиться слезы. – Этого я сегодня не вынесу! – Мой голос дрожит. – Seriously, я не могу.

Они переглядываются, а потом вдвоем кидаются ко мне.

– Дорогая, что случилось? – мурлычит Сторми. – Это наверняка из-за мальчика.

– Садись, садись, – приговаривает Алисия.

Они ведут меня на диван и садятся по обе стороны от меня.

– Ну-ка, выйти всем отсюда! – кричит Сторми, и все разбегаются. – А теперь рассказывай, что стряслось.

Я вытираю глаза рукавом рубашки.

– Мы с Питером расстались. – Я впервые произношу эти слова вслух.

Сторми ахает.

– Ты и мистер Красавчик расстались? Это из-за другого парня?

Она смотрит на меня с надеждой, и я знаю, что она думает о Джоне.

– Нет, другой парень здесь ни при чем. Все сложно.

– Дорогая, в таких делах не бывает ничего сложного, – говорит Сторми. – В мои дни...

Алисия бросает на нее сердитый взгляд.

– Просто дай ей сказать!

– Питер никак не может забыть свою бывшую девушку, Женевьеву, – всхлипываю я. – Это она выложила наше видео в джакузи, а Питер это знал и не сказал мне.

– Может, он хотел пощадить твои чувства, – предполагает Алисия.

Сторми категорически мотает головой, так сильно, что с нее чуть не слетают серьги.

– Этот парень просто-напросто свинья. Он должен обращаться с тобой, как с королевой. И даже не смотреть на эту другую девчонку, Женевьеву.

– Ты просто хочешь, чтобы Лара Джин встречалась с твоим правнуком. – В голосе Алисии слышится укор.

– Конечно, хочу! – заявляет Сторми с блеском в глазах. – Скажи, Лара Джин, у тебя есть планы на сегодня?

На это мы все смеемся.

– Я сейчас не могу думать ни о ком, кроме Питера, – отвечаю я. – Вы все еще помните вашу первую любовь?

У Сторми их было так много – неужели она помнит? Но она кивает.

– Гаррет О’Лири. Мне было пятнадцать лет, а ему – восемнадцать, и мы всего лишь раз танцевали, но то, что я чувствовала, когда он на меня смотрел... – Она вздрагивает.

Я поворачиваю голову влево, на Алисию.

– А вашей первой любовью был ваш муж Филлип, да?

К моему удивлению, она отрицательно качает головой.

– Мою первую любовь звали Альберт. Он был лучшим другом моего брата. Я думала, что выйду за него замуж. Но не сложилось. Я познакомилась с моим Филлипом, – она улыбается. – Филлип был любовью всей моей жизни. Но тем не менее, я так и не забыла Альберта. Как молода я была когда-то! Сторми, ты можешь поверить, что мы были так молоды?

Сторми отвечает не так жизнерадостно, как обычно. Ее глаза увлажняются. Я впервые слышу, чтобы она говорила таким мягким голосом.

– Все это было сто миллионов лет назад. И все равно...

– И все равно... – эхом отзывается Алисия.

Они обе нежно мне улыбаются, с такой настоящей и искренней привязанностью, что на глазах снова выступают слезы.

– Что мне теперь делать, если Питер больше не мой парень? – думаю я вслух.

– То же самое, что ты делала до того, как он стал твоим парнем, – говорит Алисия. – Будешь жить своей жизнью и поначалу будешь по нему скучать, но со временем это пройдет. Станет легче.

Она наклоняется и прикасается своей тонкой рукой к моей щеке. На ее губах играет улыбка.

– Тебе просто нужно время, а у тебя, малышка, есть все время мира.

Это утешительная мысль, но я не верю, что это правда. Не до конца. Думаю, для молодых все по-другому. Минуты дольше, сильнее, насыщеннее. Я лишь знаю, что каждая секунда без него кажется нескончаемо долгой, как будто я жду, просто жду, когда он ко мне вернется. Я, Лара Джин, знаю, что он не вернется, но мое сердце, похоже, не понимает, что все кончено.

После, восстановив энергию и вытерев слезы, я сижу с Джанетт в ее кабинете и обсуждаю детали вечера. Когда она упоминает гостиную, я замираю.

– Джанетт, в гостиной слишком мало места.

– Даже не знаю, что тебе сказать. Зал для мероприятий зарезервирован под бинго. У них постоянная бронь на вечер пятницы.

– Но у нас будут танцы! Может, игроки в бинго переместятся в гостиную на один вечер?

– Лара Джин, я не могу передвинуть бинго. К нам приходят все окрестные пенсионеры, включая мать арендодателя. Играет много политиков. Мои руки связаны.

– Ладно, а как насчет столовой?

Можно убрать столы и организовать танцпол в центре зала, а вдоль стены поставить длинный стол с прохладительными напитками. Может сработать.

Джанетт одаривает меня взглядом: «Детка, я тебя умоляю».

– А кто будет двигать все столы и стулья? Ты?

– Да, я, и я могла бы привлечь несколько добровольцев...

– Чтобы кто-нибудь из постояльцев надорвал спину и засудил нас? Нет, *грасиас*.

– Не нужно будет двигать все столы, только половину. Вы можете попросить персонал помочь?

Джанетт уже качает головой, когда меня посещает вдохновение.

– Джанетт, я слышала, что к нам на танцы привезут постояльцев из Фернклифа. *Фернклиф!* Они уже называют себя лучшим домом престарелых в Блю-Ридж.

– О боже, Фернклиф – дыра. И работают там одни отбросы. А я дипломированный специалист. Лучший дом престарелых в Блю-Ридж? Ха! Не смешите мою задницу.

Остался последний рывок.

– Говорю вам, Джанетт, мы будем выглядеть глупо, если вечеринка не удастся. Этого нельзя допустить. Я хочу, чтобы постояльцы Фернклифа вышли или выкатились отсюда в своих колясках, сокрушаясь, что живут не в Бельвью.

– Ладно, ладно. Я велю уборщикам помочь тебе подготовить столовую, – Джанетт грозит мне пальцем. – А ты упорная, детка.

– Вы не пожалеете, – обещаю я ей. – Хотя бы для фотографий. Мы выложим их все на сайт. Все будут смотреть и завидовать.

От этих слов Джанетт удовлетворенно щурится, и я наконец-то могу вздохнуть спокойно. Вечеринка должна пройти идеально. Просто обязана. Это моя единственная отрада.

В субботу вечером я накручиваю волосы. Для меня это, по сути, акт надежды. Я люблю накручиваться на ночь и думать о том, что может случиться со мной завтра. К тому же волосы выглядят лучше, если на них поспишь, и не кажутся чрезмерно объемными.

Я заколола половину и почти закончила с одной стороной, когда Крис карабкается ко мне в окно.

– Я сейчас вроде как наказана, так что мне надо дождаться, пока мама заснет, прежде чем возвращаться домой, – говорит она, снимая свою байкерскую куртку. – Ты все еще в депрессии из-за Кавински?

Я наматываю очередную прядь волос на щипцы для завивки.

– Да. Вообще-то еще даже двух суток не прошло.

Крис обнимает меня одной рукой.

– Мне неприятно это говорить, но ваши отношения были обречены с самого начала.

Я смотрю на нее обиженным взглядом.

– Большое спасибо.

– Ну, это правда. То, как вы сошлись, было странно, а потом вся эта история с видео в джакузи. – Она забирает у меня щипцы и начинает накручивать собственные волосы. – Хотя, должна сказать, тебе было полезно пройти через все это. Ты была слишком закрытой, подруга. А еще ты любишь осуждать других.

Я отбираю у нее щипцы и делаю вид, что хочу ударить ее ими по голове.

– Ты пришла, чтобы меня подбодрить или сообщить мне обо всех моих недостатках?

– Прости! Это я так, к слову. – Она одаривает меня веселой улыбкой. – Не грусти слишком долго. Это не в твоем стиле. Есть куча парней помимо Кавински. Зачем тебе жалкие подачки от моей двоюродной сестры, когда есть такие, как, например, Джон Макларен? Он классный. Я бы сама его закадрила, если бы ему не нравилась ты.

– Я сейчас не могу думать ни о ком другом, – говорю я тихо. – Мы с Питером только что расстались.

– Между тобой и малышом Джонни есть искра. Я видела это собственными глазами, когда мы открывали капсулу времени. Он тебя хочет. – Крис толкает меня плечом. – Он же тебе раньше нравился. Может,

от этого чувства что-нибудь осталось.

Я игнорирую ее и продолжаю наматывать волосы, по одной пряди за раз.

На химии Питер все еще сидит передо мной. Я не знала, что можно скучать по человеку еще сильнее, когда он в нескольких сантиметрах от тебя. Может, дело в том, что он даже не посмотрел на меня ни разу. Раньше я не до конца осознавала, какой важной частью моей жизни он стал. Он стал мне так... близок. А теперь ушел. Он не ушел, он прямо здесь, но мне он больше недоступен, что, возможно, еще хуже. В какой-то миг все было действительно хорошо. Очень, очень хорошо. Разве это было не прекрасно? Может, самым прекрасным моментам не суждено длиться долго? Может, это и делает их такими сладкими? Их мимолетность? А может, я просто себя успокаиваю. Это помогает, кое-как. Но даже «кое-как» на сейчас достаточно.

Когда урок заканчивается, Питер задерживается у своей парты, а потом поворачивается и говорит:

– Привет!

Мое сердце подскакивает.

– Привет.

У меня возникает внезапная дикая мысль, что, если он захочет вернуть меня, я соглашусь. Забуду о своей гордости, забуду о Женевиэве, забуду обо всем.

– Я хочу, чтобы ты вернула мне кулон, – говорит Питер. – Мне он нужен.

Я прикасаюсь к медальону в форме сердца, висящему у меня на шее. Утром я хотела его снять, но не смогла.

Теперь я должна его отдать? У Сторми целая коробка безделушек и сувениров от всех ее кавалеров. Я не думала, что мне придется возвращать парню его подарок. Но кулон дорогой, а Питер практичный. Он может вернуть деньги, а его мама сможет его продать.

– Конечно. – Я нащупываю застежку.

– Я не имел в виду прямо сейчас, – говорит он, и мои руки замирают. Может, он позволит мне оставить его чуть дольше, а может, и навсегда. – Но ладно, давай.

Я не могу расстегнуть застежку и вожусь с ней очень долго, и это невыносимо, потому что Питер просто стоит и смотрит. В итоге он встает за мной и перекладывает мои волосы с шеи на плечо. Может, это игра воображения, но, кажется, я слышу, как бьется его сердце. Его сердце

бьется, а мое – разбивается.

Китти влетает ко мне в спальню. Я делаю домашнее задание у себя за столом. Я давно уже не занималась дома – обычно после школы мы с Питером шли в Старбакс. Моя жизнь уже одинока.

– Вы с Питером расстались? – требовательно спрашивает Китти.

Я вздрагиваю.

– Кто тебе сказал?

– Это не важно. Просто ответь на вопрос.

– Ну... да.

– Ты его не заслуживаешь! – выпаливает она.

Я откатываюсь на стуле.

– Что? Ты моя сестра! Нечестно быть на стороне Питера! Ты даже не выслушала мою версию событий. Хотя и не должна была. Ты не в курсе, что всегда надо быть на стороне сестры?

Она поджимает губы.

– И какова твоя версия событий?

– Моя версия такова, что все сложно. У Питера еще остались чувства к Женеви́еве.

– Он больше не воспринимает ее в этом смысле. Не выдумывай отговорок.

– Ты не видела того, что видела я, Китти! – взрываюсь я.

– Что же ты видела? – спрашивает она с вызовом, выставив подбородок как оружие. – Расскажи.

– Дело не только в том, что я видела, а в том, что я всегда знала. Просто... не важно. Тебе этого не понять, Китти.

– Ты видела, как он ее целует? Видела?

– Нет, но...

– Никаких «но»! – Она щурится. – Это как-то связано с тем парнем со странной фамилией? Джон Амбразура Макларен, или как его там?

– Нет! С чего ты это решила? – ахаю я. – погоди минутку! Ты снова читала мои письма?

Она корчит рожу, и я знаю, что она читала. Маленький демон!

– Не меняй тему! Он тебе нравится или нет?

– Это никак не связано с Джоном Маклареном. Это только между мной и Питером.

Я хочу рассказать ей о том, что он знал, что видео сняла и

распространила Женевьева. Он знал, но все равно защищал ее. Но я не хочу разрушать идеальный образ Питера. Это будет слишком жестоко по отношению к маленькой девочке.

– Китти, это не важно. У Питера остались чувства к Женевьеве, и я всегда это знала. К тому же какой смысл начинать что-то серьезное с Питером, если мы все равно расстанемся, как Марго и Джош? Школьная любовь долго не живет, знаешь ли. И неспроста. Мы еще не доросли до серьезных отношений.

Пока я это говорю, из уголков глаз начинают просачиваться слезы. Китти смягчается и обнимает меня одной рукой.

– Не плачь.

– Я не плачу. Просто прослезилась немного.

Тяжело вздыхая, она говорит:

– Если это и есть любовь – то нет, спасибо. Мне такого не надо. Когда я вырасту, я буду сама по себе.

– Что это значит? – спрашиваю я.

Китти пожимает плечами.

– Если мне понравится парень, так и быть, я буду с ним встречаться, но я не собираюсь сидеть дома и плакать из-за него.

– Ой, Китти, как будто ты сама никогда не плачешь!

– Я плачу по серьезным поводам.

– Ты плакала вчера вечером, потому что папа не разрешил тебе допоздна смотреть телевизор!

– Да, вот именно, для *меня* это было важно!

Я хлюпаю носом.

– Не знаю, зачем я с тобой об этом спорю.

Китти слишком мала, чтобы понять. Часть меня надеется, что она никогда не поймет. Мне было лучше, когда я не понимала.

В тот вечер мы с папой моем посуду, и вдруг он откашливается и говорит:

– Что ж, Китти рассказала мне о громком разрыве. Как ты держишься?

Я ополаскиваю стакан и кладу его в посудомоечную машину.

– Китти такая болтушка. Я собиралась рассказать тебе позже.

Может, в глубине души я надеялась, что не придется.

– Хочешь поговорить об этом? Я могу заварить тебе «Засыпай-чай». Не так хорошо, как мама, но все же.

– Может, позже, – обещаю я исключительно из вежливости. Его версия «Засыпай-чая» только ухудшит ситуацию.

Одной рукой он обнимает меня за плечи.

– Все пройдет, вот увидишь. Питер Кавински – не единственный мальчик в мире.

– Я просто не хочу, чтобы мне когда-нибудь снова было так больно, – вздыхаю я.

– Нельзя защитить себя от разбитого сердца, Лара Джин. Это часть жизни. – Он целует меня в макушку. – Иди к себе, отдохни. Я сам домою.

– Спасибо, папочка. – Я оставляю его одного на кухне. Он напевает себе под нос, вытирая кастрюлю полотенцем.

Папа сказал, что Питер – не единственный парень в мире. Я понимаю, что это правда, разумеется, это так. Но посмотрите на папу. Для него мама была единственной девушкой в мире. Если бы не так, он бы уже нашел кого-нибудь нового. Может, он тоже пытается защитить себя от разбитого сердца. Может, мы похожи сильнее, чем я думала.

Снова льет дождь. Я хотела отвести Китти и Джейми в парк после школы, но теперь не получится. Вместо этого я сижу на кровати, завиваю волосы и смотрю, как дождь стучит в окно серебряными бусинками. Видимо, погода подстраивается под мое настроение.

Из-за нашего разрыва я совсем забыла об игре. Что ж, теперь я вспомнила и готова к бою. Я выиграю. Я уберу Женевьеву. Она не получит и Питера, и победу. Это совсем уж нечестно. И я придумаю идеальное желание, что-нибудь дорогое, что можно у нее забрать. Если бы я только знала, чего пожелать!

Мне нужна помощь. Я звоню Крис, но она не берет трубку. Я собираюсь позвонить снова, но в последнюю секунду пишу Джону:

Поможешь мне убрать Женевьеву?

Он отвечает через несколько минут:

С огромным удовольствием.

Джон устраивается на диване и наклоняется, пристально глядя на меня.

– Ладно, и как ты хочешь это сделать? Хочешь ее выманить? Провернуть секретную операцию?

Я ставлю перед ним стакан сладкого чая. Сядь рядом с ним, я говорю:

– Думаю, сначала надо организовать наблюдение. Я даже не знаю ее расписания.

И... если на пути к победе я узнаю ее драгоценный секрет, то это будет приятным бонусом.

– Мне нравится ход твоих мыслей. – Джон наклоняет голову и делает глоток чая.

– Я знаю, где они прячут запасной ключ. Мы с Крис как-то ходили за пылесосом к ней домой. А что, если... что, если мне ее запугать? Например, можно оставить записку у нее под подушкой. «Я за тобой наблюдаю». Это ее с ума сведет.

Джон чуть не захлебывается холодным чаем.

- Зачем? Что это тебе даст?
- Не знаю. Это ты профессионал.
- Профессионал? Какой же я профессионал? Будь я так хорош, я бы не выбыл.
- Ты не мог знать, что я буду в Бельвью, – замечаю я. – Тебе просто дико не повезло.
- Мы постоянно случайно встречаемся. Бельвью или день, когда ты пришла на Модель ООН.
- Я смотрю на свои руки.
- Ну... то было не совсем случайно. Точнее, это вообще не было случайностью. Я тебя искала. Хотела посмотреть, каким ты стал. Я знала, что ты будешь на Модели ООН. Я помню, как тебе это нравилось в средней школе.
- Я стал участвовать только для того, чтобы тренировать речь на публике. От заикания. – Парень останавливается. – Погоди. Ты сказала, что пришла туда из-за меня? Чтобы посмотреть, каким я стал?
- Да. Я... мне всегда было интересно.
- Джон ничего не говорит, а просто смотрит на меня. Он резко ставит стакан. Затем снова берет его и ставит под него подставку.
- Ты не рассказала, что случилось у вас с Кавински в тот вечер, после того как я уехал.
- О. Мы расстались.
- Вы расстались, – повторяет он за мной, его лицо ничего не выражает. Затем я замечаю, что Китти прячется за дверью, как маленький шпион.
- Чего тебе надо, Китти?
- Эм... а у нас остался хумус с красным перцем? – спрашивает она.
- Не знаю, поищи.
- Это твоя младшая сестра? – спрашивает Джон, широко раскрыв глаза. – Когда я в последний раз тебя видел, ты была совсем крохой, – говорит он Китти.
- Да, я выросла, – отвечает она, даже не стараясь быть милой. Я бросаю на нее строгий взгляд.
- Будь вежлива с гостями.
- Китти поворачивается и убегает наверх.
- Ты уж ее прости. Она была очень близка с Питером, и у нее безумные идеи, что...
- Безумные идеи? – переспрашивает Джон.
- Я могла бы себя ударить.
- Да, в смысле, она думает, что у нас с тобой что-то есть. Но

разумеется, это не так, и я тебе не нравлюсь... ну, не нравлюсь в таком смысле, так что да, это бред.

Ну вот зачем я говорю? Зачем бог наделил меня языком, если я несую им всякую чушь?

Становится так тихо, что я открываю рот, чтобы сказать еще какую-нибудь глупость, как вдруг Джон говорит:

– Что ж... это не *такой* уж и бред.

– Точно! Конечно, я не имела в виду *бред*. – Я закрываю рот и смотрю прямо перед собой.

– Помнишь, как мы играли в бутылочку у меня в подвале?

Я киваю.

– Я так боялся тебя целовать, потому что никогда раньше не целовал девчонок, – признается он и снова берет стакан с холодным чаем. Он делает глоток, но чая больше не осталось, один только лед. Наши глаза встречаются, и он улыбается. – Парни потом долго надо мной издевались за то, что я оплошал.

– Ты не оплошал, – бормочу я.

– Думаю, это было примерно в то же время, когда старший брат Тренора рассказывал нам, что доставил девушке... – Джон колеблется, и я с нетерпением киваю, чтобы он продолжал. – Он утверждал, что довел девушку до оргазма одним поцелуем.

У меня вырывается громкий смешок, и я прикрываю рот ладонью.

– Никогда большей ереси не слышала! Я ни разу не видела, чтобы он хотя бы говорил с девушками. К тому же я сомневаюсь, что такое вообще возможно. А если и возможно, то не думаю, что Шон Пайк был на это способен.

Джон тоже смеется.

– Что ж, теперь-то я знаю, что это ложь, но в то время мы все ему поверили.

– Ладно. Был ли это первоклассный поцелуй? Нет, не был. – Джон морщится, и я быстро продолжаю. – Но и *ужасным* он тоже не был. Клянусь. И вообще, я далеко не эксперт в поцелуях. Кто я такая, чтобы судить?

– Ладно, ладно, можешь оставить попытки меня успокоить. – Он ставит стакан. – Теперь я стал гораздо лучше. По крайней мере, по словам девчонок.

Этот разговор принял странный и доверительный оборот, и я волнуюсь, но в хорошем смысле. Мне нравится делиться секретами, быть соучастниками.

– Значит, ты со многими целовался?

Джон снова смеется.

– Число приличное. – Парень делает паузу. – Я удивлен, что ты вообще помнишь тот день. Ты была так увлечена Кавински, я думал, ты больше никого вокруг не замечала.

Я толкаю его в плечо.

– Я не была увлечена Кавински!

– Еще как была. Ты всю игру пялилась на бутылку, вот так. – Джон берет бутылку и направляет на нее глаза, будто лазеры. – Ждала своего часа.

Я вся краснею, потому что так оно и было.

– Ой, да молчи.

– Как ястреб на добычу, – хохочет он.

– Заткнись! – Теперь я тоже смеюсь. – Как ты вообще все это помнишь?

– Потому что я тоже так делал, – отвечает он.

– Ты тоже смотрел на Питера?

Я говорю это в шутку, чтобы подразнить его, потому что это забавно. Впервые за много дней мне весело.

Он пристально глядит на меня, его голубые глаза уверенные и спокойные. У меня перехватывает дыхание.

– Нет. Я смотрел на тебя.

У меня гудит в ушах – это сердце бьется с утроенной скоростью. *В моих воспоминаниях все происходит под музыку.* Это одна из моих любимых цитат из «*Стеклянного зверинца*». Если закрыть глаза, я могу отчетливо услышать тот день в подвале Джона Амброуза Макларена. Интересно, какую музыку я услышу годы спустя, оглядываясь на этот момент?

Он удерживает мой взгляд, и я чувствую волнение, зарождающееся у меня в горле и продвигающееся через ключицу в грудную клетку.

– Ты мне нравишься, Лара Джин. Ты нравилась мне тогда, а сейчас нравишься еще больше. Я знаю, что вы с Кавински только расстались и что тебе сейчас грустно, но просто хотел, чтобы все было предельно ясно.

– Эм... хорошо, – шепчу я.

Его слова были яснее некуда, ни одно не пролетело мимо. И ни следа от заикания. Все действительно предельно ясно.

– Тогда ладно. Давай выигрывать тебе желание. – Джон достает телефон и запускает карты Гугл. – Прежде чем приехать сюда, я нашел адрес Джен. Думаю, ты права. Нам не стоит торопиться, оценим ситуацию.

Не будем лезть на рожон.

– М-хм...

Я в полубессознательном состоянии, мне сложно сосредоточиться. Джон Амброуз Макларен хочет, чтобы все было предельно ясно.

Из транса я выхожу от того, что Китти вваливается в гостиную, пытаюсь удержать стакан апельсиновой газировки, хумус с красным перцем и пачку чипсов из питы. Она пробирается к дивану и плюхается прямо между нами. Протягивая пакет, она спрашивает:

– Хотите чипсов?

– Конечно, – кивает Джон и берет немного. – Слушай, мне говорили, ты неплохо умеешь плести интриги. Это правда?

– С чего ты это взял? – с опаской спрашивает сестра.

– Это ведь ты разослала письма Лары Джин, так?

Китти кивает.

– Тогда, должен сказать, ты действительно хорошо плетешь интриги.

– Ну да. Наверное.

– Супер! Нам нужна твоя помощь.

Идеи Китти слегка экстремальные. Например, проколоть Женевьеве шины или бросить бомбу-вонючку к ней в дом, чтобы ее выкурить. Но Джон записывает все советы Китти, что она тут же подмечает. Она все подмечает.

На следующее утро Китти долго ковыряется в тосте с арахисовой пастой, и папа, выглядывая из-за газеты, говорит:

– Если не поторопишься, опоздаешь на автобус.

Она слегка пожимает плечами и не спеша идет наверх за учебниками. Наверняка она думает, что, если пропустит автобус, сможет поехать со мной, но я и сама опаздываю. Я проспала, а потом не могла найти любимые джинсы, так что пришлось довольствоваться теми, что у меня на втором месте.

Споласкивая миску из-под хлопьев, я выглядываю в окно и вижу, как мимо проезжает школьный автобус Китти.

– Ты опоздала на автобус! – кричу я ей наверх.

Нет ответа.

Я засовываю в сумку свой обед и кричу:

– Если поедешь со мной, то поторопись! Пока, пап!

Когда я обуваюсь у входной двери, Китти пробегает мимо меня и выскакивает на улицу, сумка с учебниками качается у нее на плече. Я тоже выхожу и закрываю за собой дверь. А там, через дорогу, прислонившись к своему черному «Ауди», стоит Питер. Он широко улыбается Китти, а я застываю на месте, полностью ошеломленная. Моя первая мысль: *Он приехал меня увидеть?* Нет, не может быть. Моя вторая мысль: *Это ловушка?* Я оглядываюсь по сторонам в поисках какого-либо следа от Женеьевы. Ее нигде нет, и мне становится стыдно за то, что я могла так подумать. Он бы не поступил настолько жестоко.

Китти радостно машет и бежит к Питеру.

– Привет!

– Готова, малышка? – спрашивает он Китти.

– Да! – она оборачивается и смотрит на меня. – Лара Джин, можешь поехать с нами! Я сяду к тебе на колени.

Питер опускает взгляд в телефон, и малейшая надежда на то, что отчасти он приехал увидеть меня, испаряется.

– Нет, не надо, – говорю я. – Там место только для одного пассажира.

Питер открывает перед Китти дверцу, и та забирается в машину.

– Поехали быстрее! – командует она.

Он едва на меня смотрит, и они уезжают. Что ж, видимо, вот и все.

– Какой ты мне готовишь торт? – Китти сидит на табуретке и наблюдает за мной.

Я пеку торт сегодня, чтобы он был готов к завтрашнему празднику. Я вбила себе в голову, что пижамная вечеринка Китти должна быть лучшей ночью в ее жизни, отчасти потому, что она долго откладывалась, а значит, должна быть достойна ожидания, а также потому, что десять лет – это важная дата в жизни девочки. Пусть у Китти нет мамы, но у нее будет незабываемая ночевка, раз уж я могу этому поспособствовать.

– Я же говорю, это сюрприз. – Я сыплю заранее отмеренную муку в миску для замешивания теста. – Ну, как прошел твой день?

– Хорошо. Я получила пять с минусом за контрольную по математике.

– Ого, круто! А что еще интересного случилось?

Китти пожимает плечами.

– Кажется, мисс Бертоли случайно пукнула, пока проверяла присутствующих. Все смеялись.

Разрыхлитель, соль.

– Круто, круто. Ну а... Питер отвез тебя прямо в школу, или вы где-то останавливались по пути?

– Он отвез меня за пончиками.

Я закусываю губу.

– Как мило. Он что-нибудь говорил?

– О чем?

– Ну, не знаю. О жизни.

Китти закатывает глаза.

– О тебе он ничего не говорил, если тебя это интересует.

В сердце кольнуло.

– Это меня совершенно не интересует, – вру я.

Мы с Китти спланировали ночевку до самых мелочей. Макияж зомби. Фотокабинка с реквизитом. Маникюр.

Рецепты торта для Китти я выбирала с особой тщательностью. Он шоколадный, с малиновым джемом и глазурью из белого шоколада. Еще я приготовила три вида соусов. Сметанно-луковый, хумус с красным перцем и холодный шпинатный. Овощная тарелка. Сосиски в тесте. Соленый карамельный попкорн для просмотра фильма. Пунш с лаймовым щербетом, тот, в который обычно добавляют имбирный эль. Я даже раскопала на чердаке старую миску для пунша, которая также отлично подойдет для военной вечеринки. Утром на завтрак я испеку блинчики с шоколадной крошкой. Я знаю, что для Китти тоже важны детали. Она не раз упоминала

при мне, что на дне рождения Бриэль ее мама приготовила им клубничный смузи. И как можно забыть, что мама Алисии Бернارد испекла всем блинчики, если Китти постоянно о них говорит?

Папу на вечер отослали в его комнату, чему он был несказанно рад. Но сначала я заставила его стащить вниз небольшой винтажный комод из моей комнаты. Я красиво уложила свою коллекцию ночных рубашек и пижам, разноцветные носки и пушистые тапочки. У нас с Китти и Марго набралась внушительная коллекция пушистых тапочек.

Все сразу начинают переодеваться в пижамы, смеются, визжат и сражаются за самые красивые.

Я облачаюсь в бледно-розовый пеньюар, который нашла в секонд-хенде абсолютно новым, с неоторванным ценником. Я чувствую себя Дорис Дэй из мюзикла «Пижамная игра». Мне не хватает только пушистых тапочек с маленьким каблучком. Я пытаюсь убедить Китти, что надо устроить вечер старых фильмов, но она тут же бракует эту идею. Чтобы выглядеть забавно, я накручиваю волосы на бигуди. Я предлагаю и остальным девочками последовать моему примеру, но все визжат и отказываются.

Они такие громкие, что я продолжаю повторять: «Тише, девочки!»

В самый разгар сеанса маникюра я замечаю, что Китти стоит в стороне. Я думала, она будет в своей стихии, она же именинница, королева бала, но она выглядит смущенной и играет с Джейми.

Когда все девочки убегают наверх в мою комнату делать грязевые маски, которые я подготовила, я хватаю Китти за локоть.

– Тебе весело? – спрашиваю я.

Она кивает и пытается убежать, но я строго на нее смотрю.

– Слово сестры?

Китти колеблется.

– Шанайя стала дружить с Софи, – признается Китти, будто вот-вот расплечется. – Теперь Софи – ее лучшая подруга, а не я. Ты видела, они сделали одинаковый маникюр? Они меня даже не спросили, хочу ли я такой же.

– Не думаю, что они специально оставили тебя в стороне, – успокаиваю я ее.

Она пожимает своими худенькими плечами.

Я обнимаю ее одной рукой, и она просто стоит, напрягшись, поэтому я кладу ее голову себе на плечо.

– С лучшими подругами бывает тяжело. Вы обе растете и меняетесь, и сложно расти и меняться с одинаковой скоростью.

Китти поднимает голову, но я кладу ее обратно себе на плечо.

– С тобой и Женевьевой тоже так случилось? – спрашивает она.

– Если честно, я сама не знаю, что случилось у нас с Женевьевой. Она переехала, и мы все равно дружили, а потом перестали. – С запозданием я понимаю, что это не самые утешительные слова для девочки, которая чувствует, что ее бросили подруги. – Но я уверена, что с тобой такого не произойдет.

Китти обреченно вздыхает.

– Почему все не может оставаться так, как было раньше?

– Если бы ничего не менялось, ты бы никогда не выросла. Тебе бы навсегда осталось девять, и никогда не исполнилось десять.

Она вытирает нос тыльной стороной ладони.

– Я бы не возражала.

– Тогда ты бы не смогла водить машину, поступить в колледж, купить дом и взять на воспитание кучу собак. Я знаю, что ты все это хочешь. В тебе дух приключений, а маленький возраст ему мешает, ведь нужно спрашивать разрешения у взрослых. Когда ты вырастешь, ты сможешь делать все, что захочешь, и ни у кого не надо будет спрашивать разрешения.

– Да, это точно, – соглашается Китти, вздыхая.

Я отодвигаю волосы с ее лба.

– Хочешь, я включу вам фильм?

– Ужастик?

– Конечно.

Она оживляется и моментально переключается в деловой режим, как настоящая бизнес-леди.

– Только чтобы шестнадцать с плюсом, никакой детской ерунды!

– Хорошо, но, если вам станет страшно, я не пущу вас спать к себе в комнату. В прошлый раз я из-за вас всю ночь уснуть не могла. А если чьи-то родители будут жаловаться, я им скажу, что вы взяли фильм без моего разрешения.

– Без проблем.

Я смотрю, как она несется вверх по ступеням. Какой бы невыносимой ни была Китти, я люблю ее такой, какая она есть. Я бы тоже не возражала, если бы она навсегда осталась девятилетней. У Китти еще так мало проблем, что они могут уместиться у меня на ладони. Мне нравится, что она до сих пор от меня зависит. Ее заботы и потребности заставляют меня забыть свои собственные. Мне нравится, что я нужна ей, что я несу за кого-то ответственность. Расставание с Питером – это не так важно, как десятилетие Кэтрин Сонг Кави. Она росла как сорняк, без матери, только с

отцом и двумя сестрами. Это настоящий подвиг. Она уникальна.

Но ей десять лет, ничего себе! Десять – это уже не маленькая девочка. Это ровно посередине. Она становится взрослее, перерастает свои игрушки, свой набор для творчества... от этой мысли мне становится немного печально. Взросление – горькая радость.

Мой телефон жужжит. Это жалостливое сообщение от папы.

Вниз спускаться безопасно? Я хочу пить.

Горизонт чист.

Вас понял.

Следить за Женеьевой – на удивление знакомое чувство. В памяти всплывают незначительные детали. Это головокружительное сочетание того, что я о ней знала, с тем, чего не знала. Она подъезжает к окошку для автомобилистов в закусочной «Вендис», и я не глядя могу сказать, что у нее в пакете. Маленький молочный коктейль, маленькая картошка, чтобы макать в него, и шесть куриных наггетсов, тоже чтобы макать.

Мы с Джоном какое-то время ездим за Женеьевой по городу, но, потеряв ее на светофоре, решаем поехать в Бельвью. Мне нужно на встречу по планированию военной вечеринки. До нее осталось всего несколько дней, так что мы все удваиваем усилия, чтобы успеть подготовиться. Бельвью стал моим утешением, моим безопасным местом. Отчасти потому, что Женеьева о нем не знает и не сможет меня осалить, а также потому, что это единственное место, где я не наткнусь на них с Питером, которые вольны делать все, что им захочется, теперь, когда Питер снова свободен.

Во время нашего собрания начинается снег. Мы толпимся у окна, чтобы посмотреть. Качая головами, все повторяют: «Снег в апреле! Невероятно!», а потом мы возвращаемся к работе над декорациями для военной вечеринки. Джон помогает с баннером.

К тому времени, как мы заканчиваем, выпадает уже несколько сантиметров снега, и сверху он покрывается корочкой льда.

– Джонни, нельзя садиться за руль в такую погоду. Я тебе запрещаю! – волнуется Сторми.

– Бабуль, да все будет нормально, – отвечает он. – Я хорошо вожу.

Сторми резко шлепает его по руке.

– Я же просила не называть меня бабулей! Просто Сторми. И я говорю «нет»! Только через мой труп. Вы оба переночуете сегодня в Бельвью. На дорогах слишком опасно. – Она бросает на меня строгий взгляд. – Лара Джин, сейчас же позвонишь отцу и скажешь, что я запрещаю тебе выходить в такую погоду.

– Он может за нами заехать, – предлагаю я.

– Чтобы этот бедный вдовец по пути сюда попал в аварию? Нет. Я этого не позволю. Дай мне свой телефон. Я сама ему позвоню.

– Но... мне завтра в школу, – возражаю я.

– Все занятия отменили, – отвечает Сторми с улыбкой. – Только что передали по телевизору.

– Но у меня нет с собой никаких вещей! – протестую я. – Ни зубной щетки, ни пижамы, ничего!

Она обнимает меня одной рукой.

– Расслабься и позволь Сторми обо всем позаботиться. Не забивай ерундой свою маленькую красивую головку.

Вот как вышло так, что мы с Джоном Амброузом Маклареном вместе проводим ночь в доме престарелых.

Метель в апреле – это волшебство. Даже если дело в перемене климата. В саду, который видно из окна гостиной Сторми, уже начали расцветать розовые бутончики, и снег их все запорошил, подобно тому, как Китти посыпает блинчики сахарной пудрой: быстро и много.

Мы играем в шашки в гостиной Сторми, из тех огромных шашек, которые можно купить в «Крекер Баррел». Джон дважды меня обыграл и все спрашивает, не поддаюсь ли я. Я молчу, но ответ – нет, он просто играет лучше меня. Сторми приносит нам по коктейлю «Пинья колада», который она смешала в блендере, с «лишь капелькой рома, чтобы согреться», и разогревает в микроволновке пирог со шпинатом, к которому мы даже не притрагиваемся. Из стерео играет Бинг Кросби. К половине десятого Сторми начинает зевать и говорит, что скоро ей нужно ложиться спать, чтобы оставаться красивой. Мы с Джоном переглядываемся – еще слишком рано. Я не помню, когда в последний раз ложилась раньше полуночи.

Сторми настаивает, чтобы я легла у нее, а Джон – у мистера Моралеса, в его спальне для гостей. Я понимаю, что Джон не очень рад этой идее, потому что он спрашивает:

– Может, я просто лягу у тебя на полу?

Я удивляюсь, когда Сторми качает головой:

– Сомневаюсь, что отец Лары Джин это одобрит.

– Не думаю, что папа стал бы возражать, Сторми, – говорю я. – Я могу ему позвонить, если хотите.

Но ответ – твердое и решительное «нет»: Джон будет спать у мистера Моралеса. Для женщины, которая всегда говорит мне быть необузданной, искать приключения и носить с собой презерватив, она куда более старомодная, чем я думала.

Сторми протягивает Джону полотенце для лица и пару беруш.

– Мистер Моралес храпит, – сообщает она ему, целуя на прощание.

Джон поднимает бровь.

– Откуда ты знаешь?

– Тебя это не касается! – И старушка уплывает на кухню с видом

великосветской дамы.

– Знаешь что? Я действительно совершенно не хочу знать, – тихо говорит мне парень на ухо.

Я прикусываю щеку, чтобы не засмеяться.

– Поставь телефон на вибровозвон, – говорит Джон перед уходом. – Я тебе напишу.

Я слушаю храп Сторми и шепот снежинок, падающих на окно. Я все кручусь в спальном мешке, мне тесно и жарко, и я мечтаю, чтобы Сторми не включала обогреватель так сильно. Старики всегда жалуются, что в Бельвю холодно и что отопление работает «сикось-накось», как говорит Дэнни из корпуса «Азалия». А вот мне ужасно жарко. Ситуацию усугубляет атласная ночная рубашка персикового цвета с высоким воротом, которую мне дала Сторми. Я лежу на боку, играю в «Кэнди Краш» на телефоне и жду, когда уже Джон мне напишет.

Хочешь поиграть в снегу?

Я тут же отвечаю:

ДА! Здесь ужасно жарко.

Встретимся в коридоре через две минуты?

Ок.

Я так быстро встаю в спальном мешке, что едва не падаю. Чтобы найти пальто и ботинки, я свечу себе телефоном. Сторми вовсю храпит. Я не могу найти шарф, но не хочу заставлять Джона ждать, поэтому выбегаю без него.

Он уже поджидает меня в коридоре. Его волосы взъерошены на затылке, и мне кажется, что это так мило, что я запросто в него бы влюбилась, если бы могла себе это позволить. Увидев меня, он расставляет руки в стороны и поет «За окном уже сугробы, снеговик нас ждет давно», и я так сильно смеюсь, что он говорит:

– Тише, ты разбудишь всех постояльцев!

От этого я смеюсь пуще прежнего:

– Еще только половина одиннадцатого!

Мы бежим по длинному, покрытому ковром коридору и стараемся смеяться как можно тише. Но чем больше мы пытаемся смеяться тихо, тем сложнее нам это дается.

– Я не могу перестать смеяться! – говорю я, задыхаясь, пока мы

выбегаем через раздвижные двери во двор.

Едва дыша, мы оба резко останавливаемся.

Земля укрыта толстым слоем белого снега, густого, как овечья шерсть. На улице так красиво и умиротворенно, что сердце щемит от удовольствия. В этот миг я так счастлива и понимаю, что ни разу не подумала о Питере. Я поворачиваюсь и смотрю на Джона, но он уже смотрит на меня с полуулыбкой на лице. От его взгляда в груди все трепещет от волнения.

Я начинаю кружиться и петь: «Снеговик нас ждет давно», и мы оба сгибаемся от смеха.

– Нас из-за тебя выгонят, – предупреждает он.

Я беру его за руку и заставляю крутиться со мной так быстро, как могу.

– Ты ведешь себя так, будто ты здесь один из постояльцев, старичок! – кричу я.

Парень отпускает мои руки, и мы оба спотыкаемся. Затем он берет с земли горсть снега и начинает лепить из него снежок.

– Старичок, говоришь? Я тебе покажу старичка!

Я несусь от него прочь, спотыкаясь и поскальзываясь на снегу.

– Не смей, Джон Амброуз Макларен!

Он гонится за мной, смеясь и тяжело дыша. Ему удастся обхватить меня вокруг талии. Джон поднимает руку, как будто собирается засунуть снежок мне за шиворот, но в последнюю секунду отпускает меня.

– О боже! У тебя под пальто ночнушка моей бабушки?

Посмеиваясь, я говорю:

– Хочешь посмотреть? Она очень непристойная. – Я начинаю расстегивать пальто. – погоди, сначала отвернись!

Мотая головой, Джон говорит:

– Это странно.

Но повинуется. Как только он поворачивается спиной, я хватаю горсть снега, делаю снежок и прячу его в карман.

– Все, поворачивайся.

Джон поворачивается, и я запускаю снежок прямо ему в голову. Он попадает ему в глаз.

– Ай! – вскрикивает он, потирая глаз рукавом куртки.

Я ахаю и подхожу к нему.

– О боже! Прости! Ты как...

Но Джон уже лепит новый снежок и бросается на меня. Так начинается наша снежная битва. Мы гоняемся друг за другом, и мне удается совершить красивый, точный бросок ему в спину. Мы объявляем

перемирие, когда я, поскользнувшись, чуть не падаю на пятую точку. К счастью, Джон успевает меня поймать. И не спешит меня отпускать. Мы секунду смотрим друг на друга, его руки вокруг моей талии. У него на ресницах снежинка. Он говорит:

– Если бы я не знал, что ты все еще страдаешь по Кавински, я бы тебя поцеловал.

Я вздрагиваю. Самым романтичным, что со мной случилось до Питера, была пробежка под дождем с Джоном Амброузом Маклареном и футбольными мячами. А теперь это. Как странно, что мы с Джоном даже не встречались, но с ним связаны два моих самых романтичных воспоминания.

Джон отпускает меня.

– Ты вся заледенела. Давай вернемся.

Мы идем в комнату отдыха на этаже Сторми, чтобы посидеть и оттаять. Горит только одна лампа для чтения, здесь тишина и полумрак. Похоже, к вечеру все постояльцы разошлись по своим квартирам. Немного странно находиться здесь без Сторми и остальных. Все равно что оказаться ночью в школе. Мы сидим на изысканном диване во французском стиле, и я снимаю ботинки, чтобы согреть ноги, и шевелю пальцами, чтобы вернуть им чувствительность.

– Жаль, нельзя камин разжечь, – вздыхает Джон, потягиваясь и глядя на камин.

– Да, он ненастоящий, – говорю я. – Наверняка есть какой-то закон насчет каминов в доме престарелых. Могу поспорить...

Я умолкаю, когда вижу, как Сторми в шелковом кимоно на цыпочках выходит из своей квартиры и крадется по коридору. К двери мистера Моралеса. О, мой бог!

– Что? – спрашивает Джон, и я закрываю ему рот ладонью.

Я пригибаюсь, соскальзывая с дивана на пол. Джона я тащу за собой. Мы сидим внизу, пока не раздастся щелчок замка. Он шепчет:

– Что такое? Что ты увидела?

Сядь обратно, я шепчу в ответ:

– Не знаю, хочешь ли ты это слышать.

– Господи, да что? Просто скажи мне.

– Я видела, как Сторми в красном кимоно проскользнула в квартиру мистера Моралеса.

Джон давится.

– О боже! Это...

Я смотрю на него с сочувствием.

– Да уж. Прости.

Качая головой, он откидывается на спинку дивана, вытянув перед собой ноги.

– Надо же! Ничего себе! У моей прабабушки более активная сексуальная жизнь, чем у меня.

Я не могу удержаться от вопроса:

– Значит... получается, ты не так часто занимаешься сексом? – и поспешно добавляю: – Прости, я очень любознательная. Или, как говорят, любопытная. Ты можешь не отвечать, если не хочешь.

– Нет, я отвечу. Я никогда еще не занимался сексом.

– Что?

Я не могу поверить. Как это возможно?

– Чем ты так потрясена?

– Не знаю, я просто думала, что все парни это делают.

– Ну, у меня была всего одна девушка, но она была религиозная, и мы ничего такого не делали. Но это нормально. В любом случае, поверь мне, не все парни занимаются сексом. Я бы сказал, большинство не занимается. – Джон делает паузу. – А ты?

– Я тоже никогда этого не делала, – говорю я.

Он озадаченно хмурится.

– погоди, я думал, что вы с Кавински...

– Нет. С чего ты это взял?

О... видео. Я сглатываю. Я надеялась, что он останется единственным человеком, кто его не смотрел.

– Значит, ты посмотрел видео из джакузи, да?

Джон колеблется, но потом отвечает:

– Да. Я сначала не понял, что это ты, пока на вечеринке в домике на дереве не узнал, что вы вместе. Парни из школы показали мне это видео, но я не особо внимательно смотрел.

– Мы просто целовались, – бормочу я, наклонив голову. – Мне жаль, что ты это видел.

– Почему? Если честно, мне вообще все равно.

– Мне просто нравилось думать, что ты воспринимаешь меня определенным образом. Такое чувство, что все теперь смотрят на меня иначе, а ты думал обо мне как о прежней Ларе Джин. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Именно *так* я тебя и вижу, – говорит Джон. – Для меня ты все та же. И я всегда буду так к тебе относиться, Лара Джин.

От его слов и от того, как он на меня смотрит, по всему телу

разливается золотистое тепло, наполняющее меня до самых кончиков замерзших пальцев. Я хочу, чтобы он поцеловал меня. Я хочу узнать, будет ли его поцелуй отличаться от Питера, успокоит ли он мое сердце, заставит ли меня забыть его, хотя бы на время. Но, может, Джон чувствует, что Питер каким-то образом стоит между нами, что он в моих мыслях, и этот момент принадлежит не только нам двоим, потому что ничего не делает.

– Почему ты всегда называешь меня полным именем? – вдруг спрашивает Джон.

– Не знаю. Просто, когда я о тебе думаю, оно возникает у меня в голове.

– О, значит, ты много обо мне думаешь?

Я смеюсь.

– Нет, я сказала, «когда» я о тебе думаю, что бывает не так уж и часто, я думаю о тебе так. Мне в первый учебный день всегда приходится объяснять учителям, что мое имя Лара Джин, а не просто Лара. А еще, помнишь, как мистер Чадни стал из-за этого и тебя называть Джон Амброуз? «Мистер Джон Амброуз»?

С наигранным, важным британским акцентом Джон произносит:

– Мистер Джон Амброуз Макларен третий, мадам.

Я смеюсь. Про третьего я раньше не знала.

– Ты серьезно?

– Да. И это раздражает. Мой отец – Джон младший, поэтому он Джей-Джей, а меня все родственники до сих пор называют Малыш Джон. – Парень морщится. – Лучше уж быть Джоном Амброузом, чем Малышом Джоном. Звучит, как рэпер или тот парень из «Робин Гуда».

– У тебя такая аристократичная семья.

Я видела маму Джона лишь раз, когда она за ним заезжала. Она выглядела моложе других матерей, у нее была такая же молочная кожа, как у Джона, и ее волосы соломенного цвета были длиннее, чем у других мам.

– Нет. Моя семья совсем не аристократичная. Вчера вечером на десерт мама приготовила салат из желе и овощей. А мой отец любит хорошо прожаренные стейки. И мы ездим отдыхать только туда, куда можно добраться на машине.

– Я думала, твои родители... ну, богатые.

Я тут же жалею, что сказала слово «богатые». Обсуждать чужие деньги – это всегда некрасиво.

– Отец не любит бросаться деньгами. У него успешная строительная компания, и он гордится тем, что всего добился сам. Он не ходил в колледж, как и мои бабушка с дедушкой. Моя сестра была первой в нашей

семье.

– Я этого не знала, – говорю я.

Сколько всего нового мне открылось о Джоне Амброузе Макларене!

– Теперь твоя очередь рассказать мне что-нибудь, чего я о тебе не знаю, – говорит Джон.

Я смеюсь.

– Ты знаешь больше, чем многие другие. Мое любовное письмо об этом позаботилось.

* * *

На следующее утро я зеваю, надевая пальто, и Сторми поднимает нарисованную карандашом бровь.

– Простудилась, резвясь вчера в снегу с моим Джонни?

Я поеживаюсь. Я надеялась, она об этом не заговорит. Последнее, что мне сейчас нужно, – это обсуждать ее полночное рандеву с мистером Моралесом. Вчера мы дождались, пока Сторми вернется в свою квартиру, и только потом Джон смог пойти спать к мистеру Моралесу. Я тихо говорю:

– Простите, что мы улизнули. Было так рано, мы не могли уснуть и решили немного подурачиться в снегу.

Сторми машет рукой.

– Именно на это я и надеялась! – Она мне подмигивает. – Поэтому я и заставила Джонни остаться с мистером Моралесом. Ведь без препятствий, добавляющих остроты, было бы совсем не интересно.

– Вы такая изобретательная! – восхищаюсь я.

– Спасибо, дорогая. – Сторми собой весьма довольна. – Знаешь, из моего Джонни получится прекрасный первый муж. Ну, так что, ты хотя бы поцеловала его по-французски?

Я краснею.

– Нет!

– Можешь мне рассказать, милая.

– Сторми, мы не целовались, а если бы и целовались, я бы не стала с вами это обсуждать.

Она надменно задирает нос.

– Что ж, это очень эгоистично с твоей стороны!

– Мне пора, Сторми. Папа ждет меня на улице. До встречи!

Я выбегаю из дверей, а она кричит вслед:

– Не волнуйся! Я вытяну подробности из Джонни! Увидимся с вами

обоими на вечеринке, Лара Джин!

Когда я выхожу на улицу, солнце ярко светит и почти весь снег уже растаял. Такое ощущение, будто прошлая ночь мне приснилась.

Вечером, перед военной вечеринкой, я звоню Крис по громкой связи, пока катаю колбаску песочного теста в коричневом сахаре.

– Крис, можно одолжить твой плакат с Клепальщицей Розы?

– Можно, только зачем он тебе?

– Для военной вечеринки в стиле сороковых годов, которую я завтра устраиваю в Бельвю.

– Все, молчи, мне скучно. Боже, ты можешь говорить о чем-то кроме Бельвю?

– Это моя работа!

– О, мне тоже найти работу?

Я закатываю глаза. Каждый наш разговор сводится к Крис и ее проблемам.

– Кстати, о прикольных работах: хочешь быть девушкой, разносящей сигары на вечеринке? Ты можешь надеть милый наряд с маленькой шляпкой.

– Настоящие сигары?

– Нет, шоколадные. Старикам вредно курить сигары.

– А выпивка там будет?

Я собираюсь сказать, что будет, но только для постояльцев, но потом передумываю.

– Вряд ли. С лекарствами и ходунками алкоголь может быть опасной комбинацией.

– Так когда, говоришь, вечеринка?

– Завтра!

– О, прости. Я не могу пожертвовать ради этого пятничным вечером. В пятницу наверняка подвернется что-то поинтереснее. Во вторник еще куда ни шло. Можешь перенести вечеринку на следующий вторник?

– Нет! Просто принеси завтра в школу плакат, пожалуйста.

– Да, только пришли мне напоминание.

– Ладно.

Я сдуваю волосы с лица и начинаю вырезать печенье. Мне еще нужно нарезать морковь и сельдерей для овощной тарелки, а также испечь безе. Я делаю полосатые красно-бело-синие «поцелуйчики» и волнуюсь, что цвета могут перемешаться. Что ж. Если перемешаются, гостям придется смириться с фиолетовыми безешками. Бывают вещи и похуже. Кстати, о

худшем...

– Ты что-нибудь слышала о Джен? Я была очень осторожна, но такое впечатление, что она вообще не играет.

На другом конце трубки тишина.

– Она, наверное, занята. Делает сексуальную куклу-вуду в виде Питера, – говорю я, отчасти надеясь, что Крис включится в разговор. Она всегда готова поддеть Джен.

Но она молчит и потом говорит:

– Мне надо идти. Мама ворчит, чтобы я погуляла с собакой.

– Не забудь плакат!

После школы мы с Китти обустроиваемся на кухне, потому что там самый хороший свет. Я приношу свои колонки и включаю «Сестер Эндрюс», чтобы настроиться на нужный лад. Китти расстилает полотенце и выкладывает на него всю косметику, шпильки и лак для волос.

Я смотрю на пачку одноразовых накладных ресниц.

– Где ты их достала?

– Бриэль стащила их у сестры и поделилась со мной.

– Китти!

– Она и не заметит! У нее их тонны!

– Нельзя просто так брать чужие вещи.

– Я и не брала, Бриэль взяла. К тому же я все равно не могу их вернуть. Хочешь, чтобы я их тебе наклеила или нет?

Я колеблюсь.

– Ты хотя бы знаешь как?

– Да, я много раз видела, как это делает ее сестра. – Китти берет ресницы у меня из рук. – Но если не хочешь, чтобы я их тебе приклеила, ладно, я сохраню их для себя.

– Ну... ладно, давай. Но больше не воруй! – хмурюсь я. – Эй, а мои вещи вы тоже берете?

Если подумать, я уже несколько месяцев не видела мою шапочку с кошачьими ушами.

– Тихо, не отвлекай меня, – говорит она.

Прическа занимает больше всего времени. Мы с Китти посмотрели бесчисленное множество видеоуроков, чтобы понять, каким образом делаются «победные роллы». Здесь нужно много начесов, лака для волос и бигуди. И шпильки. Много шпилек.

Я внимательно смотрю на себя в зеркало.

– Тебе не кажется, что прическа выглядят немного... тяжелой?

– В каком смысле тяжелой?

– Такое впечатление, что у меня на голове плюшка с корицей.

Китти подносит планшет мне к лицу.

– Да, как и у этой девушки. Такая уж прическа. Нельзя отклоняться от оригинала. Если мы сгладим образ, он не подойдет к теме вечера, и никто вообще не поймет, что у тебя на голове.

Я медленно киваю. Она права.

– К тому же я иду к мисс Ротшильд дрессировать Джейми. У меня нет времени начинать все сначала.

Для губ мы добились идеального вишневого цвета, смешав две красные помады, кирпичную и оттенка «пожарная машина», а сверху закрепили ярко-розовой пудрой. Я выгляжу так, будто поцеловала вишневый пирог.

Я промокаю губы, когда Китти спрашивает:

– Этот милашка, Джон Амбар Макэндриус, заедет за тобой, или вы встретитесь в доме престарелых?

Я предупреждающе машу салфеткой у нее перед лицом.

– Он за мной заедет, так что води себя хорошо. И он не милашка.

– По сравнению с Питером он милашка, – говорит Китти.

– Давай честно. Они оба миловидные. Питер тоже не качок в татуировках. Кстати, он очень тщеславный.

Каждый раз, когда мы проходим мимо окна или стеклянной двери, Питер смотрит на свое отражение.

– Ладно, а Джон тщеславный?

– Нет, я так не думаю.

– Хм.

– Китти, не устраивай соревнование «Джон против Питера». Не важно, кто симпатичнее.

Китти продолжает, будто меня и не слышала.

– У Питера машина круче. Что водит Джонни? Какой-нибудь внедорожник? Что толку от внедорожника? Они только бензин жрут.

– Справедливости ради замечу, что у него гибрид.

– А тебе нравится его защищать.

– Он мой друг.

– Ну а Питер – мой! – заявляет она.

Одеться оказалось непросто, но я наслаждаюсь каждым шагом. Мне нравится предвкушение, ожидание вечера. Я медленно надеваю чулки со швом, чтобы не сделать зацепку. У меня уходит вечность на то, чтобы выровнять швы по задней линии ног. Потом платье: синее, с узором из белых веточек и ягод и с прозрачными короткими рукавами. И, наконец, обувь. Громоздкие красные туфли на каблуках с бантиком на носке и ремешком на лодыжке.

Все вместе смотрится великолепно, и я должна признать, что Китти была права насчет победного ролла у меня на голове. Чего-то меньшего было бы недостаточно.

Когда я собираюсь выходить, папа начинает суетиться, восторгаясь моим шикарным видом, и делает миллион фотографий, которые отправляет Марго. Она сразу же звонит нам по видеочату, чтобы увидеть все своими глазами.

– Обязательно сфотографируйся вместе со Сторми, – просит Марго. – Я хочу посмотреть на ее сексуальный наряд.

– Он не такой уж и сексуальный, – отвечаю я. – Она сшила его сама, по выкройке платья сороковых годов.

– Уверена, она найдет способ сделать его сексуальным, – говорит Марго. – А что наденет Джон Макларен?

– Понятия не имею. Он сказал, что это сюрприз.

– Хм, – произносит она. Это очень многозначительное «хм», но я его игнорирую.

Когда папа делает последние снимки на крыльце, к нам подходит мисс Ротшильд.

– Ты потрясающе выглядишь, Лара Джин! – восхищается она.

– Да, не правда ли? – говорит папа нежно.

– Боже, обожаю сороковые! – восклицает мисс Ротшильд.

– Вы видели документальный фильм Кена Бернса «Война»? – спрашивает ее папа. – Если вам интересна Вторая мировая, то он обязателен к просмотру.

– Посмотрите как-нибудь вместе! – предлагает Китти, и мисс Ротшильд стреляет в нее предупреждающим взглядом.

– Он есть у вас на DVD? – спрашивает она папу.

Китти пылает от волнения.

– Конечно, можете взять в любое время, – предлагает папа, как всегда, не понимая намеков, и Китти хмурится, а потом у нее чуть не отваливается челюсть.

Я поворачиваюсь посмотреть, что она увидела. По улице едет красный «Мустанг»-кабриолет с опущенным верхом, за рулем сидит Джон Макларен.

От этого зрелища у меня тоже отваливается челюсть. Джон при полном параде: бежевая рубашка с коричневым галстуком, коричневые слаксы, коричневый ремень и шляпа. Волосы разделены пробором. Он выглядит лихо, как настоящий солдат. Он улыбается мне и машет.

– Ух ты! – выдыхаю я.

– Вот уж точно! – соглашается мисс Ротшильд, выпучив глаза вместе со мной.

Папа и документальный фильм Кена Берна забыты. Мы все палимся

на Джона в этой форме, в этой машине. Как будто я его придумала. Он паркует машину напротив дома, и мы все бежим к нему.

– Чья это машина? – хочет знать Китти.

– Папина, – отвечает Джон. – Я ее одолжил. Мне пришлось пообещать парковаться как можно дальше от других машин, так что, надеюсь, у тебя удобные туфли, Лара Джин. – Парень замолкает и осматривает меня с головы до ног. – Ого! Ты выглядишь потрясающе, – он показывает на мою плюшку с корицей. – А твоя прическа такая... аутентичная!

– Так и есть! – Я осторожно ее трогаю.

Внезапно я смущаюсь из-за своей прически и красной помады.

– Да! Круто, выглядит очень достоверно.

– И ты тоже, – говорю я.

– Можно мне посидеть в машине? – встречается Китти, ее рука уже на пассажирской дверце.

– Конечно, – отвечает Джон и вылезает из машины. – Но разве ты не хочешь сесть на водительское место?

Китти быстро кивает. Мисс Ротшильд тоже залезает в машину, и папа их фотографирует. Китти позирует, небрежно положив одну руку на руль.

Мы с Джоном стоим в стороне.

– Где ты раздобыл эту форму?

– Заказал через Интернет. – Он хмурится. – Я правильно надел шляпу? Тебе не кажется, что она слишком маленькая для моей головы?

– Вовсе нет. Думаю, она сидит именно так, как должна.

Я тронута тем, что он приложил столько усилий, специально заказал форму. Мало парней на такое способны.

– Сторми с ума сойдет, когда тебя увидит.

Джон смотрит на меня.

– Ну а ты? Тебе нравится?

Я краснею.

– Да. По-моему, ты выглядишь... потрясающе.

Оказалось, что Марго, как всегда, была права. Сторми укоротила подол платья, и теперь оно намного выше колена.

– У меня все еще есть, чем похвастаться, – торжествует она, кокетливо крутясь. – Ноги – моя лучшая часть тела, благодаря урокам верховой езды, что я брала в юности.

Немного декольте она тоже продемонстрировала.

Седой мужчина, приехавший из Фернклифа, смотрит на Сторми оценивающим взглядом, и та делает вид, что не замечает его, а сама

хлопает ресницами и кладет одну руку на бедро. Наверное, это тот самый милый вдовец, о котором она говорила.

Я фотографирую Сторми за пианино и сразу отправляю фотографию Марго, которая отвечает улыбающимся смайликом и двумя поднятыми вверх большими пальцами.

Я украшаю зал американским флагом, глядя, как Джон под руководством Сторми двигает стол ближе к центру комнаты. Алисия робко подходит ко мне, и мы смотрим на него вместе.

– Ты должна с ним встречаться.

– Алисия, говорю же, я только что рассталась с парнем, – шепчу я ей.

Я не могу отвести глаз от Джона в форме и с пробором.

– Что ж, вот тебе новый. Жизнь коротка.

Впервые Алисия и Сторми на одной стороне.

Сторми поправляет Джону галстук и шляпу. Она даже облизывает палец и пытается пригладить ему волосы, но тот уворачивается. Он ловит мой взгляд и делает испуганное лицо, как бы молящее: *«Помоги мне!»*

– Спаси его, – говорит Алисия. – Я закончу украшать стол. Моя выставка про лагеря интернированных уже готова.

Она устанавливает экспозицию у входа, чтобы это было первым, что увидят гости.

Я бегу к Джону и Сторми. Сторми мне улыбается.

– Она похожа на куклу, не так ли? – подмигивает она правнуку и уходит.

С серьезным лицом Джон говорит:

– Лара Джин, ты настоящая кукла.

Я смеюсь и касаюсь макушки.

– Кукла с плюшкой на голове.

Гости начинают прибывать, хотя до семи часов еще есть время. Я заметила, что пожилые люди, как правило, всегда приходят заранее. Нужно еще подключить музыку. Сторми говорит, что музыка на вечеринке – это самое важное, потому что она задает настроение в ту же минуту, как гость заходит. У меня начинают пульсировать нервы. Столько еще нужно сделать!

– Ладно, мне надо закончить приготовления.

– Скажи, чем тебе помочь, – говорит Джон. – Я твой заместитель командующего на этой тусовке. В сороковые уже было слово «тусовка»?

– Вполне возможно! – смеюсь я и быстро говорю: – Хорошо, установи мои колонки и плеер. Они в сумке у стола с напитками. И зайди за миссис Тэйлор в 5А. Я обещала ей сопровождающего.

Джон салюрует мне и убегает. По позвоночнику пробегают дрожь, словно пузырьки газировки. Сегодняшний вечер я запомню навсегда.

Проходит полтора часа, и Кристал Клемонс, дама с этажа Сторми, учит всех танцевать свинг. Разумеется, Сторми впереди, отжигает во всю мощь. Я повторяю движения, стоя у стола с напитками: раз-два, три-четыре, пять-шесть. До этого я танцевала с мистером Моралесом, но только один раз, потому что женщины бросали на меня грозные взгляды за то, что я заняла видного мужчину в хорошей форме. В домах для престарелых большой дефицит мужчин, поэтому партнеров для танца хватало не всем, их вдвое меньше. Я слышала, как некоторые женщины перешептывались, что со стороны джентльмена очень грубо не танцевать, когда дамы томятся без партнеров, и укоризненно смотрели на бедного Джона.

Джон стоит у другого края стола, пьет колу и качает головой в такт музыке. Я была так занята, бегая повсюду, что мы почти не разговаривали. Я наклоняюсь над столом и кричу:

– Тебе весело?!

Он кивает. Потом внезапно ставит стакан, так сильно, что стол трясется, и я подпрыгиваю.

– Ладно! – вздыхает парень. – Сейчас или никогда. Умирать, так с песней!

– Что?

– Давай потанцуем, – говорит Джон.

Я застенчиво отвечаю:

– Джон, если ты не хочешь, мы вовсе не обязаны танцевать.

– Нет, я хочу. Не зря же я брал у Сторми уроки свинга.

Я смотрю на него во все глаза.

– Когда ты брал у Сторми уроки свинга?

– Об этом не волнуйся, – отвечает он. – Просто потанцуй со мной.

– Что ж... У тебя остались военные облигации? – смеюсь я.

Джон достает одну из кармана брюк и шлепает ее на стол с напитками. Затем он берет меня за руку и ведет в центр танцпола, как солдат, отправляющийся на поле битвы. Он излучает мрачную сосредоточенность. Джон делает знак мистеру Моралесу, который был назначен ответственным за музыку, потому что он единственный, кто смог разобраться в моем телефоне. Из колонок вырывается «В настроении» Гленна Миллера.

Джон решительно мне кивает.

– Ну, давай.

И потом мы танцуем. Рок-степ, шаг в сторону, вместе, шаг в сторону,

повтор. Рок-степ, раз-два-три, раз-два-три. Мы миллион раз наступаем друг другу на ноги, но Джон закручивает меня – поворот, поворот, и наши лица горят, и мы оба смеемся. Когда песня заканчивается, он притягивает меня к себе и в качестве финального штриха откидывает назад. Все аплодируют. Мистер Моралес кричит:

– Ура молодым!

Джон берет меня и поднимает в воздух, как будто мы фигуристы, и толпа ликует. Я улыбаюсь так сильно, что боюсь, что разорвется лицо.

После вечеринки Джон помогает мне убрать украшения и все упаковать. Он идет на парковку с двумя огромными коробками, а я задерживаюсь, чтобы со всеми попрощаться и удостовериться, что мы ничего не забыли. Я до сих пор нахожусь под действием адреналина. Вечеринка прошла очень хорошо, и Джанетт осталась ужасно довольна. Она подошла, сжала мои плечи и сказала: «Я горжусь тобой, Лара Джин». А потом был танец с Джоном... Тринадцатилетняя версия меня умерла бы на месте. Шестнадцатилетняя версия меня плывет по коридору дома престарелых, как будто во сне.

Я выхожу из главного входа, когда вижу Женевьеву и Питера, они приближаются, держась за руки, и я будто оказываюсь в машине времени, и прошлого года никогда не было. *Нас* никогда не было.

Они все ближе. До них остается метра три, и я замираю на месте. Неужели мне не сбежать от них? От этого унижения и очередного проигрыша? Я так увлеклась военной вечеринкой и Джоном, что совсем забыла об игре. Какие у меня есть варианты? Если я развернусь и побегу обратно в дом престарелых, Женевьева просто будет ждать меня на парковке всю ночь. Вот и все, я снова кролик под ее когтистой лапой. Как обычно, она победит.

А потом становится поздно. Меня замечают. Питер резко отпускает руку Женевьевы.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он меня. – И что это за макияж?

Он показывает на мои глаза и губы.

Мои щеки горят. Я игнорирую вопрос о макияже и просто говорю:

– Я здесь работаю, забыл? Я знаю, зачем ты здесь, Женевьева. Спасибо тебе, Питер, что помог ей меня выследить. Ты настоящий друг.

– Кави, я здесь не затем, чтобы помочь ей вывести тебя из игры. Я даже не знал, что ты здесь будешь. Говорю же, я плевать хотел на эту игру! – Он поворачивается к Женевьеве и говорит обвиняющим тоном: – Ты же сказала, тебе нужно забрать что-то для друга твоей бабушки.

– Так и есть, – отвечает она. – Это просто чудесное совпадение. Полагаю, я выиграла, да?

Она такая самодовольная, так уверена в себе и своей победе надо мной.

– Ты меня еще не осалила.

Может, убежать внутрь? Сторми разрешит мне остаться на ночь, если потребуется.

И вдруг кабриолет «Мустанг» Джона с ревом врывается на парковку.

– Привет, ребят! – кричит он, и Питер с Женевьевой разевают рты.

Только тогда я понимаю, как странно мы, должно быть, смотримся вместе: Джон в своей форме Второй мировой войны и в стильной шляпе, и я, с победным роллом и красной помадой.

Питер смотрит на него.

– Что *ты* здесь делаешь?

– Здесь живет моя прабабушка. Сторми, – беспечным тоном сообщает Джон. – Ты мог о ней слышать. Она подруга Лары Джин.

– Он бы все равно не запомнил, – говорю я.

Питер хмурится, и я вижу, что я права. Это в его стиле.

– А что за наряды? – спрашивает он грубо.

– Военная вечеринка, – улыбаясь, отвечает Джон. – Очень эксклюзивная, только для ВИП-персон. Простите, ребят.

Затем он театрально приподнимает шляпу, от чего Питер приходит в бешенство, а я, в свою очередь, радуюсь.

– Что еще за военная вечеринка? – спрашивает меня Питер.

Джон с наслаждением вытягивает руку на спинку пассажирского сиденья!

– В память о Второй мировой войне.

– Я не тебя спрашивал, а ее, – взрывается Питер и смотрит на меня суровым взглядом. – Это *свидание*? Ты с ним на *свидании*? И чья, черт возьми, это машина?

Прежде чем я успеваю ответить, Женевьева делает движение в мою сторону, и я отскакиваю. Я бегу за колонну.

– Не будь ребенком, Лара Джин! – насмешливо тянет она. – Просто смирись, что ты проиграла, а я выиграла!

Я выглядываю из-за колонны, и Джон бросает на меня взгляд – взгляд, который говорит: «Залезай!» Я быстро киваю. Затем он открывает пассажирскую дверцу, и я несусь к нему сломя голову. Я едва успеваю закрыть за собой дверь, как он трогается с места. Питера и Женевьеву обдаёт пылью.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть. Питер уставился нам вслед с открытым ртом. Он ревнует, и я рада.

– Спасибо, что спас меня, – говорю я, пытаюсь отдышаться, сердце бешено бьется в груди.

Джон внимательно смотрит вперед, у него на лице широкая улыбка.

– Обращайся.

Мы останавливаемся на светофоре, он поворачивает голову и смотрит на меня, а потом мы смотрим друг на друга и начинаем смеяться как сумасшедшие, и мне снова не хватает воздуха.

– Ты видела выражение его лица? – задыхается Джон, опуская голову на руль.

– Это классика!

– Как в кино! – Он улыбается мне, ликуя, его голубые глаза горят.

– Совсем как в кино, – соглашаюсь я, откидывая голову на сиденье и глядя на луну такими широкими глазами, что становится больно.

Я сижу в красном «Мустанге»-кабриолете рядом с парнем в форме, и ночной воздух обволакивает мою кожу холодным шелком, на небе светят звезды, и я счастлива. По тому как Джон все еще улыбается самому себе, я знаю, что он тоже. На один вечер нам удалось притвориться. Забыть Питера и Женевьеву. Загорается зеленый свет, и я высоко поднимаю руки:

– Гони, Джонни! – кричу я, он резко срывается с места, и я визжу.

Какое-то время мы катаемся по округе, а на следующем светофоре Джон останавливается и обнимает меня за плечи, притягивая поближе к себе.

– Так это делалось в пятидесятые? – спрашивает он, одна рука на руле, другая – у меня на плечах.

Мое сердце снова набирает обороты.

– Ну, если быть точными, мы одеты по моде сороковых...

И тут он меня целует. Его губы теплые и уверенные, и я закрываю глаза.

Через секунду он отстраняется, смотрит на меня и говорит, наполовину серьезно, наполовину шутя:

– Лучше, чем в первый раз?

Я ошарашена. Теперь на нем следы моей помады. Я протягиваю руку и вытираю его губы. Загорается зеленый, но мы не двигаемся с места. Джон пристально смотрит на меня. Кто-то за нами начинает сигналить.

– Зеленый...

Он не шевелится, не сводит с меня глаз.

– Ответь на вопрос.

– Лучше.

Джон давит на газ, и мы снова едем. Я все еще не могу дышать. Я кричу ветру:

– Хочу посмотреть, как ты выступаешь на Модели ООН!

Джон смеется.

– Что? Зачем?

– Думаю, это увлекательное зрелище. Могу поспорить, ты в этом... хорош. Знаешь, по-моему, из всех нас ты особенно изменился.

– Как?

– Ты был немного тихоней. Закрытым. Теперь ты такой уверенный.

– Я все еще нервничаю, Лара Джин.

У Джона на лбу прядь волос, чуб, который никак не хочет лежать ровно. И эта упрямая прядь заставляет мое сердце сжиматься.

После того как Джон привозит меня домой, я бегу через дорогу, чтобы забрать Китти от мисс Ротшильд, и она приглашает меня на чашку чая. Китти спит на диване под тихо работающий телевизор. Мы устраиваемся на другом диване с чашками чая «Леди Грей», и мисс Ротшильд спрашивает меня, как прошла вечеринка. То ли потому, что я все еще возбуждена после вечера, или потому, что шпильки так крепко стягивают мне волосы, что у меня кружится голова, или из-за того, что, как только я начинаю говорить, ее глаза зажигаются искренним интересом, но я рассказываю ей все. Про танец с Джоном, про то, как все аплодировали, про Питера с Женевьевой, даже про поцелуй.

Когда я говорю о поцелуе, мисс Ротшильд начинает обмахиваться руками.

– Стоило мне увидеть парнишку в этой форме... Ох, подруга! – Она присвистывает. – Я почувствовала себя грязной старухой, ведь я знала его, когда он был еще маленьким. Но, *бог мой*, какой он красивый!

Я смеюсь, вытаскивая из волос шпильки. Она наклоняется и помогает мне. Моя плюшка с корицей разваливается, и голова наконец-то расслабляется. Так вот каково это, иметь маму? Поздние разговоры о мальчиках за чашкой чая?

Голос мисс Ротшильд становится низким и уверенным.

– В общем, так. У меня для тебя всего один совет. Позволь себе полностью присутствовать в каждом моменте. Просто не спи, понимаешь, что я хочу сказать? Иди ва-банк и выжми из этого опыта все, до последней капли.

– Так значит, вы ни о чем не сожалеете? Потому что вы всегда шли ва-банк?

Я думаю о ее разводе, о том, что о ней болтали соседи.

– О боже, нет. Конечно, сожалею. – Женщина смеется хриплым, сексуальным голосом, который бывает только у курильщиков или у тех, кто простужен. – Не знаю, почему я сижу здесь и пытаюсь давать тебе советы. Я одинокая разведенная женщина, и мне уже сорок... Два. Сорок два. Что я могу знать? Но это риторический вопрос, конечно же, – она тоскливо вздыхает. – Как я скучаю по сигаретам!

– Китти проверит ваше дыхание, – предупреждаю я, и она снова хрипло смеется.

– Я боюсь злить эту малышку!

– Она маленькая, но удаленькая, – соглашаюсь я. – Правильно делаете, что боитесь, мисс Ротшильд.

– Боже, Лара Джин, прошу тебя, называй меня Трина. Я, конечно, старая, но не *настолько* же!

Я колеблюсь.

– Хорошо. Трина... Вам нравится мой папа?

Она слегка краснеет.

– Ну... да. Думаю, он замечательный человек.

– А как мужчина?

– Что ж, он не из тех, с кем я обычно встречаюсь. К тому же он не проявлял ко мне ни малейшего интереса, так что вот так, ха-ха.

– Вы же заметили, что Китти пытается вас с ним свести? Если вам это неприятно, я заставлю ее перестать, – я поправляюсь: – Точнее, я могу попробовать заставить ее перестать. Хотя, думаю, она все правильно делает. По-моему, вы с папой подходите друг другу. Он любит готовить, любит жечь костры и не возражает против шопинга, потому что берет с собой книгу. А вы... вы веселая, непринужденная и просто очень... светлая.

Она мне улыбается.

– Я ходячая катастрофа, вот кто я.

– Это даже хорошо, особенно для такого, как папа. Это стоит хотя бы одного свидания, вы так не думаете? Что плохого в том, чтобы попробовать?

– Встречаться с соседями опасно. Что, если ничего не получится и мы будем вынуждены жить через дорогу друг от друга?

– Это крошечный, незначительный риск по сравнению с тем, что можно получить. Если ничего не получится, вы будете вежливо махать друг другу при встрече и идти каждый своей дорогой. Подумаешь! И я знаю, что необъективна, но мой папа того стоит. Он лучший.

– О, я знаю. Я смотрю на вас с сестрами и думаю: «Боже, мужчина, который мог воспитать таких девочек, должен быть особенным». Я никогда не видела, чтобы мужчина был так предан семье. Вы – три жемчужины на его короне. Так и должно быть. Отношения с отцом – это самые важные отношения с мужчиной в жизни девочки.

– А как же отношения с матерью?

Мисс Ротшильд наклоняет голову, раздумывая:

– Да, я бы сказала, что отношения девочки с мамой – это самые важные женские отношения. С мамой или с сестрами. Тебе повезло, что у

тебя их две. Конечно, ты и сама это знаешь лучше, чем кто-либо, но родители не всегда будут рядом. Если все идет так, как должно быть, они уходят первыми. Но сестры с тобой на всю жизнь.

– А у вас есть сестра?

Она кивает, на ее загорелом лице появляется легкая улыбка.

– У меня есть старшая сестра, Дженни. Мы не так хорошо ладим, как вы, девочки, но с возрастом она все больше и больше становится похожей на маму. Поэтому, когда я очень скучаю по маме, я приезжаю к Дженни и снова могу увидеть мамино лицо, – она морщит нос. – Звучит, наверное, жутковато.

– Вовсе нет. Думаю, это очень... мило. – Я сомневаюсь, стоит ли говорить то, что я хочу сказать. – Иногда, когда я слышу голос Марго, например, когда она внизу и зовет нас поскорее спускаться в машину, или кричит, что ужин готов, иногда он звучит совсем как мамин, и я забываюсь. Всего на секунду. – У меня из глаз текут слезы.

У мисс Ротшильд тоже слезы на глазах.

– Вряд ли девочка может когда-либо оправиться от потери матери. Я взрослая, и это вполне нормально и ожидаемо, что моя мама умерла, но я все равно иногда чувствую себя сиротой, – улыбается она мне. – Но это неизбежно, да? Когда ты кого-то теряешь и тебе все еще больно, тогда-то и понимаешь, что любовь была настоящей.

Я вытираю глаза. Наша с Питером любовь, была ли она настоящей? Потому что мне до сих пор больно, очень. Но, может, это часть жизни. Всклипывая, я спрашиваю:

– Итак, я хочу уточнить: если мой папа пригласит вас на свидание, вы согласитесь?

Трина разражается громким хохотом, а затем затыкает рот ладонью, увидев, что Китти ворочается на диване.

– Теперь я вижу, в кого пошла Китти.

– Трина, вы не ответили на вопрос.

– Мой ответ – да.

Я улыбаюсь сама себе. Да.

К тому времени, как я смываю макияж и переодеваюсь в пижаму, уже почти три утра. Хотя я совершенно не устала. Сейчас я больше всего хочу поговорить с Марго, рассказать ей каждую деталь вечера. В Шотландии на пять часов больше, а, значит, там почти восемь утра. Марго рано встает, так что я решаю попытаться счастья.

Я застаю ее, когда она готовится к завтраку. Она ставит ноутбук на

комод, чтобы мы могли разговаривать, пока она наносит крем от загара, тушь и бальзам для губ.

Я рассказываю ей о вечеринке, о появлении Питера и Женевиевы и, самое главное, о поцелуе с Джоном.

– Марго, кажется, я из тех, кто влюбляется в нескольких парней одновременно.

Возможно, я даже из тех, кто влюбляется десятки тысяч раз. Внезапно я представляю себя пчелкой, собирающей нектар то с маргаритки, то с розы, то с лилии. Каждый парень сладок по-своему.

– Ты? – Марго перестает завязывать волосы в хвост и тычет пальцем в экран. – Лара Джин, думаю, ты немного влюбляешься в каждого человека, которого встречаешь. Это часть твоего очарования. Ты влюблена в любовь.

Может, это и правда. Возможно, я влюблена в любовь. Это не такое уж и плохое чувство.

Завтра весенняя городская ярмарка, и Китти пообещала родительскому комитету, что я испеку торт для «сладкой прогулки». В этой игре, пока играет музыка, дети ходят вокруг цифр, как в игре со стульями. Когда музыка останавливается, выбирается случайная цифра, и ребенок, остановившийся напротив этой цифры, получает торт. Это всегда было моей любимой ярмарочной игрой. В первую очередь потому, что мне нравилось смотреть на все эти домашние торты, ну и потому, что я любила испытывать судьбу. Конечно же, дети толпятся вокруг стола с тортами и отмечают для себя тот, что хотят больше всех, и стараются идти медленнее, когда подходят к нужной цифре, но в основном все зависит от удачи. Эта игра не требует никаких навыков или умений: ты буквально просто ходишь по кругу под старомодную музыку. Конечно, можно пойти в кондитерскую и выбрать именно тот торт, который ты хочешь, но есть какое-то приятное волнение в неуверенности в том, что тебе достанется.

Мой торт будет шоколадным, потому что дети и люди в целом предпочитают шоколад любым другим вкусам. А вот с глазурью я решила пофантазировать. Может, соленая карамель, или маракуйя, или, может, кофейный крем. Я вынашиваю идею сделать торт-омбре, где глазурь переходит от темного к светлому. У меня такое чувство, что мой торт будет востребован.

Когда утром я забираю Китти из дома Шанайи, я спрашиваю ее маму, какой торт будет печь она, потому что миссис Роджерс – вице-президент родительского комитета начальной школы. Она вздыхает и говорит:

– Надо посмотреть, какие готовые смеси остались у меня в кладовке. Если никаких, то просто куплю торт в супермаркете.

В ответ она спрашивает, что планирую испечь я, и, услышав ответ, говорит:

– Я выбираю тебя молодой мамой года!

Я смеюсь, и эти слова вдохновляет меня испечь лучший торт, чтобы все знали, какое сокровище досталось Китти.

Я никогда не рассказывала об этом ни папе, ни Марго, но в средней школе в честь Дня матери наша учительница английского устроила чаепитие для мам и дочерей. Это было после уроков и необязательно, но я очень хотела пойти и попробовать мини-сэндвичи и булочки, которые она обещала принести. Но чаепитие было только для мам и дочерей. Думаю, я

могла бы попросить прийти бабушку, Марго так иногда делала для подобных мероприятий, но это было бы не то же самое. Вряд ли это будет беспокоить Китти, а вот я до сих пор об этом вспоминаю.

Сладкая прогулка проходит в музыкальном классе начальной школы. Я вызвалась отвечать за музыку и составила плей-лист из песен, связанных с сахаром. Разумеется, «Сахар, сахар» группы «Арчи», «Сахарный домик», «Сахарный город», «Я за себя не отвечаю» (где есть слова «Моя крошка, мой сладкий пирожок»). Когда я вхожу в музыкальный класс, мама Питера и еще чья-то мама расставляют торты. Я замираю, не зная, что делать.

– Привет, Лара Джин, – говорит она, улыбаясь, но ее улыбка не отражается в глазах, и мне становится не по себе. Когда женщина уходит, я вздыхаю с облегчением.

Целый день класс забит детьми, некоторые играют по несколько раз ради торта своей мечты. Я направляю участников к моему карамельному торту, который еще свободен. Всех заворожил немецкий шоколадный торт, который, по-моему, был куплен в магазине, но о вкусах не спорят. Сама я никогда не была поклонницей немецкого шоколадного торта, потому что кому нужны размокшие кокосовые стружки? Брр!

Китти соизволила целый час помогать мне с игрой, а теперь бегают с подружками. Появляется Питер со своим младшим братом, Оуэном. Играет песня «Посыпь меня сахаром». Китти подходит поздороваться, а я упорно пялюсь в телефон, пока она показывает им торты. Я опускаю голову и делаю вид, что пишу смс, когда Питер встает рядом со мной.

– Какой из этих тортов твой? Кокосовый?

Я вскидываю голову.

– Я бы не купила магазинный торт ради такого события!

– Я пошутил, Кави. Твой – карамельный. Это сразу видно по необычной глазури. – Парень замолкает и засовывает руки в карманы. – В общем, чтобы ты знала, я приезжал в дом престарелых не для того, чтобы помочь Женестье тебе устранить.

Я пожимаю плечами.

– Я уверена, что ты уже написал ей и сказал, что я здесь, так что...

– Говорю же, плевать мне на эту игру. Она тупая.

– Ну а мне не плевать. Я все еще планирую выиграть. – Я ставлю следующую песню, и дети сбегаются на позиции. – Так вы с Женестьевой снова вместе?

Он грубо фыркает.

– Тебе-то что?

Я снова пожимаю плечами.

– Я знала, что в итоге ты к ней вернешься.

Питера это оскорбляет. Он отворачивается, будто собирается уйти, но затем останавливается и потирает затылок.

– Ты так и не ответила на мой вопрос насчет Макларена. У вас было свидание?

– Тебе-то что?

Он раздувает ноздри.

– А то, что мне, черт возьми, это важно, потому что ты была моей девушкой всего несколько недель назад! Я даже не помню, из-за чего мы расстались.

– Если ты этого не помнишь, то я даже не знаю, что тебе сказать.

– Просто скажи правду. Не капай мне на мозги. – На половине фразы его голос срывается.

В любое другое время мы бы над этим посмеялись. Хотела бы я, чтобы мы могли посмеяться и сейчас.

– Что у тебя с Маклареном?

Комок в горле вдруг не позволяет мне нормально говорить.

– Ничего. – Только поцелуй. – Мы друзья. Он помогал мне с игрой.

– Как удобно. Сначала он пишет тебе письма, потом возит тебя по городу и тусуется с тобой в доме престарелых.

– Ты говорил, что не возражаешь насчет писем.

– Что ж, видимо, возражал.

– Так сразу бы и сказал!

Китти поглядывает на нас, наморщив лоб.

– Я не хочу больше говорить об этом. И вообще, я занята.

Питер смотрит на меня.

– Ты его целовала?

Сказать правду? Я обязана?

– Да. Один раз.

Он моргает.

– То есть я соблюдал целибат с тех пор, как мы затеяли эту идиотскую игру, и даже раньше, вообще-то, а ты тем временем развлекалась с Маклареном?

– Мы расстались, Питер. А вот когда мы с тобой действительно были вместе, ты был с Женевьевой.

Он откидывает голову и кричит:

– Я ее не целовал!

Некоторые родители поворачиваются и смотрят на нас.

– Твои руки были вокруг нее, – шепчу я надрывно. – Ты ее *обнимал*!
– Я ее *утешал*! Боже! Она плакала! Я же говорил! Ты целовалась с ним, чтобы мне отомстить?

Питер хочет, чтобы я ответила утвердительно. Он хочет, чтобы все дело было в нем. Но я не думала о Питере, когда целовала Джона. Я целовала его, потому что хотела.

– Нет.

Его челюсть дергается.

– Когда мы расстались, ты сказала, что хочешь быть чьей-то девушкой номер один, но посмотри на себя. Ты не хочешь, чтобы у тебя был парень номер один. – Он грубо показывает на стол с тортами. – Ты хочешь и иметь торт, и съесть его.

Его слова больно бьют, как он и надеялся.

– Ненавижу эту поговорку. Что она вообще значит? Конечно, я хочу иметь торт и съесть его, иначе какой смысл иметь торт?

Он хмурится.

– Ты же знаешь, что я говорю не об этом.

Песня заканчивается, и дети подбегают получить свои торты. Китти с Оуэном тоже.

– Пошли, – говорит Оуэн Питеру. У него мой карамельный торт.

Питер смотрит на него, а потом на меня, его глаза становятся жесткими.

– Мне не нужен этот торт.

– Но ты сказал мне взять именно его!

– Что ж, а теперь я его не хочу. Поставь его и возьми фруктовый с разноцветной посыпкой, вон там, в конце стола.

– Нельзя, – говорит Китти. – Сладкая прогулка устроена не так. Ты получаешь тот торт, на каком номере остановился.

Питер ошеломленно открывает рот.

– Ой, да брось, малышка!

Китти подвигается ближе ко мне.

– Нет!

После того как Питер с братом уходят, я крепко обнимаю Китти. Она все-таки встала на мою сторону. Сестры Сонг должны держаться вместе.

Китти хотела подольше остаться на ярмарке, поэтому я ехала домой одна, когда заметила на дороге машину Женеьевы. И вот я решила за ней проследить. Пора уже вывести ее из игры.

Водит она бесстрашно. Из-за того как она проскакивает через светофоры, я несколько раз чуть ее не упустила. *«Я не настолько хороший водитель!»* – хочу я закричать ей.

Наконец мы оказываемся у офисного здания. Насколько я помню, там работает ее отец. Она заходит внутрь, а я останавливаюсь на той же парковке, но не слишком близко. Я выключаю двигатель и откидываю кресло назад, чтобы Джен не могла меня увидеть.

Проходит десять минут, и ничего не происходит. Я даже не знаю, зачем ей приходиться в отцовский офис в выходные. Может, она помогает секретарше отца? Возможно, я здесь надолго. Но я готова ждать вечно, если понадобится. Я выиграю, несмотря ни на что. Меня даже не волнует награда. Я просто хочу победить.

Я уже начинаю засыпать, когда из здания выходят два человека: ее отец, в костюме и бежевом пальто, и девушка. Я опускаюсь пониже на сиденье. Сначала я думаю, что это Женеьева, но эта девушка выше. Я прищуриваюсь. Я ее знаю! Она училась вместе с Марго. Кажется, они вместе ходили на занятия для будущих лидеров. Анна Хикс. Они идут на парковку, отец Джен провожает ее до машины. Она нащупывает ключи. Он берет ее за руку и разворачивает лицом к себе. А потом они целуются. Страстно. С языками. Руки повсюду.

О боже! Она ровесница Марго! Ей восемнадцать, а отец Женеьевы целует ее так, будто она взрослая женщина. Он же отец. А она – чья-то дочь.

Мне становится тошно. Как он может так поступать с мамой Женеьевы? И с Джен? Она знает? Так вот через какие семейные проблемы она сейчас проходит? Если бы мой папа так поступил, я бы никогда больше не смогла смотреть на него, как раньше. Я даже не уверена, смогла бы я смотреть на мою *жизнь*, как раньше. Это ужасное предательство, не только семьи, но и себя самого, своей совести.

Я больше не хочу смотреть. Я наклоняюсь ниже, пока они оба не уезжают с парковки, и уже собираюсь завести двигатель, когда выходит Женеьева, скрестив руки на груди и опустив плечи.

О, мой бог! Она меня заметила. Сузив глаза, она направляется прямо ко мне. Я хочу уехать, но не могу. Она встает прямо передо мной и злобно показывает мне жестаи опустить стекло. Я так и делаю, но мне сложно смотреть ей в глаза.

– Ты все видела? – выпаливает она.

– Нет, – мямлю я. – Я ничего не видела...

Лицо Женеьевы багровеет, она знает, что я лгу. На секунду я в ужасе думаю, что она сейчас заплачет или ударит меня. Лучше бы она меня ударила.

– Давай! – говорит она. – Осаль меня. Ты же за этим приехала?

Я качаю головой, и вдруг Джен хватает мои руки с руля и кладет их себе на ключицы.

– Пожалуйста! Ты выиграла, Лара Джин! Игра окончена!

И она бежит к своей машине.

Есть одно корейское слово, которому научила меня бабушка. «Джунг». Это связь между двумя людьми, которая не может быть разорвана, даже когда любовь превращается в ненависть. У тебя остаются старые чувства, и ты никогда не сможешь от них избавиться, в глубине души ты всегда будешь относиться к этому человеку с нежностью. Думаю, в какой-то мере это именно то, что я чувствую к Женеьеве. Из-за «джунга» я не могу ее ненавидеть. Мы связаны.

И тот же самый «джунг» не дает Питеру отпустить ее. Они тоже связаны. Если бы мой папа делал то, что делает ее отец, разве бы мне не хотелось обратиться к единственному человеку, который никогда меня не подводил? Который всегда был рядом и любил меня больше всего на свете? Для Женеьевы такой человек – Питер. Как я могу лишать ее этого?

Мы прибираемся на кухне после беспорядка, который устроили, готовя на завтрак блины, когда папа говорит:

– Кажется, еще у одной из сестер Сонг скоро день рождения.

Он поет: «Тебе шестнадцать, почти уж семнадцать...», и я испытываю острый прилив любви к нему. Как же мне повезло с папой!

– Что это за песня? – вмешивается Китти.

Я беру Китти за руку и начинаю кружиться с ней по кухне. «Мне шестнадцать, почти уж семнадцать, я знаю, что я наивна. Парни смотрят мне вслед, говорят, я мила, и я им охотно верю».

Папа забрасывает полотенце через плечо и начинает маршировать на месте. Глубоким баритоном он поет: «Тебе нужен кто-то старше и мудрее, кто скажет тебе, что делать».

– Какая-то сексистская песня, – говорит Китти, когда я ее опускаю.

– И правда, – соглашается папа, шлепая ее полотенцем. – И парень, если подумать, был вовсе не старше и мудрее. Он был начинающим фашистом.

Китти отбегает от нас обоих.

– О чем вы вообще говорите?

– Это же «Звуки музыки», – отвечаю я.

– Ты о том фильме про няню? Я его не смотрела.

– Как ты могла смотреть «Клан Сопрано», но не видеть «Звуки музыки»?

– Китти смотрела «Клан Сопрано»? – встревоженно спрашивает папа.

– Только рекламу, – спешит заверить его Китти.

Я продолжаю петь одна, кружась по кругу, как Лизль в беседке. «Мне шестнадцать, почти уж семнадцать, я знаю, что я наивна... Парни смотрят мне вслед, говорят, я мила, и я им охотно верю...»

– С чего ты так охотно веришь первому встречному парню, которого даже не знаешь?

– Это же песня, Китти! А не я. Боже! – Я перестаю крутиться. – Хотя Лизль и правда была дурочкой. Можно сказать, что это из-за нее всех чуть не поймали фашисты.

– Я бы рискнул сказать, что это была вина капитана фон Траппа, – выступает со своим мнением папа. – Рольф и сам был ребенком, он собирался их отпустить, но потом Георг его испортил, – он трясет

головой. – У Георга фон Траппа была мания величия. Слушайте, надо устроить вечер «Звуков музыки»!

– Конечно! – восклицаю я.

– Какой-то ужасный фильм, – морщится Китти. – И что за имя такое, «Георг»?

Однако ее вопрос так и остается без ответа.

– Сегодня? Я приготовлю такос аль пастор! – Спыхватывается папа.

– Не могу, – отвечаю я. – Мне надо в Бельвю.

– Ну а ты, Китти? – спрашивает папа.

– Мама Софи будет учить нас готовить картофельные оладьи, – говорит Китти. – Ты знал, что если сверху положить яблочное пюре, получается просто объедение?

Папа опускает плечи.

– Да. Я знал. Что ж, придется резервировать вас за месяц вперед.

– Или пригласи мисс Ротшильд, – предлагает Китти. – Ей по выходным тоже одиноко.

Он смотрит на нее с насмешкой.

– Уверен, у нее есть масса куда более интересных дел, чем смотреть «Звуки музыки» с соседом.

– Не забывай про такос аль пастор, – быстро вмешиваюсь я. – Это настоящая приманка. И ты, разумеется. Ты приманка.

– Ты точно приманка! – вскрикивает Китти.

– Девочки... – начинает папа.

– погоди, – перебиваю я. – Дай мне только одно сказать. Тебе нужно ходить на свидания, папа.

– Я хожу на свидания!

– Ты ходил на два свидания за всю жизнь! – говорю я, и он замолкает. – Почему бы не пригласить мисс Ротшильд? Она милая, у нее хорошая работа, Китти ее обожает. И живет она рядом.

– Вот именно поэтому мне и не стоит ее приглашать, – возражает папа. – Нельзя встречаться с соседями или коллегами, потому что потом вам придется видаться, даже если ничего не получится.

Китти спрашивает:

– То есть, как говорится: «Не сри там, где ешь»?

Папа хмурится, и Китти быстро поправляется:

– В смысле: «Не какай там, где ешь». Ты об этом, да, пап?

– Да, именно это я и имел в виду, но, Китти, мне не нравится, когда ты выражаешься.

– Прости, – раскаивается она. – Но я все же думаю, тебе нужно дать

мисс Ротшильд шанс. Если ничего не получится, то не получится.

– Я просто не хочу внушать в вас ложные надежды, – говорит папа.

– Такова жизнь, – отвечает Китти. – Не все всегда получается.

Посмотри на Питера и Лару Джин.

Я бросаю на нее возмущенный взгляд.

– Ну, спасибо тебе.

– Я просто пытаюсь донести смысл, – говорит она.

Китти подходит к папе и обнимает его за талию. Похоже, она серьезно настроилась добиться своего.

– Просто подумай об этом, папа. Такос. Няни. Фашисты. И мисс Ротшильд.

– У нее наверняка есть планы, – вздыхает он.

– Она мне сказала, что, если ты ее пригласишь, она согласится, – выпаливаю я.

– Правда? – поражается папа. – Ты уверена?

– Абсолютно.

– Что ж... тогда, может, я ее приглашу. На кофе или выпить. «Звуки музыки» слишком длинные для первого свидания.

Мы с Китти радостно вскрикиваем и хлопаем друг друга по ладони.

У нас с марго и джошем была традиция завтракать в мой день рождения в закусочной. Если день рождения выпадал на будний день, мы вставали пораньше и шли перед уроками. Я заказывала черничные блинчики, Марго вставляла в них свечи, и они с Джошем мне пели.

Утром моего семнадцатого дня рождения Джош присылает мне сообщение «С днем рождения!», но я понимаю, что в закусочную мы не пойдем. У него теперь есть девушка, и это было бы странно, особенно без Марго. Эсэмэски вполне достаточно.

На завтрак папа готовит яичницу с чоризо, а Китти мастерит мне большую открытку с приклеенными на нее фотографиями Джейми. Марго звонит мне по видеочату, чтобы поздравить с днем рождения и сказать, что мой подарок должны прислать сегодня днем или завтра.

В школе Крис и Лукас вставляют свечку в пончики, которые купили в автомате, и поют мне «С днем рождения» в коридоре. Крис дарит мне новую помаду: красную, на случай, если я захочу быть плохой, говорит она. Питер ничего не говорит мне на уроке химии, думаю, он даже не знает, что у меня день рождения, к тому же что он может мне сказать после того, как все между нами кончилось? Тем не менее день получается хорошим, хоть и не богатым на события.

Но потом, выходя из школы, я вижу на улице Джона. Он стоит у своей машины и еще меня не заметил. В ярком дневном свете солнце падает на золотистые волосы Джона как ореол, и внезапно на меня накатывает воспоминание о той поре, когда я любила его на расстоянии, так сильно и пылко. Я так восхищалась его тонкими руками и изгибом его скул. Когда-то я знала его лицо наизусть. Я запомнила его.

Я ускоряю шаг.

– Привет! – говорю я, махая ему. – Что ты здесь делаешь? Разве у тебя нет уроков?

– Сбежал пораньше, – отвечает он.

– Ты? Джон Амброуз Макларен прогулял уроки?

Он смеется.

– Я тебе кое-что принес. – Джон вытаскивает из кармана куртки маленькую коробочку и протягивает ее мне. – Вот.

Я беру коробочку, она тяжелая, ее вес ощущается у меня на ладони.

– Мне... открыть прямо сейчас?

– Если хочешь.

Я чувствую на себе его взгляд, когда срываю бумагу и открываю белую коробочку. Джон весь в нетерпении. Я готовлю улыбку, чтобы он знал, что мне понравилось, что бы это ни было. Один лишь факт, что он подумал и купил мне подарок, уже для меня очень... дорог.

Из белой оберточной бумаги выглядывает снежный шар размером с апельсин на медной подставке. Внутри мальчик и девочка катаются на коньках. На ней красный свитер и меховые наушники. Она выписывает восьмерку, а он ей улыбается. Это как мгновение, застывшее в янтаре. Одно прекрасное мгновение, сохраненное под стеклом. Как та ночь снежным апрелем.

– Мне очень нравится! – говорю я, и это правда.

Мне нравится. Лишь тот, кто действительно хорошо меня знает, мог подарить мне такой подарок. И чувствовать, что кто-то тебя знает и понимает, настолько чудесно, что я готова расплакаться. Я хочу хранить это вечно. Этот момент и этот снежный шар.

Я приподнимаюсь на цыпочки и обнимаю его, и он крепко обнимает меня в ответ, а потом еще крепче.

– С днем рождения, Лара Джин.

Я собираюсь сесть в его машину, когда вижу Питера.

– погоди секунду, – говорит он, на его лице милая полуулыбка.

– Привет, – осторожно отвечаю я.

– Привет, Кавински, – здоровается Джон.

Питер ему кивает.

– Мне так и не представилось возможности поздравить тебя с днем рождения, Кави.

– Но ты видел меня на химии... – бормочу я.

– Ты так быстро ушла. У меня для тебя кое-что есть. Протяни ладошки. – Парень берет снежный шар у меня из рук и отдает его Джону. – Вот, поддержи пока.

Я перевожу взгляд с Питера на Джона. Теперь я нервничаю.

– Протяни руки, – просит Питер.

Я смотрю на Джона еще раз, прежде чем подчиниться, и Питер вытаскивает что-то из кармана и кладет мне на ладони. Медальон в форме сердца.

– Он твой.

– Я думала, ты вернул его в мамин магазин, – медленно говорю я.

– Нет. Ни на одной девушке он не будет смотреться так, как нужно.

Я моргаю.

– Питер, я не могу его принять. – Я пытаюсь отдать кулон, но он качает головой, отказываясь брать. – Питер, пожалуйста.

– Нет. Когда я верну тебя, я надену этот кулон тебе на шею. Это будет твой значок. – Он пытается удержать мой взгляд. – Как в пятидесятые. Помнишь, Лара Джин?

Я открываю рот и закрываю.

– Не думаю, что значок значил то, что ты думаешь, – пожимаю плечами я, протягивая ему кулон. – Пожалуйста, заberi его.

– Скажи, какое у тебя желание? – спрашивает Питер. – Пожелай о чем угодно, и я дам это тебе, Лара Джин. Тебе нужно только попросить.

У меня кружится голова. Мир вертится вокруг нас, люди выходят из школы, идут к своим машинам. Джон стоит рядом, а Питер смотрит на меня так, будто мы здесь одни. Будто мы одни на всем белом свете.

Голос Джона выводит меня из транса.

– Что ты *делаешь*, Кавински? – спрашивает он, качая головой. – Ты жалок. Ты обращался с ней, как с мусором, а теперь решил, что хочешь ее вернуть?

– Не лезь в это, Сандэнс Кид, – отрезает Питер. А мне он мягко говорит: – Ты обещала, что не разобьешь мне сердце. В контракте ты подписалась, что не сделаешь этого, но разбила, Кави.

Я никогда не слышала, чтобы он говорил так искренне, так чувственно.

– Прости, – шепчу я тонким голосом. – Я просто не могу.

Я не оглядываюсь на Питера, когда сажусь в машину, но его кулон все еще зажат у меня в кулаке. В последнюю секунду я оборачиваюсь, но мы уже слишком далеко: я не могу видеть, там ли Питер или ушел. Мое сердце бешено стучит. Что для меня страшнее потерять? Реальность с Питером или мечту о Джоне? Без кого я не смогу жить?

Я вспоминаю руки Джона на моих руках. Как я лежала рядом с ним в снегу. То, как его глаза становятся еще более голубыми, когда он смеется. Я не хочу от этого отказываться. Но и от Питера я отказываться не хочу. В них обоих есть столько всего, за что их можно любить. Мальчишеская уверенность Питера, его солнечное отношение к жизни, то, как он добр к Китти. То, как мое сердце делает сальто всякий раз, когда его машина подъезжает к моему дому.

Несколько минут мы едем в тишине, а потом, глядя прямо перед собой, Джон спрашивает:

– У меня хотя бы есть шанс?

– Я так легко могу в тебя влюбиться, – шепчу я. – Я уже на полпути.
Его адамово яблоко подскакивает в горле.

– В моих воспоминаниях ты был таким идеальным, и ты не менее идеален сейчас. Как будто я сама тебя придумала. Из всех парней я бы выбрала именно тебя.

– Но?

– Но... я все еще люблю Питера. Ничего не могу поделать. Он был первым, и он... он никак не хочет уходить.

Джон обреченно вздыхает, от чего мое сердце разрывается.

– Черт тебя возьми, Кавински.

– Прости. Ты мне тоже очень нравишься, Джон, правда. Если бы только... вот бы тогда, в восьмом классе, мы все-таки пошли с тобой на танцы.

И потом Джон Амброуз Макларен произносит последнюю фразу, от которой мое сердце разрывается от чувств:

– Думаю, тогда нам не суждено было быть вместе. И сейчас, видимо, тоже. – Джон смотрит на меня уверенным взглядом. – Но может однажды наше время придет.

Я стою в женском туалете и поправляю бант на своем хвосте, когда входит Женестьева. У меня пересыхает во рту. Она застывает, а потом поворачивается, чтобы зайти в кабинку. Тогда я говорю:

– Мы с тобой часто встречаемся в туалете.

Она не отвечает.

– Джен... я сожалею о том, что было в тот день.

Женестьева поворачивается и идет на меня.

– Мне не нужны твои извинения. – Она хватает меня за руку. – Но если ты хоть кому-нибудь расскажешь, клянусь богом...

– Не расскажу! – кричу я. – Не расскажу. Я бы никогда так не сделала.

Она отпускает мою руку.

– Потому что тебе меня жаль, да? – Женестьева горько смеется. – Ты маленькая обманщица. От этой твоей милой сладкой личины меня тошнит. Ты всех обдурила, но я знаю, какая ты на самом деле!

Яд в ее голосе меня ошеломляет.

– Что я тебе сделала? За что ты меня так ненавидишь?

– О боже! Хватит! Не веди себя так, будто не знаешь! Ты должна отвечать за все дерьмо, что ты мне сделала.

– Погоди-ка, – говорю я. – Что я тебе сделала? Это ты выложила мое интимное видео в Интернет! Ты не можешь менять историю, как тебе заблагорассудится! Я Эпониная, а ты Козетта! Не выворачивай все так, будто я Козетта!

Ее рот изгибается.

– О чем ты, черт возьми, говоришь?

– Отверженные!

– Я не смотрю мюзиклы! – Женестьева поворачивается, будто собирается уйти, но потом останавливается и говорит: – Я видела вас тогда в седьмом классе. Я видела, как ты его поцеловала.

Она была там?

Она видит, что я ошарашена, и упивается этим.

– Я оставила куртку внизу, а когда вернулась за ней, увидела, как вы целовались на диване. Ты нарушила главное правило девчачьего кодекса, Лара Джин! Каким-то образом, у себя в голове, ты сделала из меня злодейку. Но, чтобы ты знала, я не была стервой только для того, чтобы быть стервой. Ты это заслужила.

У меня кружится голова.

– Если ты знала, почему продолжала со мной общаться? Мы перестали дружить уже гораздо позже.

Женевьева пожимает плечами.

– Потому что мне нравилось бросать это тебе в лицо. Что он мой, а не твой. Поверь, с того момента мы уже не были подругами.

Странно, что из всего, что она мне говорила, это ранит меня особенно сильно.

– К твоему сведению, это не я его поцеловала. Он поцеловал меня. Я даже не думала о нем в таком смысле до того самого поцелуя.

– Он поцеловал тебя в тот день только потому, что я отказалась, – фыркает Женевьева. – Ты была вторым вариантом. Если бы ты тогда сразу призналась, может, я бы тебя простила. Возможно. Но ты ничего не сказала.

Я сглатываю.

– Я хотела. Но это был мой первый поцелуй, и он был не с тем парнем, и я знала, что не нравлюсь ему.

Теперь мне все ясно. Почему она так старалась разлучить нас с Питером. Приклеилась к нему, заставляя его доказывать, что она остается для него первой. Это не оправдывает всего, что она сделала, но теперь я знаю, в чем виновата. Мне надо было сразу рассказать ей о поцелуе в седьмом классе. Я знала, как Питер ей нравился.

– Женевьева, мне очень жаль. Правда. Если бы я могла все изменить, я бы так и сделала.

Она дергает бровью, и я знаю, что мои слова ее не трогают. Внезапно я говорю:

– Когда-то мы были подругами. Может... Думаешь, мы когда-нибудь сможем снова дружить?

Женевьева смотрит на меня с полным и глубочайшим пренебрежением, как будто я ребенок, попросивший луну.

– Повзрослей, Лара Джин.

И во многих смыслах я чувствую, что повзрослела.

Я лежу на спине в домике на дереве и смотрю в окно. Месяц такой тонкий, будто в небе сделали надрез. Завтра домика на дереве больше не будет. Я почти не думала о нем, но теперь, когда его сносят, мне грустно. Думаю, это как детские игрушки. Они тебе не важны, пока ты их не лишишься. Но это больше, чем просто домик на дереве. Это прощание. Такое чувство, что это конец всего.

Я сажусь и замечаю фиолетовую нитку, торчащую из половицы. Она тянется наружу, как травинка. Я берусь за конец, и она легко выходит. Это браслет дружбы Женеьевы, тот, что я ей сплела.

Поверь мне, с того момента мы больше не были подругами.

Это неправда. Мы все еще устраивали ночевки, дни рождения, она все еще плакалась мне, когда думала, что ее родители разведутся. Она не могла ненавидеть меня все это время. Я в это не верю. И браслет это доказывает.

Потому что именно его она положила в капсулу времени, свою самую драгоценную вещь, так же, как и я свой. А потом, на вечеринке, она его вытащила и спрятала: она не хотела, чтобы я увидела. Но теперь я знаю. Тогда я тоже была важна для нее. Когда-то мы были настоящими подругами. У меня из глаз катятся слезы. Прощай, Женеьева, прощай, средняя школа, прощай, домик на дереве и все, что было важно для меня тем жарким летом.

Люди в твоей жизни приходят и уходят. На какое-то время они – весь твой мир, они для тебя все. А потом вдруг раз – и нет. Нельзя сказать, как долго они будут рядом. Год назад я бы и представить себе не могла, что Джош больше не будет неотъемлемой частью моей жизни. Я и не думала, как тяжело будет не видеть Марго каждый день, какой потерянной я буду чувствовать себя без нее, или как легко Джош сможет ускользнуть, так, что я даже не замечу. Прощания – вот что сложно.

– Кави? – Голос Питера доносится до меня с улицы, снизу, из темноты.

Я сажусь.

– Я здесь!

Он быстро карабкается по лестнице, нагибаясь, чтобы не удариться головой о потолок. Он подползает к противоположной от меня стене, и мы сидим друг напротив друга.

– Завтра домик на дереве снесут, – говорю я.

– Да ладно?

– Да. Здесь хотят построить беседку. Знаешь, как в «Звуках музыки». Питер косится на меня.

– Зачем ты позвала меня сюда, Лара Джин? Уж точно не для того, чтобы поговорить о «Звуках музыки».

– Я знаю о Женевьеве. В смысле, ее секрет.

Он откидывается назад, с глухим стуком ударяясь головой о стену.

– Ее отец подонок. Он и раньше изменял ее маме. Но никогда с такой молодой. – Питер быстро тараторит, будто обрадовавшись, что об этом наконец-то можно говорить. – Когда между ее родителями все становилось совсем плохо, Джен начинала причинять себе вред. Я должен был защищать ее. Это была моя обязанность. Иногда меня это пугало, но мне нравилось, что я, ну не знаю... нужен. – Затем он вздыхает и продолжает: – Знаю, что она мной манипулирует, я всегда это знал. Но мне было проще не обращать на это внимания. Может, я боялся.

Я задерживаю дыхание.

– Боялся чего?

– Разочаровать тебя. – Питер отворачивается. – Я знаю, как серьезно ты относишься к сексу. Я не хотел все испортить. Ты такая невинная, Лара Джин. А в моем прошлом столько дерьма.

Я хочу сказать: *меня никогда не волновало твое прошлое*. Но это неправда. И лишь тогда я понимаю: это не Питер должен был освободиться от Женевьевы, а я. Все время, что я была с Питером, я сравнивала себя с ней, во всем, в чем считала себя хуже. Во всех областях, где наши отношения меркнут по сравнению с их. Это я не могла ее отпустить. Это я не оставила нам шанса.

Внезапно он спрашивает:

– Что ты хочешь пожелать, Лара Джин? Ведь ты выиграла. Кстати, поздравляю. У тебя получилось.

Меня всю разрывает от эмоций.

– Я желаю, чтобы между нами все снова стало, как прежде. Чтобы мы могли быть самими собой. Чтобы мы чудесно проводили время вместе, и чтобы это был красивый первый роман, который я запомню на всю жизнь.

Я чувствую, что краснею от собственных слов, но я рада, что сказала это, потому что глаза Питера смягчаются, становятся карамельными, и мне приходится отвести взгляд.

– Не говори так, будто все уже обречено.

– Я и не хотела. Первое – это не обязательно последнее, но оно всегда будет первым, а поэтому особенным. Первое всегда особенное.

– Ты не первая, – произносит Питер. – Но ты для меня самая особенная, потому что я тебя люблю, Лара Джин.

Люблю. Он сказал «люблю». У меня кружится голова. Я девушка, которую кто-то любит, любит парень, а не только ее сестры, отец и собака. Парень с красивыми бровями и ловкими руками.

– Я без тебя с ума сходил. – Питер почесывает затылок. – Может, просто...

– Хочешь сказать, я все-таки свожу тебя с ума? – прерываю его я.

Он стонет.

– Я хочу сказать, что ты сводишь меня с ума больше любой девушки, что я когда-либо встречал.

Я подползаю к нему, наклоняюсь и провожу пальцем по его брови, мягкой, как шелк. Я говорю:

– В контракте мы обещали, что не разобьем друг другу сердце. Что, если мы снова это сделаем?

– И что с того? – решительно отвечает он. – Если мы будем осторожничать, то это ни к чему не приведет. Давай сделаем все по-настоящему, Лара Джин. Пойдем ва-банк. Никакого больше контракта. К черту страховку. Можешь разбивать мне сердце. Делай с ним все, что захочешь.

Я кладу руку ему на грудь, над сердцем. Я чувствую, как оно бьется. Я опускаю руку. Его сердце мое, только мое. И теперь я в это верю. Оно мое, и я могу либо заботиться о нем и защищать, либо разбить его.

В любви очень многое случайно. В этом есть что-то пугающее и чудесное одновременно. Если бы Китти не разослала мои письма, если бы я не пошла в тот вечер к джакузи, сейчас он мог бы быть с Джен. Но Китти отправила мои письма, и я сделала тот шаг. Все могло бы произойти по множеству сценариев. Но все случилось так. Мы ступили именно на эту тропу. *Это* наша история.

Теперь я знаю, что не хочу любить или быть любимой наполовину. Я хочу все, а чтобы получить все, нужно рисковать.

И я беру руку Питера, кладу ее себе на сердце и говорю:

– Пожалуйста, береги его, потому что оно твое.

Он смотрит на меня таким взглядом, что я точно знаю: он никогда еще не смотрел так на другую девушку.

И вот я у него в руках, мы обнимаемся и целуемся, и мы оба дрожим, потому что знаем: в этот вечер мы стали настоящими.

– Ты не сразу становишься настоящим, – сказала Кожаная лошадь. –

А после того, что с тобой случается.

– Это больно? – спросил Кролик.

– Иногда, – ответила Кожаная лошадь, потому что она всегда говорила правду. – Но, когда ты настоящий, тебе не страшна никакая боль.

Марджери Уильямс^[3].

Благодарности

Самые сердечные благодарности моему редактору, Зарин Джеффери, без которой я не смогла бы написать эту книгу. Спасибо также Джастину Чанда, моему издателю и дорогому другу, а также Энн Зефиэн, Мекише Телфер, Кэти Хершберг, Крисси Но, Люси Камминс, Люсиль Реттино, Кристине Пекорале, Рио Кортесу, Мишель Фадлайя Лео, Кэнденс Грин и Сооджи Ким. Я уже десять лет в S&S, и я люблю вас больше, чем когда-либо. Спасибо также команде S&S Канада за то, что так упорно поддерживали меня и мои книги.

Вся моя любовь и восхищение моему потрясающему агенту, Эмили ван Бик, Молли Джаффа и всей команде «Фолио», я вас очень ценю. Спасибо также Елене Йип, моей верной помощнице на полставки.

Шивон Вивиан, моей соучастнице в писательстве, в преступлениях и во многом другом. Без тебя я бы не справилась. Адель Гриффин, одной из самых прекрасных женщин в мире: ты всегда найдешь пульс в любой истории. Морган Мэтсон, за ту ночь в Лондоне.

И, наконец, моим читателям – как всегда, вся моя любовь – вам.

Дженни

Об авторе

Дженни Хан – автор бестселлеров *The New York Times* «Всем парням, которых я любила» и трилогии «Этим летом я стала красивой». Также из-под ее пера вышли две детские книги, «Шаг» и «Клара Ли и сон о яблочном пироге». Кроме того, в соавторстве с Шивон Вивиан она написала трилогию «Огонь в огне». Дженни живет в Бруклине, Нью-Йорк. Заходите к ней на сайт dearjennyhan.com

notes

Примечания

Национальный корейский костюм, состоящий из запахивающейся юбки и жакета. *Здесь и далее примеч. ред.*

Марди Гра – вторник последней недели перед началом католического Великого поста.

Уильямс, Марджери (1881–1944) – автор многих детских книг. Самая известная – «Плюшевый кролик» (1922).